

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

А. Я. ЖИВОЙ

НЕБЕСНЫЙ КОРОЛЬ. ЭФИРНЫЙ ОБОРОТЕНЬ!

Небесный король

Алексей Живой

**Небесный король:
Эфирный оборотень**

«Автор»

1997

Живой А.

Небесный король: Эфирный оборотень / А. Живой — «Автор», 1997 — (Небесный король)

Спокойствие американских ВВС нарушено. Самолеты получают приказы из несуществующего командного центра и бомбят свои же базы. Сталкиваются в воздухе. Летят туда, куда их никто не посыпал. Самые современные ВВС в мире неожиданно разбил паралич. А все потому, что в их действия стал вмешиваться неподконтрольный эфирный оборотень, которого невозможно обнаружить никакими приборами, поскольку он – волшебник. Его зовут Антон Гризов. Он служит младшим сержантом в войсках радиоразведки России. Попав в автокатастрофу, Гризов неожиданно получает дар ясновидения и неограниченные возможности превращения. Он легко поднимается в горы, опускается под воду, ведет огонь из всех видов оружия, забавляясь, использует стихии по своему усмотрению и даже может пребывать одновременно в нескольких телах. Его неподконтрольные действия грозят сорвать главный план США – неожиданное нападение на Россию с помощью секретного оружия. Но даже сам эфирный оборотень не подозревает, что Россия уже готовит ответный удар.

Содержание

Часть первая Вольный сын эфира	5
Глава 1. Стражи воздушных рубежей	5
Глава 2. US Air Force	13
Глава 3. Сны младшего сержанта	19
Глава 4. Операция «Карающий меч»	25
Глава 5. Сюрпризы начинаются	35
Глава 6. Подарок для Саддама	46
Глава 7. Генералы играют в шахматы	56
Глава 8. Пропавшие бомбардировщики	63
Глава 9. О пользе алкоголя на боевом дежурстве	71
Глава 10. Черный полковник	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Алексей Живой Небесный король: Эфирный оборотень

Алексей Живой

Небесный король: Эфирный оборотень

Фантастический роман

*Над тенетами жизни моя душа,
огненная птица,
летящая в бесконечности...*

Шри Чинмой

Часть первая Вольный сын эфира

Глава 1. Стражи воздушных рубежей

Ночное небо ровно светилось. Прилетевший с далеких Тибетских гор ветер пригнал с собой стайку облаков, похожих на заблудившийся табун лошадей. Зацепив край луны, облака нарушили неподвижный пейзаж, залитый тусклым серебром. Потерялась и смазалась чистота. Небо стало едва заметно мерцать, а прозрачный воздух почему-то запах орехами.

У раскрытого окна, на четвертом этаже секретного приемного центра стоял младший сержант войск радиоразведки Антон Гризов и, потягивая сигарету, наслаждался царившим на земле покоем. Минувший день не оставил в его душе никакого следа. Еще один день из череды таких же пустых и глупых, какими был наполнен весь предыдущий год службы. В этот момент Антон словно находился в полосе безвременья, когда уже многое позади, но еще больше там, куда стремилось это самое время, стекая по капле, срываясь, падая и уходя в бесконечный полет меж стен бетонного колодца.

Антон повернул голову и посмотрел на расположенные вдоль стен посты радиоперехвата. За ними, мирно посапывая в такт раздававшимся из наушников шорохам ночного эфира, дремали стражи воздушных рубежей. «Да, – отметил про себя Антон, – граница на замке». Он скользнул взглядом по верхушкам деревьев, окружавших приемный центр огромным кольцом. Мало-помалу начинало светать. Небо становилось прозрачнее, и все больше розовело на востоке. В низинах висел легкий туман. Где-то там, за лесом, спали города. Спал и его родной Питер, укрывшись все тем же туманом. Гризов докурил сигарету, кинул ее вниз. Огонек прочертил дугу в воздухе, стукнулся об асфальт, и разлетелся фонтанчиком маленьких искр. Постояв еще минуту в нерешительности, Антон бросил прощальный взгляд на столь любимое им небо и, сдержав подиравшийся к горлу прилив щемящей тоски, направился к своему посту.

Пост младшего сержанта находился на достаточно выгодном месте – в двух метрах от окна, что было приятно при желании подышать свежим воздухом или покурить, и в тоже время на достаточном удалении от входа, скрытого от Антона двумя колоннами. В задачи «микрофонщиков», к которым относился и Антон, входило подслушивание переговоров НАТО-вских летчиков в прямом эфире. Собственно сам пост состоял из двух мощных радиоприемников и двух магнитофонов для постоянной записи эфира. Кроме того, в него было встроено специальное устройство с рядом кнопочек и лампочек, служившее для связи с командным пунктом приемного центра, а также расположенного в нескольких километрах пеленгатора. Все

посты центра следили за активностью военно-воздушных сил США в Европе. Самыми важными постами считались «Большая дорога», «Глобальный перегон» и «Рояль». Младший сержант Гризов сидел за вторым по значимости постом, носившим название «Глобальный перегон». Пост этот отвечал за всю воздушную разведку, грузовые переброски, а также следил за перелетами личного самолета американского президента. По соседству за «Роялем», то бишь за постом, неусыпно следившим за всеми передвижениями Royal Air Force Великобритании, сидел друг Антона «дедушка» Вадик Родионов, а в просторечии – Малой. Оператором поста с разбойниччьим названием «Большая дорога» был еще один друг Антона – Шура Белинский, ходивший в другую «смену».

«Надо половить чего-нибудь», – решил Антон наконец и надел наушники, которые, согласно Воинскому Уставу, приказывалось именовать только головными телефонами. Ночной эфир сразу же ворвался в уши младшего сержанта миллионами отдаленных шумов и шорохов, среди которых ему предстояло отыскать что-то похожее на переговоры американских самолетов. Разница между часовыми поясами с США составляла восемь часов, и американцы только начинали засыпать на своем отдаленном континенте. Их же милитаризованные соплеменники не спали никогда и круглосуточно бороздили воздушный океан в районах, преимущественно прилегавших непосредственно к российским границам. В эти утренние часы уже редки были полеты стратегических бомбардировщиков, а «разведки» и того меньше, но были. Если повезет, можно зацепить какой-нибудь интересный самолет, а потом получить внеочередноеувольнение. Антон словно играл с американскими летчиками в кошки-мышки: они должны убежать, уйти неопознанными, а он найти и опознать их. В этом и состоял интерес. По большому счету, если удавалось отрешиться от действительности, Антон даже любил иногда свою службу. А особенно он любилочные «смены». Романтика ночного эфира манила его, притягивала, словно магнит.

Пошарив вручную по основным частотам работы самолетов разведки, Антон ничего примечательного не обнаружил, и запустил приемник сканировать все частоты в автоматическом режиме. А сам устроился поудобнее и задремал. То и дело до него доносились отголоски докладов пилотов, какие-то транспортные переброски, метеосводки с испанских и английских станций НАТО, но все это можно было не брать. Крупная рыба таилась где-то в глубинах необъятного эфира, ждала своего часа. Надеялась, что уснет младший сержант. И не зря надеялась. Спустя десять минут Антон уже видел себя сидящим за огромным столом, установленном в три ряда горячительными бутылками и всяческой снедью. Служба окончилась. Он сидел в окружении своих друзей и родных, пил водку, курил и поглощал семейные запасы. То и дело его хлопали по плечу, поздравляли с возвращением из рядов великой и могучей армии, желали счастья. Светило яркое солнце, гости млеши и напивались. Запах сирени плыл над цветущим садом, где пировала шумная компания. «Интересно, – думал радостный Антон, – откуда у меня взялся сад? Его ведь у меня никогда в жизни не было. Только в деревне, у бабушки». Но сад продолжал благоухать, настраивая людей на лирический лад. Антону вспомнилась вдруг девушка, которая обещала дождаться его из армии. Он ее любил и не забывал, а потому вдруг страстно захотел увидеть ее прямо сейчас, за столом, среди своих друзей и родных. «Почему же ее нет? – тосковал Антон. Почему она не пришла? Обещала ведь дождаться... Вот и верь после этого девушкам». Неожиданно лица друзей смазались и растаяли в воздухе, а прямо над ним появилось ее лицо, милое и слегка грустное. Антон потянулся было к нему, но лицо вдруг тоже растаяло. Вместо него обозначилось что-то расплывчатое и пахнущее чесноком. Катя посмотрела на него как-то странно, дыхнула перегаром, и вдруг сказала:

– Младший сержант Гризов, едрит твою через коромысло, опять дрыхнешь на дежурстве!

Это был залет, представший перед заспанными глазами Антона в виде нового дежурного по КП майора Фуфайкина, носившего кличку Фофан. «Увольнения не видать», – подумал Антон и, встав со стула, сказал:

– Никак нет, товарищ майор, думаю.

– Думать тебе вредно. На разводе доложить ротному.

И, услышав в ответ, полагавшееся «есть», Фофан удалился с радостным чувством сделанной гадости, предвкушая грандиозный разнос на утреннем разводе. Вся ночная «смена», старшим которой был сержант Родионов, то бишь Малой, вместо законного сна после двенадцатичасового дежурства, будет бегать, прыгать и преодолевать препятствия. Глядя вслед удаляющемуся майору, Антон подумал о странном сходстве Фофана с телеграфным столбом и мысленно пожелал майору когда-нибудь им стать. Он даже представил себе явственно огромный железобетонный столб, разлинованный двумя красными полосками по каждой грани и усыпанный майорскими звездами.

Отключившись от создания собирательного образа Фофана, Антон вновь усился в кресло, остановил круговой бег частот приемника и, от нечего делать, стал прослушивать частоту «A7». Ведь застукали всю «смену» во главе с ее доблестным старшим, и «шакалы» не успокоятся еще час. На удивление эфир ожидал и заполнился четким голосом пилота, чеканившим буквы и цифры доклада:

– Скай кинг! Скай кинг! Ду нот ансер! альфа, браво, джулиет, танго, ван, фоо, лима, папа, майк, найн, ван, оскар, романо…

Антон втопил кнопку связи с пеленгатором и, заорав в микрофон «Смотри, «A7» работает!» кинул команду на пеленг. Через пять минут, после того как американский самолет-разведчик преспокойно отчитал доклад и ушел в тишину необъятных эфирных просторов, в наушниках Антона раздался заспанный и обиженный голос Вовки Сухова с пеленгатора:

– Ты что, младшой, одурел? Люди тут десятый сон видят, а он команды кидает!

– Видел что-нибудь? – безнадежным голосом спросил Антон, хотя уже заранее знал ответ – на пеленгаторе народ подобрался на редкость дружный в отношении сна.

– В гробу я тебя сосновом видел! – заявили с пеленгатора и отключились.

Антон откинулся на жестком стуле, иногда называвшемся креслом, и явственно себе представил ухмыляющуюся физиономию сытого и наглого пилота самолета-разведчика «U-2», которому удалось спокойно выполнить задание и уйти неопознанным. Антону даже показалось, что проклятый американец в эту минуту смеется над ним, русским солдатом, упутившим добычу по вине лопухнувшихся сослуживцев. «Ну, погоди у меня! – мысленно пригрозил Гризлов американскому пилоту, – В следующий раз ты от меня так легко не отделаешься, НАТОвская морда!». Между тем, близился утренний развод, и поневоле думать надо было о другом.

Неяркое солнце висело низко над деревьями, обрамлявшими полковой плац. Отдельный Полк Радиоперехвата готовился к проведению развода. Первая, вторая и четвертая роты стояли вдоль длинной белой линии, ожидая прибытия комбата. Офицеры покуривали невдалеке, обмениваясь новостями. Солдаты переваливались с ноги на ногу на одном месте, бросая завистливые взгляды на курящих офицеров. Из стоявшей впритык к плацу полуразвалившейся армейской столовой вышел прапорщик Жмень, взглянул мутными глазами на скучающих солдат, и, пыхнув «Беломором», скрылся за углом. Пролетавшая по своим делам стая ворон, сделав полукруг над плацем, уселась на верхушки деревьев, заинтригованная большим скоплением человекаобразных существ. Спустя минуту по шеренгам пронесся приглушенный ропот. Офицеры зашевелились, побросали сигареты и заняли свои места во главе строев. Солдатская масса привычно насторожилась. Из ворот показалась долговязая фигура комбата. Семимильными шагами полковник Волков приближался к плацу, держа руки за спиной. У всего личного состава перехватило дыхание – по всем приметам комбат был явно не в духе. Затихли последние разговоры. Казалось, ветер перестал тревожить листья, а солнце потускнело. Даже вороны с уважением уставились на вновь прибывший индивид, которому явно сейчас не хватало папахи, шашки и коня.

– Ст-но-в-и-и-и-сь!!! – разнеслась по всей округе команда, вылетевшая из луженой глотки начштаба майора Шпеня.

Сие означало: вытянуться во весь рост, поднять подбородок, набрать полную грудь воздуха, раздвинуть врозь носки сапог. Офицеры все выполнили превосходно. Сотня солдатских тел в течение трех секунд перемещала центр тяжести с одной ноги на другую, так и не успев выбрать необходимое положение до следующей резанувшей воздух команды:

– Сми-и-р-но!!!

Вконец сбитые с толку солдаты застыли, как изваяния в музее восковых фигур.

Толстый Шпень повернул свое бочкообразное тело направо и попытался сделать три четких строевых шага по направлению к комбату, взиравшему на все это безобразие издалека, как и полагалось по уставу, но перенапрягся и чуть не упал, едва удержав равновесие. Немного покачавшись, поскольку вчерашний хмель неожиданно дал о себе знать мощным ударом в голову, Шпень доложил:

– Товарищ полковник, Три тысячи шестой минус пять Отдельный Полк Радиоперехвата на утренний развод построен! Начальник штаба майор Шпень!

Волков посмотрел на него с высоты своего гигантского роста и спросил:

– Ты что, дурак?

Майор немножко задержался с ответом, икнул, выдохнул перегаром, но все же нашелся:

– Никак нет, товарищ полковник, я не дурак!

Не ответив на приветствие, комбат подошел к строю первой роты и, обращаясь к ее командиру, худощавому как степная трава старшему лейтенанту Абдурахманову, сказал:

– Слушай Абдурахманов, кто у тебя на «Смене» сегодня ночью спал?

Старый службист Абдурахманов принял сторожевую стойку и радостно рявкнул:

– «Смена», пять шагов вперед!

Двенадцать невыспавшихся человек, царапая подкованными каблуками бетон, выползли из строя и встали перед комбатом. Среди них был и Антон Гризов. Все, что должно было произойти сейчас их не особенно пугало, поскольку пределы вздрючивания были известны наперед. Каждый получит по несколько нарядов на службу, как минимум. Приятного в этом, конечно, тоже было не особенно много. Из-за спины сверкающего глазами комбата, словно из ниоткуда, вдруг появился майор Фуфайкин, и уже открыл было рот, чтобы назвать нарушителей воинской дисциплины поименно. Но намерениям Фофана не суждено было сбыться.

– А вы молчите, пока я вас не спросил, – мягко предупредил его комбат, и, обращаясь к «смене», гаркнул: – Вы как из строя выходите, товарищи разведчики, а? Едрена вошь! А ну, марш назад!

Повторив трижды процедуру «вход-выход», и выявив зачинщиков повальной спячки, Волков приказал наказать всех и, сверкая глазами, удалился в другой конец строя по направлению к шеренгам четвертой роты. Оттуда тотчас раздалось «Вы как из строя выходите, а?» И несколько раз повторилась процедура «вход-выход». Антон смотрел на легендарного комбата и не мог понять, кого именно тот ему напоминает: толи небритого и измотанного походами Петра Первого в период виктории под Полтавой, толи Василия Ивановича в пору лихой командирской юности. Из порядков четвертой роты доносились истошные крики – Волков щедро раздавал наряды на службу. В первой роте Антон, Малой, Патрон, Корел и Афоня получили по три наряда, отходить которые полагалось тогда, когда станет полегче на «Смене». В настоящее время как раз шли учения ВВС США «Кругом туман», в которых участвовали силы 61 и 62 воздушных армий. Самолетов летала тьма, а народу на «смене», естественно, не хватало. Антон и Малой сидели за основными постами центра «Глобальным перегоном» и «Роялем», поэтому их то начальник разведки и ПЦ майор Могила ни в какие наряды не отпустит. Ну, а вся остальная компания рядовых через недельку начнет гасить свои долги.

После нескольких часов сна, слегка перекусив картошкой и синюшной рыбой, вся «Смена» в полном составе снова стояла перед ПЦ, ожидая инструктажа. Из дверей приемного центра вышел, щурясь на солнце, капитан Смурной. Поскольку Малой временно испарился в направлении почты, старшим по званию был Антон. Он сплюнул на асфальт и сказал:

– «Смена», становись!

Постояв немного без слов, чтобы выдержать паузу, капитан неожиданно перешел сразу к делу, как ни странно, не уделив внешнему виду защитников Отечества должного внимания.

– Итак, товарищи разведчики, идет вторая неделя учений ВВС США – «Кругом туман». Отрабатываются варианты переброски десантных сил транспортными самолетами в район Западной Европы. Вчера в Средиземке дважды отмечалась пятьдесят вторая «Кривая сосна». Там же активно работает самолет разведчик U-2 с позывным «Тень на плетень». Дмитриенко, особое внимание обратить на работу заправщиков южнее Великобритании, а также разведки. Упустишь сегодня хоть один выход «Тени» – готовь зад.

– Товарищ капитан, – возмутился Николя Дмитриенко, оператор «Большой дороги», – Да ведь он сегодня больше не выйдет наверняка. Сел уже давно, где-нибудь в Испании, десятый сон видит.

– Разговорчики! – рявкнул Смурной, – Ты чем сегодня ночью занимался?

– Дежурил.

– Дежурил? Это ты вон Патрону расскажи, что дежурил. Он поверит.

– А что я? – подал голос пробудившийся от дремы Патрон, который имел привычку засыпать как только останавливался.

– Эти-то, – Смурной махнул рукой на остальных, – Хоть просто дрыхли на боевом посту, а ты опять ведро картошки наварил? Опять резисторы пообдидал со всех свободных постов, кипятильников понаделал, рационализатор хренов.

– Не было такого, – сказал Николя, подняв на Смурного свои честные голубые глаза.

Капитан перевел дух, сплюнул, затоптал плевок правой ногой, словно Моргунов из «Кавказской пленницы», и продолжил:

– «Глобальный перегон».

Антон насторожился. Это уже его касалось.

– С утра наблюдается активизация «Свистунов» в Северном море. Там, по данным разведки, американцы проводят в рамках глобальных НАТОвских учений «Кругом туман» еще одно учение местного значения – «Утро туманное». Брать каждый выход. Кроме того, ожидается межбазовый перелет «Контейнера с шишками» из Германии в Италию. Ну, и, естественно, скоро должны пойти два звена «Зеленых кирпичей» с континента на Зунум. Дожидаемся их уже вторую неделю. Смотреть в оба, Гризов. Не дай бог, пропустишь. Тогда Москва незамедлительно вставит нам, а мы тебе. Понял?

Солнце уже почти скрылось за деревьями. Воздух понемногу становился прохладным. Смурной еще раз окинул вновь прибывшую «смену» пристальным взглядом, и сказал:

– Остальные посты по плану. Да, кто сегодня за «Роялем»?

– Малой, товарищ капитан. – ответил Антон.

– Где он?

– В санчасти, приболел немного. Но скоро будет.

– Передашь, что ожидается перелет королевы из Саутгемптона на Шимодан. Чтобы не проспал!

– Малой его возьмет с закрытыми глазами.

– Ну, все. Инструктаж окончен. К охране воздушных рубежей – приступить!

Обнявшись по обычанию со всей предыдущей «сменой» (процедура напоминала обмен рукопожатиями между русской и канадской хоккейными командами после трудного поединка за кубок «Стенли»), солдаты и Антон расселись по своим постам. Поскольку на КП цен-

тра сегодня дежурил капитан Смурной, то особого шмона не предвиделось. Смурной если и выпендривался, то больше для острастки, чтобы жизнь медом не казалась, а вообще-то он был мужик ничего. Службу знал и «смену» не закладывал. Таких в полку уважали. На ПЦ офицеры вообще по большей части занимались делом. Руководил приемным центром старый волк радиоразведки майор Могила. О майоре ходили разные слухи, которые в целом сводились к тому, что майор – мужик что надо. После его прихода в полк халявный по службе центр «Смородина» словно преобразился и стал брать вдвое больше самолетов противника, чем раньше. Со временем Майор так вымуштровал составы обоих «смен», что ПЦ «Смородина» прослыл самым лучшим в системе «Паутина». Здесь теперь брали больше всех, даже большие Московских точек, которые пользовались данными ПВО и прямой разведки. У солдат центра на службе появился даже какой-то спортивный дух. Просматривая по утрам на компьютере сводку отлетавших за сутки самолетов НАТО, радиоразведчики со «Смородины» откровенно смеялись над центральными узлами системы, которые могли обеспечивать только около шестидесяти процентов «взятых» самолетов, в то время как смородинцы брали почти восемьдесят. За всем этим стоял майор Могила. Перед тем, как посадить кого-либо за боевой пост, майор дрессировал солдат как обезьян в цирке, но зато они знали – если ты попал на пост, тебе сам черт не брат и не страшен даже комбат. Ты за каменной стеной, потому что за своих солдат Могила будет биться до последнего хоть с комбатом, хоть с генералом, хоть с папой Римским.

Скинув сапоги и облачившись в тапочки, Антон откинулся в жестком кресле и, закурив, стал просматривать журнал поста, куда вносились все взятые за предыдущую смену самолеты. Его сменщиком был Серж Домино – лучший оператор центра. И хотя Сержу через пару месяцев светил очень ранний дембель, он, тем не менее, по укоренившейся привычке продолжал выуживать из глубин эфира то, чего кроме него не мог взять никто. Начальство его любило и часто хвалило. Поэтому Антону волей не волей приходилось брать тоже не мало. Халявить на посту с таким сменщиком было как-то неудобно. Когда уйдет Домино первым придется становиться ему. А он был не против. Да и за державу обидно. Ведь центр ко времени первого заступления Антона на пост уже слыл самым лучшим в системе «Паутина».

Просмотрев длинный список самолетов, Антон выпустил пять колец сизого дыма и хмыкнул. Кольца, поднявшись на полметра вверх, распались, образовав плотную дымовую завесу вокруг поста. Антону, глядя на дым, вдруг вспомнилась бабушка, которая была известной на всю округу знахаркой и колдуньей. Такой дым частенько витал над очагом, в котором она готовила свои снадобья от разных хворей. Хотя злые соседские языки от зависти и страха перед таинственными возможностями старухи утверждали, что она была ведьмой, Антон ее очень любил и в детстве даже помогал собирать разные травы в лесу. Бабушка рассказывала любимому внуку на ночь много сказок и историй, а когда он чуть подрос, даже научила заговаривать зубы и нехитрые раны. Только со временем, проведя много лет в большом городе, Антон позабыл все заговоры. Однажды, уже в армии, он по просьбе лейтенанта Абдурахманова, проинавшего о его ведьминских предках, попытался заговорить тому большой зуб, но вместо излечения от хвори у Абдурахманова вырос большой флюс. С тех пор Антон предпочитал жить как обычный человек, никак не обнаруживая своей предрасположенности к чудесам.

– Ну, что-ж, начнем, – сказал младший сержант Гризов и надел наушники.

Эфир сразу ворвался в его жизнь отдаленным шипением и потрескиванием. В левом ухе сканировались частоты одним приемником, в правом – играла музыка. «Устал служить Серж» – улыбнулся Антон и перестроил второй приемник с «Радио Модерн» на основную частоту работы заправщиков. Почти сразу же он услышал надтреснутый, прорывавшийся сквозь ураган помех, голос пилота:

– «Краутон»! «Краутон»! Здесь «Кривая сосна 59».

Ответа не последовало. Через секунд пилот повторил свой вызов.

– «Краутон»! «Краутон»! Здесь «Кривая сосна 59».

Спустя еще полминуты из пустоты вечернего эфира наконец возник ответный голос диспетчера вызываемой авиабазы:

– «Кривая сосна 59», здесь «Краутон». Плохая слышимость. Плохая слышимость.

Антон положил пальцы на рычажок подачи команд на пеленг и стал ждать следующего включения самолета. Ожидание было недолгим. Эфир ожил уже через пару секунд.

– «Краутон»! «Краутон»! Здесь «Кривая сосна 59».

– О'Кей, «Кривая сосна», слышу вас.

Антон «кинулся» команду на пеленг, крикнув в динамик связи с пеленгатором: «смотри 20.66 работает!»

– Время вылета в 17.00 по Гринвичу. Имеем на борту 45 тонн топлива и шесть членов экипажа. Расчетное время прибытия в район дозаправки истребителей 18.15 по Гринвичу. Как понял?

– Понял, «Кривая сосна». Доклад принят. Желаю удачи!

– Конец связи.

Эфир мгновенно опустел. Из наушников опять понеслось лишь шипение да потрескивание. Антон включил кнопку связи с пеленгатором. На этот раз откликнулись быстро, он даже не успел спросить: «Сколько?».

– 263 градуса. Что это было?

– Заправщик. Позывной «Кривая сосна».

– Понял.

– Так, – сказал Антон уже сам себе, и посмотрел на огромную карту, висевшую на стене за постом, чтобы удостоверится лишний раз, хотя в этом не было нужды. Он уже и так подсчитал, что «косяк», так называли в обиходе летающий танкер, находился севернее Англии.

– Сорок пять тонн, – пробормотал себе под нос Антон, – хватит, чтобы дозаправить три истребителя F-111. Каждому на два часа полета. А это, я так понимаю, и есть «Утро туманное».

Записав «Сосну» в журнал поста, Антон включился на КП. Из вмонтированного в пульт динамика внутренней связи неожиданно вырвался нестройный мужской хор, затянувший последний куплет «Шумел камыш». Антон вспомнил, что у Смурного сегодня был день рождения.

– Да! – рявкнул капитан, явно недовольный тем, что его оторвали от веселой компании и приятного времяпрепровождения.

– Товарищ капитан, – доложил Антон ехидным голосом, – Я конечно понимаю, что вам на это наплевать, но в 21.10 по местному отметился «косяк» «Кривая сосна 59». Летает севернее Англии по учениям «Утро туманное».

С КП послышался громкий звон стаканов, напоминающий перезвон кремлевских курантов. Антон был уверен, что Смурной не разобрал ни единого слова.

– Понял, – ответил Смурной бесцветным голосом, который должен был поддерживать в подчиненных уважение к мундиру при любом состоянии его владельца, – Бодай дальше, Гризов.

И отключился, оставив Антона наедине с эфиром. Правое ухо молчало. В левое, время от времени, прорывались обрывки радиообмена непонятного происхождения с одной из сканирующих по кругу частот:

– Хр… р… ре… ей… ей… есь… ни… рта… ать… ять…

Антон остановил нужную частоту и услышал:

– «Хрэй»! «Хрэй»! Здесь «Ни черта не видать 25»

«Понятно, – подумал про себя Антон, – Что-то АВАКСы разлетались под вечер. Давно спать пора.»

Команду на пеленг он даже не стал кидать. Эти гробы летели почти всегда на одном и том же месте. Антон записал доклад и откинулся в кресле, пустив частоты по кругу. Когда рядом,

за «Роялем», появился резко выздоровевший Малой, в активе у Антона было уже несколько «Свистунов», пара «Привидений», еще один выход «Сосны» с докладом о дозаправке трех истребителей, а также пара назойливых «Топотунов», долбившихся на станцию через каждые двадцать минут и измучивших своими ненужными докладами не только Антона, но и собственную авиабазу.

– Привет «Роялистам»! – крикнул Антон, поворачиваясь в сторону Малого и понимая, что выходящий в эфир в эту секунду «Контейнер с шишками» он братя не будет, хотя и надо бы.

– Привет «Самогонщикам»!

– Не «Самогонщикам», а «Перегонщикам», – поправил его Антон. – У тебя, Малой, все королевы уже улетели в небытие, и от английского командования ты скоро получишь орден первой степени «За содействие».

– Да и хрен с ними, с королевами, – сказал Малой, – усмехаясь и скидывая сапоги, – Я вот домой позвонил. Вот это – да.

– Ну и как там?

– Да все, в общем, нормально. Батя только приболел немного.

– А что с ним?

– Сердце, говорят. Он в больнице две недели лежал, сегодня только выписали.

– Ну, слава Богу, обошлось.

– Да, слава Богу… О-па… погоди… – Малой прислушался к тому, что творилось у него в эфире. – Ты, Тоха, извини. Похоже, она все-таки взлетает. Надо братя, однако.

– Да ничего, – сказал Антон и с разворота шлепнул по ручке команды, послав сигнал на пеленг. – Смотри 60.05, работает!

Зашепив конец очень длинного и очень мутного доклада, Гризов записал в журнал второй выход «Контейнера с шишками». «Контейнер» уже летел обратно в Германию, оставив все шишки в солнечной Италии. Не успев взять один, Антон принимал уже следующий выход:

– «Тирион»! «Тирион»! Здесь борт «ПУП 56 031»!

– «ПУП 56 031»! Здесь «Тирион»! Слыши вас хорошо.

– Авиабаза «Тирион», прошу срочно передать мое сообщение на КП «Волеран». Имею на борту 60 тонн опасного груза, 4 контейнера, два танка и пять пассажиров. Время посадки на авиабазе «Кайро» – 20.00 по Гринвичу. Как понял?

– «ПУП 56 031», вас понял.

– «Тирион», конец связи.

– Завязывай давай, в десять часов в клубе кино начинается, а он все бодает.

За спиной Антона стоял Серж Домино и потягивал сигарету. Увлеквшись, Антон даже не заметил как пришла «Смена». Народ бродил по всему залу, здороваясь, обнимаясь и обмениваясь новостями друг с другом.

– А что за фильм? – поинтересовался Антон.

– «Дураки умирают по пятницам».

«Как жаль, что сегодня четверг», – подумал Антон, вспомнив о Фофане и комбате, а вслух спросил:

– Малой, ты уже взял королеву?

Малой снял «ушки» и повесил их на крючок сбоку поста.

– Ну, а как же…

– Тогда скажи ей «Гут бай» и пошли смотреть кино.

Глава 2. US Air Force

Истребитель вынырнул из облаков так неожиданно, что боевое охранение спрятанной среди песчаных холмов артиллерийской батареи не успело среагировать. Точнее, не успело бы. Поймав цель в перекрестье электронного прицела, Рассел ни секунды не колеблясь – секунда колебаний это слишком много во время молниеносной атаки, – нажал пуск. Из-под крыльев сорвались две ракеты и, отбрасывая назад длинные белые струи, устремились к скоплению замаскированных меж барханов крупнокалиберных пушек. Ракеты угодили точно в цель. Над песчаными холмами взметнулись два столба огня и дыма, разметавшие артиллерийскую батарею в клочья. Не удержавшись, Рассел Кремп сделал круг почета над поверженной батареей, любуясь делом своих ловких рук. В этот момент заработала рация.

- МЭК 19 027, говорит авиабаза «Гринфилд».
- База «Гринфилд», здесь МЭК 19 027. Слыши вас хорошо.
- Доложите о выполнении задания.
- Задание выполнено. Артиллерийская батарея уничтожена полностью.

Рассел еще раз взглянул на столб дыма поднимавшийся от поверхности. Рация снова ожила.

- МЭК 19 027, вам предписывается обнаружить и уничтожить вторую цель в квадрате 29.07.
- Характер цели?
- Аэродром подсекока противника. На выполнение атаки дается три минуты.
- Вас понял.

Рассел положил свой F15 Eagle на новый курс в квадрат 29.07. Истребитель плавно выполнил маневр, качнув острыми крыльями. Рассел обожал свой самолет за то, что тот так легко слушался управления, был маневренным и быстрым. Тридцатилетний майор ВВС США Рассел Кремп считался на своей авиабазе первоклассным летчиком. Каждому заданию, когда удавалось то души пострелять, а не только отрабатывать фигуры высшего пилотажа, майор радовался, как ребенок – честно и открыто. А это задание как раз таким и было. За последние два месяца майору редко удавалось пострелять. Но вот, наконец, свершилось. Квадрат назначения 29.07 находился не очень близко, но и не так чтобы очень далеко. Около пятнадцати минут лету.

Рассел снова набрал высоту. Серебристый F15 Eagle затерялся среди облаков. Конечно, такая маскировка не могла спасти его от противника, задумай он тут внезапно появиться. Как опытный пилот Рассел был готов ко всему, но приборы наблюдения и дальнего обнаружения противника показывали кристальную чистоту пространства от летающих объектов военного назначения. Только где-то на дальних подступах проплывали своим курсом несколько гражданских аэробусов, не представлявших никакой опасности для истребителя ВВС. Собственно, само задание изначально предполагало рейдерский полет одного единственного истребителя. Хищника выпустили погулять над позициями противника, пощекотать нервы ему и себе, – а что могло быть для хищника лучше? Видимо, полковник Патерсон, шеф авиабазы «Гринфилд», куда перевели майора Кремпа, решил дать ему возможность в очередной раз проверить свою квалификацию. Что ж, и на том спасибо.

Рассел взглянул на часы и прикинул «До цели лететь еще минут шесть-семь». Он рассматривал свои шансы подобраться незамеченным примерно пятьдесят на пятьдесят, точнее – шестьдесят на пятьдесят. В себя майор верил, и в истребитель тоже. Оставался только противник и его умение. Но тут уж, как повезет. Аэродром наверняка муляж, поскольку его предписывалось уничтожить. Значит вряд ли можно нарваться на боевое охранение в виде истре-

бителей вероятного противника. Хотя, то этой старой лисы Патерсона ожидать можно было всего. Вплоть до атаки вражеских самолетов.

Рассел бросил взгляд на приборы – он уже был почти над целью. Пора начинать заход для ракетного удара. Судя по показаниям анализаторов пространства, никаких самолетов противника пока не было видно.

– Что ж, – радостно сказал майор Кремп сам себе. – Постреляем.

F15 Eagle клюнул острым носом и снова устремился к земле. Рассел испытывал неописуемый восторг, с диким ревом двигателей вываливаясь из облаков. Самолет несся на бешеной скорости к песчаным холмам, меж которых Кремп обнаружил несколько силуэтов самолетов, несомненно муляжей, выполненных под русские «Миги». Прошло несколько секунд. Рассел приближался до визуального контакта, он всегда так любил делать и всегда получал за это нагоняй от начальства, повелевавшего действовать по приборам, благо они были достаточно точны. Считалось, что такая тактика боя поможет дольше спасать самолет от уничтожения. Но Рассел считал иначе. Он, конечно, слышал о том, во сколько обходится новый истребитель налогоплательщикам и был им за это благодарен, но летать от этого осторожнее не стал.

Вот уже стали видны на небольшой прямоугольной площадке грязно-зеленые хвосты истребителей и их острые носы. Рассел пересчитал макеты глазами за одно мгновение. Точнее, он не считал, а впитывал всю информацию моментально, – их было десять. Рука легла на кнопку пуска ракет. Огонь! И снова две прозрачно-белые струи понеслись к желтым пескам, раскаленным палящим солнцем Колорадо. Рассел внимательно следил за ними глазами. Ракеты еще не достигли цели, а он уже устремил свой самолет вверх под крутым углом. Перегрузка вдавила пилота в кресло. Он шестым чувством поччял, что угодил точно в цель. Ему не надо было даже видеть момент попадания. Подобное чувство появляется у всех профессионалов когда они становятся мастерами. Они уже не смотрят, не видят, они – знают. И никогда не ошибаются. Но одна слабость у майора Кремпа была. Сделав мертвую петлю, Рассел прошелся над уничтоженным аэродромом вероятного противника. Между барханов зияла огромная воронка – бездонное выжженное пятно, вокруг которого валялись жалкие останки муляжей. Высоко в небо поднимался столб едкого черного дыма. Это черное пятно было нездешним, нереальным в бескрайних желто-белых песках. А сама пустыня была столь обширной, что, казалось, можно было выжечь ее половину, и все равно это будет смотреться мелкой пакостью дрянного мальчишки.

Рассел взял курс на авиабазу «Гринфилд». Он уже собирался выходить в эфир с докладом об уничтожении второй цели, но неожиданно разглядел на приборе обнаружения три летящие точки. Они приближались. В этом квадрате, закрытом для полетов гражданских лайнеров, могли оказаться только самолеты BBC, игравшие роль истребителей вероятного противника. Кремп усмехнулся? – Патерсон все же решил испытать его до конца. Оторваться удастся вряд ли. Придется вступать в учебный бой. Три против одного. Это было нормально. По условиям маневров в этом случае его должны были взять в клещи и заставить приземлиться. А он мог только вырваться сквозь кордон преследователей. Главное, чтобы не прижали к земле, но это у них вряд ли получится, решил Рассел. Он любил летать на сверхмальных высотах.

Выполняя задание, майор Кремп пересек невидимую границу соседнего штата и теперь летел над его территорией. Это была все та же пустыня. Кремп уже подготовился к отражению нападения, как вдруг его приборы зафиксировали огромный металлический предмет, находившийся прямо под ним. На миниатюрном экране Рассел смог даже рассмотреть его очертания и нескованно удивиться. Неизвестный металлический предмет, непонятно кем спрятанный в бескрайней пустыне, напоминал нечто среднее между гигантским корпусом подводной лодки и самолета. Более того, он медленно перемещался, словно его тащили за собой тягачи. А перемещаясь, терял четкие очертания, словно уходил под землю. Рассел взглянул на истребители, –

они были уже почти на хвосте, но шли таким курсом, который отсекал Рассела от неизвестного самолета. «Интересно, подумал Кремп, что же вы там прячете?»

В это момент заработала радиация.

– МЭК 19 027, говорит база «Гринфилд».

– «Гринфилд», слышу вас хорошо, МЭК 19 027.

– Дождите о выполнении задания.

– Цель уничтожена полностью. Меня преследуют три истребителя вероятного противника. Намерен вступить в бой.

– Ответ отрицательный. В бой не вступать. Следуйте на базу.

– Вас понял. – ответил Рассел и взглянул на прибор.

Непонятный предмет полностью исчез, словно растворился. Истребители вероятного противника круто взяли влево, уходя в сторону. Рассел озадаченно ухмыльнулся и положил свой F15 Eagle на курс к авиабазе «Гринфилд».

На следующее утро все начиналось как обычно: ранний подъем, пробежка вокруг авиабазы, легкий завтрак, тактические занятия летчиков-истребителей. Но затем, перед самыми полетами, Рассела срочно вызвали к шефу авиабазы «Гринфилд» Джону Патерсону. По узкой винтовой лестнице Рассел поднялся на второй этаж авиабазы и, подойдя к дверям лифта, нажал кнопку вызова. Кабинет Патерсона находился на четвертом уровне навигационной башни. «Интересно, – подумал он с нескрываемым любопытством, – что от меня понадобилось этому старому службисту? Давненько меня не вызывали к начальству, да еще сняв с самых важных на неделе полетов».

Массивная дверь в кабинет шефа авиабазы «Гринфилд» полковника Джона Патерсона была закрыта по обыкновению наглухо. Рядом располагалось помещение охраны, один из представителей которой в чине лейтенанта дежурил сейчас у входа, слегка напоминая своим видом статую Свободы. Увидев Рассела, лейтенант встал на вытяжку и, отчеканив: «Вас ждут, сэр!», отворил дверь в кабинет.

Низкорослый и крепко сбитый полковник Патерсон был похож на изрядно похудевшего, коротко остриженного и накачанного киноактера Дени дэ Вито, чем в душе нескованно смешил Рассела. Виду майор естественно не подавал. Тот, кто считает, что над шефом авиабазы «Гринфилд» можно безнаказанно шутить или просто подтрунивать, сильно ошибается. По службе полковник двигался быстро, имел большие связи в Вашингтоне. Про него ходили разные слухи, и далеко не всегда комического свойства. Из чего личный состав авиабазы сделал вывод, что с полковником надо держать ухо в остро. Ядерные полигоны недалеко, а много молодых летчиков только начинали свою карьеру в BBC. Кроме того, случись кому-нибудь встретиться с Патерсоном в открытом боксерском поединке, жить ему останется ровно до первого удара полковника. Удар этот, как удалось доподлинно узнать Расселу за стаканчиком виски от одного сослуживца полковника, принимавшего участие в качестве зрителя в тайном, но излюбленном развлечении некоторых диких техасцев – поединке быка и человека, мог свалить с ног рогатое животное. Бой этот даже отдаленно не напоминал испанскую корриду. Там, под палящим солнцем земли конкистадоров, человек использовал для нападения лошадь и шпагу. Здесь же надеяться можно было только на свои кулаки. Тем не менее, в случае с Патерсоном, быку пришлось не сладко. Бык, наверное не раз пожалел о том, что не был отправлен в далекую Испанию сражаться с хилыми и разодетыми в перья тореадорами, а попался под руку этому непонятно откуда получившему такую силу низкорослому крепышу родом из штата Мэн, где коров видели только на этикетках мясных консервов.

Как бы там ни было, с руководством авиабазой «Гринфилд» полковник BBC Джон Патерсон справлялся ничуть не хуже, чем с разъяренными быками. Несмотря на постоянное изматывающее напряжение боевой службы, в каком-то смысле здесь было намного легче. Рассел вошел в кабинет и вытянулся перед полковником, сидевшим за столом, на котором лежало

несколько серых папок с бумагами. Позади стола находилась стеклянная стена, сквозь которую была хорошо видна взлетная полоса авиабазы. Звено истребителей F15 Eagle, вести которое должен был Рассел, выруливало на взлетную полосу для плановой отработки ракетного удара по наземным целям противника. «Интересно, кто поведет звено вместо меня, подумал Кремп, капитан Салливан или Мик Нирдайл? Хотя, в данную минуту это все равно».

– По вашему приказанию прибыл, сэр. – четко отрапортовал Кремп, зная, что полковник терпеть не может, когда кто-нибудь мямлил или цедил сквозь зубы.

– Рад вас видеть, майор Кремп. – сказал в ответ Патерсон, – Садитесь.

Рассел сел на кожаный стул напротив полковника. Секунду помедлив, тот продолжил.

– Я буду краток. На вас майор возлагается ответственная задача по испытанию нашего нового секретного оружия. По психофизическим характеристикам аналитическая служба «Пентагона» выбрала для этой цели именно вас. Не удивляйтесь. Оружие очень компактно и, на первый взгляд, необычно. Уже сейчас модуль управления монтируется в кабине вашего тактического истребителя. Первый испытательный вылет сегодня в 17.00 по Гринвичу. Все подробности вам расскажет Грэгор Йорк, аналитик и куратор программы «Мыслитель». Желаю удачи.

Только сейчас Рассел заметил, что в углу кабинета, почти что за его спиной, сидит невысокий брюнет в штатском костюме. Брюнет откровенно сверлил затылок Рассела изучающим взглядом ученого-естественноиспытателя, словно видел перед собой подопытную лягушку, которую предстоит препарировать. Расселу даже показалось, что брюнет читает его мысли, поэтому он слегка нахмурился, но в воздушном флоте не принято сдаваться в неожиданно сложившейся ситуации, и он снова улыбнулся.

– Рад познакомиться мистер Йорк, майор Рассел Кремп.

– Взаимно, мистер Кремп. Моя фамилия Йорк. Грэгор Йорк. Я думаю мы сработаемся. В вашем личном деле написано много хорошего. Судя по всему, вы способный человек и отличный военный летчик.

– Не будем терять времени, джентельмены, – подытожил беседу полковник Патерсон, – Майор Кремп, вы временно снимаетесь с плановых полетов в составе группы и поступаете в распоряжение аналитической команды под руководством мистера Йорка. Будете летать по индивидуальному заданию в течение недели. Желаю удачи.

Брюнет встал со своего места и предложил Расселу сразу же пройти в зал разбора полетов, где временно находился тренажер для обучения использованию нового оружия. Кремп молча последовал за аналитиком. По дороге в зал, на втором этаже они миновали офицерский бар авиабазы «Гринфилд», где летчики обычно пропускали стаканчик-другой после напряженных полетов. В этот утренний час там еще никого не было, только официантка Мэгги Лерой, очаровательная молодая блондинка, бойко протирала за стойкой бара высокие стеклянные бокалы для коктейлей. Рассел проследил за тем как ловко она управлялась со своей работой и, испустив вздох женатого мужчины, проследовал дальше за Йорком.

Зал разбора полетов располагался на первом уровне авиабазы «Гринфилд», практически под землей. Обычно в нем не содержалось ничего особенно секретного, кроме столов и стульев, а также мониторов, по которым из центрального компьютерного центра базы демонстрировались учебные видеофильмы о новинках в области воздушных маневров противника и собственных изобретениях BBC США.

В этот раз все было иначе. Первый охранник преградил им дорогу еще у выхода из лифта. Йорк показал ему какое-то удостоверение и проследовал дальше. Непосредственно у дверей зала дежурил второй темнокожий охранник с винтовкой M-16 на плече и нашивками сержанта. Этих охранников Рассел видел впервые. Проходя мимо, Йорк снова показал удостоверение, после чего был вместе с Кремпом беспрепятственно пропущен в помещение.

«Интересно, – подумал Рассел, – что же это за полеты сейчас начнутся, если этим яйцеголовым аналитикам из Пентагона пришлось притащить сюда кучу собственной охраны, словно здесь не хватает солдат. Того и гляди, придется просить допуск у Патерсона, чтобы ходить в туалет в служебное время».

Войдя в зал, Рассел поначалу не заметил особых изменений. Только в самом центре было убрано несколько столов и расчищено небольшое пространство. Теперь там располагалось самое обычное с виду кресло пилота истребителя. Справа от него находилась небольшая тумба, на которой стояло нечто, напоминавшее с виду персональный компьютер с гигантским монитором. От загадочного агрегата к лежавшему тут же на тумбе гермошлему змеилось несколько разноцветных проводов. Больше ничего экстраординарного Рассел не увидел. Перехватив его слегка разочарованный взгляд, Грэгор Йорк заметил:

– Мистер Кремп, вы, вероятно, ожидали увидеть перед собой новую поколение самолета-невидимки системы «Стелс», или карманную атомную бомбу? Не спешите падать духом, наша новая игрушка гораздо менее заметна, но гораздо более эффективна. Садитесь, нет, пока не в кресло тренажера, и немного послушайте.

После того, как Рассел устроился за одним из столов, сам Грэгор сел напротив, немного в отдалении, и сказал:

– Для начала, майор, немного истории. Перед вами последнее изобретение человеческого гения, на разработку и доведение которого у Пентагона ушло около двадцати лет и очень много миллионов долларов. Этот невзрачный с виду приборчик (Грэгор указал на тумбу) может перевести вас в совершенно иное и доселе неведомое состояние. Не пугайтесь. Речь не идет о наркотическом или психогенном воздействии на ваше сознание, хотя со вторым имеются некоторые точки соприкосновения. Действие этой штуковины рассчитано совсем на иную область применения. Как я уже сказал, не один десяток неизвестных широкому кругу ученых ломал голову над тем, как заставить работать на военные цели человеческую мысль. Я имею в виду не технический гений, который выражается в создании новых военных самолетов и кораблей. Он уже достаточно хорошо изучен и используется неплохо. Я говорю непосредственно о самих мыслях. Как выяснилось в процессе секретных исследований, мысли имеют энергетическую форму и длину, а соответственно, в чем-то походят на широкоизвестные радиоволны. В начале семидесятых Пентагон запустил в разработку программу «Мыслитель», задействовав в ней лучшие силы. Вы должны были хотя бы краем уха слышать за время службы рассказы о наших разведчиках, с небольшого расстояния телепатически воздействовавших на находившиеся на земле или стартующие самолеты противника, что приводило к катастрофам (Рассел кивнул). Так вот, это был лишь первый этап операции. Но, дело в том, что возможности использования человеческих способностей ограничены, и в отдельных случаях перенапряжение психики в состоянии привести к сумасшествию. Поэтому необходимо было найти способ подчинить, хотя бы частично, человеческие возможности технике. Это удалось сделать только недавно.

Грэгор кивнул на тумбу.

– Этот прибор имеет множество поддиапазонов и позволяет слышать или видеть (называйте как хотите) мысли людей независимо от того, в каком конце земного шара они находятся: в Африке или Антарктиде. Необходимо только выбрать нужный диапазон, и можно услышать мысли людей совершенно конкретных категорий. Как удалось выяснить ученым, мысли людей различных категорий отличаются друг от друга длиной, энергетической силой и цветом самой энергии. Когда это стало понятно, не составило особого труда высчитать частоту мыслей военных кругов противостоящих нам держав. А также их цветовой спектр – он серо-зеленый. Прежде всего это Русские и Кубинские ПВО и радиоразведка, а также часть противовоздушных сил стран восточной Европы, Северной Африки и Средней Азии. Пока что мы в состоянии только определять фон мыслей ПВО конкретной страны. Этого достаточно для выхода на конкретные цели и объекты. Однако, прибор еще мало опробован в реальных боевых

условиях и перед широким применением в BBC нуждается в доработке. Поэтому мы выбрали вас как одного из наиболее подходящих по мозговому потенциалу пилотов для выполнения тренировочных полетов.

Аналитик встал и подошел к прибору.

– Еще одна важная деталь состоит в том, майор, что при удачном стечении обстоятельств вы можете настроиться на мысли конкретного оператора вычислившей вас ракетной установки и будете четко представлять, когда он нажмет на кнопку. Вы будете жить его глазами и руками. В тоже время, ваш самолет, как только вас засекли, или вы сами настроились на неприятельскую волну, исчезает с радаров. Это происходит потому, что мозг военных перестает воспринимать вас как нечто чужое и идентифицирует как свои собственные ощущения или воспоминания, а потому движущийся на экране радара объект зрительно не воспринимается. Благодаря собственному излучению вы входите в прямой контакт с мозгом оператора. Он начинает вспоминать о том, как когда-то мечтал стать летчиком или летал с дядей на большом пассажирском самолете на каникулы. Этого хватит, чтобы приблизиться, нанести ракетный удар и вернуться на базу никем не замеченным. Даже если кто-нибудь уцелеет, ничего кроме обрывков детских воспоминаний он рассказать не сможет.

Грегор Йорк нажал несколько кнопок и щелкнул тумблером на приборной панели загадочного агрегата. Дисплей вспыхнул ровным синим светом.

– Ну, мистер Кремп, пора заниматься. – сказал аналитик из Пентагона тоном зубного врача, и Расселу показалось, что он действительно находится на приеме стоматолога, – Садитесь в кресло. Для начала поиграем в детские фантазии кубинских радиоразведчиков.

Глава 3. Сны младшего сержанта

На следующее утро комбат Волков, видимо, снова встал не с той ноги, потому что несмотря на протесты командования ПЦ решил на полдня заслать всю «смену» в соседний колхоз на уборку картошки, оголив тем самым защиту воздушных рубежей страны. После утренней зарядки, во время которой все старослужащие прятались в туалете, покуривая папиросы, а молодые воины наматывали круги по заросшей березняком территории полка, всех затолкали в раздолбанный российскими дорогами ЗИЛ, дали легкий паек, состоявший из полбуханки хлеба, и отправили на работы. Из офицеров на сей раз был старший лейтенант Абдурахманов.

Полдня молодые резво собирали корнеплоды, а дедушки отдыхали, благо Абдурахманов по приезду на поле сразу удалился в дом председателя колхоза и не появлялся до обеда. Глядя на казавшееся пустым шоссе, Антон думал о том, что скорее всего вовремя «смену» забрать не успеют, и придется им пухнуть с голода. Однако, за час до назначенного времени с шоссе неожиданно раздалось призывное бибиканье подъезжавшего ЗИЛа. Когда грузовик остановился, из кабины выпрыгнул шофер Вася Зайцев и сообщил, что Гризову и Родионову комбат срочно приказал заступить в наряд. Возникший откуда ни возьмись Абдурахманов сразу увидел возможность пораньше уехать из колхоза и попытался изобразить строгого офицера:

– Всем приказываю еще целый час работать. Машина за вами вернется. А сейчас со мной в часть поедет только Гризов и Родионов.

Антон и Малой тихо выругались и, пожелав комбату всех благ, пошли к машине. Увидев их, Вася еще на подходе закричал, чтобы все садились в кузов, так как он случайно облил маслом второе сиденье в кабине. Абдурахманов отругал нездачливого водителя, но пачкать казенные галифе ему явно не хотелось, а потому он залез вместе с Малым и Антоном в фургон грузовика. Устроившись на досках, друзья-солдаты закурили, а старлей сплюнул на пол.

Сядясь за руль, Вася мысленно поблагодарил небеса за то, что ему попался именно придурок Абдурахманов, а не кто-то другой из офицеров. Этот даже не удосужился проверить слова хитрого дедушки. Дело было в том, что сиденье оставалось относительно чистым, просто недавно Вася в одиночестве приговорил бутылку «Перцовки», закусывая ее черствым хлебом, и теперь находился в состоянии крайнего единения с природой. Его неудержимо тянуло петь песни, плясать и орать во всю глотку. И также неудержимо тянуло добавить. Выруливая с проселка на шоссе, он вспомнил, что у корешей поваров в солдатской столовой в заначке есть поллитра деревенского самогона. Эта мысль заставила его втопить педаль газа в пол. Вася решил побыстрее доставить старлея с бойцами в часть, а затем рвануть в столовую.

Проехав пару километров, он свернул с шоссе на другой проселок, который выводил к виадуку через железнодорожные пути. Там можно было срезать путь и окольной дорогой прибыть в часть минут на десять быстрее. ЗИЛ потряхивало на разбитой дороге. Вася так часто крутил рулем из стороны в сторону, что пассажиров кидало по кузову. «Зайцев, осторожнее, мать твою так!» – орал старлей, но бравый водитель его не слышал из-за гудения перегревшегося двигателя и грохота дребезжащего кузова. Впереди и внизу между деревьев показался въезд на виадук. Вася еще сильнее поднажал на газ. Грохоча ЗИЛ вылетел по второстепенной дороге на виадук, проскользнув под самым носом у огромного рефрижератора, водитель которого заорал что-то ему и пригрозил кулаком вслед. Васю это раззадорило еще больше. Он обернулся назад и крикнул в ответ сквозь грохот:

– Ори-ори, Козел! Будешь знать военных водил!

Потом он развернулся и посмотрел вперед на узкий пролет виадука. Неожиданно где-то совсем близко он увидел странно округленные глаза водителя встречного КамАЗа. Отработанный рефлекс заставил его дернуть руль вправо, но было поздно. Страшный удар пришелся на левую часть кабины. ЗИЛ развернуло и вышвырнуло с виадука сквозь брызнувшие тонкие

стальные ограждения вниз на рельсы. Словно подбитый самолет, ЗИЛ пикировал носом вниз. В эту минуту из-под виадука выскоцил мощный тепловоз, тащивший за собой полдюжины цистерн с бензином. Словно сквозь туман Вася наблюдал за выраставшей перед лобовым стеклом цистерной. ЗИЛ вошел в нее как в мягкую бумажную коробку. Во все стороны брызнуло топливо, тут же вспыхнувшее от горящего бензобака израненной машины. Тихую деревенскую станцию потряс гигантский взрыв, разметавший в клочья половину переезда, и вышвырнувший находившихся в кузове людей в разные стороны.

С тех пор как в отдельном полку радиоперехвата случилось ЧП минул уже почти месяц. В полк приезжала особая комиссия из штаба округа специально для расследования инцидента. Комиссия разместилась в штабе полка, заняв кабинет майора Шпеня и периодически вызывала туда одного офицера за другим для дачи показаний. Не минула чаша сия и всех сослуживцев Малого и Антона по солдатской линии. В конце концов, промурыжив часть в течение трех недель, высокая комиссия из штаба округа укатила, закрыв дело за отсутствием состава преступления. Все списали на пьяного водителя Васю Зайцева. Останки похоронили. Родственникам погибших выплатили единовременную компенсацию в размере десяти минимальных армейских окладов. И жизнь в полку потекла своим чередом, словно и не было ничего.

Малой и Антон через пару недель после катастрофы со взрывами пришли в себя и с каждым днем поправлялись все быстрее. Оба находились в здравом уме, так что об отклонениях в душевном здоровье врачи скоро перестали беспокоиться. У Малого дела шли лучше и к концу третьей недели он даже иногда стал прогуливаться по палате в течение нескольких минут, прихрамывая на сломанную ногу. Антон пока лежал на кровати не вставая, время от времени приходя в себя, но затем снова проваливаясь в небытие. Голова постоянно кружилась и откачивалась следить за координацией движений. Реальность он воспринимал уже нормально, но ни читать, ни смотреть телевизор, естественно, еще не мог. Большую часть суток он спал. И дневная скука лишенного возможности передвигаться человека с лихвой компенсировалась длинными цветными снами.

Однажды он увидел себя во сне огромной белой птицей, сильным альбатросом, который бился с порывами встречного ветра, стремясь достичь какой-то неведомой, но манящей цели. Он летел сквозь бурю, то взмывая высоко в небо, куда кроме него никто не отваживался залетать, то камнем падал вниз к самой воде, где бурлили и пенились стальные волны. Он летел так очень долго в полном одиночестве и пустоте, пока впереди не показались острые скалистые утесы, где пережидали бурю морские чайки. Альбатрос устал бороться с ветром, но продолжил свой путь, гордо пролетев над прятавшимися за скалами собратьями с завистью взиравшими на его сильные крылья. Он миновал утесы и продолжил полет сквозь ветер, но вдруг почувствовал, что слабеет. Еще недавно сильные крылья уже не могли нести его вперед по выбранному пути. Ветер теснил его в даль от цели, и альбатрос, теряя силы с каждым взмахом, все ниже опускался к бушующему океану. Серо-стальные волны уже лизали его белоснежные крылья. Еще миг, и вода поглотит его...

Антон проснулся в холодном поту. В палате было светло. Через окно проникали запахи цветущего сада. Антон, успокоившись, втянул носом насыщенный приятными ароматами воздух и расслабился, испустив негромкий стон. Малой, читавший книжку в своем углу, поднял голову и посмотрел на коллегу по несчастью. Увидев, что Антон открыл глаза, Малой поинтересовался:

– Ну, что, очнулся, уважаемый? А то я уже переживать стал, что-то ты слишком сильно зубами во сне скрипел. Словно канат морской перегрызал.

Антон слабо улыбнулся и сказал:

– Да... Чуть во сне не утонул. Ты как?

– Да, мне-то что. Мои сибирские корни дают себя знать. Вот и читать уже разрешили. Скоро, может через недельку-полторы, и в часть отправят.

– Ты молодец, Малой, – сказал Антон и перевернулся на бок, – Быстро поправляешься. А вот у меня в голове до сих пор десятибалльный шторм.

– Да это все ерунда, пройдет со временем. Хорошо, что мы с тобой хоть вообще в живых остались. Вот ротный-то наш с Зайцем того, кони двинули.

– Это точно, – согласился Антон, – Нам, видно, рановато было помирать. Голова хоть и болит временами сильно, но зато вроде бы всё помню. Кто я, где я, откуда взялся.

– Я тоже, – хитро улыбнулся Малой, – Нам с тобой теперь после выписки, Тоха, скорый дембель полагается. Мне-то ладно, всего пару месяцев выгадаю, а тебе вообще в каком-то смысле два раза подряд повезло – целых полгода скостишь. А там, воздух свободной гражданки тебя мигом долечит.

– Да-уж, повезло. – пробормотал Антон, поглаживая свою забинтованную голову, – Целых два раза.

В этот момент дверь в палату приоткрылась и в нее просунулось хитрое лицо медсестры Олечки. Она оглядела палату озорным взглядом и спросила:

– Не спите, герои?

– Никак нет, – шутливо ответил Малой и захлопнул книгу, которую держал во время разговора в руке.

– К вам тут из части полковник какой-то приехал. Фамилия у него хищническая, точно не помню. Тигров, Вепрев...

– Может Волков? – спросил Малой, слегка погрустнев.

– Точно, Волков. Сейчас поднимется. Он там с начальником госпиталя разговаривает внизу о вас.

– Этого счастья нам только не хватало.

И Малой с Антоном даже немного съежились, словно настоящие ежи перед схваткой со змеей. Спустя пару минут в дверном проеме вместо милой Олечки образовалась крепко сбитая, но от этого все равно не пролезавшая в дверь с первого раза, фигура комбата. Нагнув голову, Волков вступил в палату. В руке он держал полиэтиленовый пакет с апельсинами.

– Ну что, дармоеды, отдохаете? – поприветствовал комбат лежавших на койках бойцов, которых при этом невольно потянуло встать и вытянуться по стойке «Смирно».

– Так точно, товарищ полковник – ответил за двоих более окрепший Малой. На его лице играла едва заметная улыбка, оттого что он мог разговаривать с комбатом, не вставая с постели, а в этом для солдата было даже некоторое наслаждение вперемешку с самоутверждением.

Волков осмотрел Малого повнимательнее и нашел его вполне жизне- и боеспособным. Свои наблюдения он завершил постановкой диагноза.

– Да ты, Родионов, я смотрю совсем здоров? Молодец! Значит скоро мы тебя выпишем и на «Смену». Я уже с доктором говорил. А то сидеть на посту совсем некому из сержантов стало. Всего двое старших «Смены» остались.

Малой при этих словах чуть было по старой памяти не грохнулся в обморок. Волков подошел к тумбочке, стоявшей рядом с кроватью Малого, и положил на нее пакет с апельсинами.

– Держите вот, короеды, заправляйтесь, пока время есть.

Малой вторично переживал полуобморочное состояние. Смотреть на апельсины, как бы приближавшие время выписки из госпиталя, ему совсем не хотелось.

– Ну а ты, Гризов, – обратился добрейшей души человек к Антону, – Чего лоб наморщил? Взгляд какой-то у тебя маслянистый. Ты хоть меня видишь?

И комбат помахал перед носом у Антона рукой, словно был окулистом и проводил прием.

– Вижу, товарищ полковник, – слабо ответил Антон, – Но сфокусироваться пока не могу. Поэтому вы, уж извините товарищ полковник, у меня перед носом слегка плаваете, словно по палубе корабля во время шторма передвигаетесь.

– Ну да, доктор говорил, – подтвердил комбат, но тут же оптимистично заметил, – Ничего, Гризов, не расстраивайся. Скоро мы и тебя выпишем. «Глобальный перегон» по тебе уже соскучился.

«В гробу я видел этот «Глобальный перегон», подумал Антон, а вслух сказал:

– Доктор говорил, что минимум еще недели две понадобится, чтобы полностью оклематься.

– Полностью оклемываться, Гризов, дома будешь, после дембеля. – сообщил беззлобно комбат, – А сейчас у нас на «Смену» ходить некому. Зеленых вон, десять человек прислали. Кто их учить-то армейской жизни будет?

«Да уж, – подумал Антон, – и помереть спокойно не дадут в этой армии. Обязательно помирать надо на боевом посту. Да когда же она закончится, ё-мое.»

Комбат словно прочитал мысли Антона по выражению лица, потому что добавил:

– Короче, вас обоих придется на дембель первыми отправлять, но пару месяцев еще послужите родине. Так что, поправляйтесь, апельсины жуйте. Где-нибудь недельку покантуетесь и в часть.

С этими словами полковник Волков повернулся, нагнулся и вышел в коридор, захлопнув за собой дверь.

– Вот сволочь, – сказал ему в след Малой, – Народу, блин, ему на «Смене» не хватает. Самому осенью в отставку, так нет же, всё жилы тянет по старой памяти. Козел бородатый.

– Да, Малой, ты прав, – поддержал его Антон, – Этот упырь никого просто так на дембель не отпустит. Я теперь думаю как нам с тобой дожить до него вообще. Раньше кони не двинуть.

– А, пошел он на фиг, – сказал Малой, – Если он меня на «смену» посадит, я просто забью на всё. Пускай себе летает что угодно и где угодно. У меня выход с поста будет пару самолетов в день, а не тридцать-сорок, как обычно.

Мысленно Антон поддержал Малого на все сто процентов, но вслух ничего не сказал, поскольку от такой бури переживаний у него вдруг резко сначала заболела, а потом закружила голова. Он рухнул на подушку и попытался расслабиться. Через несколько минут пульсирующая боль утихла, но головокружение продолжалось. Так Антон и лежал с закрытыми глазами до тех пор пока спасительный сон не увел его в свою обитель.

… Лес был какой-то темный и замшелый. Страшный лес. По всему видно, водились здесь звери дикие в большом количестве, а может в стародавние времена и нечисть какая. Только пока еще никто не показывался охотникам. Таились все в чащобе, чтобы напасть наверняка.

Машины оставили далеко у таежной тропки, которую в здешних местах гордо называли дорогой. Два модерновых джипа Land Rover с лебедками на передке. А сами раскинулись цепью и шли осторожно, еле ступая, чтобы не подломилась невзначай сухая ветка под ногой, медленно сжимая кольцо, в центре которого по наводке местных егерей находилось логово тигра. Страшно было всем, но азарт брал свое. Людей было много – целая стая, а в стае всегда спокойней. Платили за все англичане, которым захотелось получить шкуру матерого уссурийского тигра. Англичан было двое – Ральф и Гордон. Здоровенные рыжеволосые детинушки, словно сошедшие с этикеток крепкого виски. Они передвигались рядом, с тяжелыми ружьями наперевес. Готовые при первой же опасности всадить пулю зверю в глаз, чтобы не попортить шкуру. Охота длилась уже много часов. Тигр не показывался. Русские понемногу начинали роптать, однако Ральф и Гордон не желали отступать. Все шло тихо, но вдруг слева раздался мощный рык потревоженного зверя. Вслед за тем раздался торопливый выстрел и полный ужаса человеческий крик. Когда охотники добрались до места трагедии, было уже поздно. По всей опушке валялись рваные лохмотья одежды, а в самом центре в луже крови лежало разо-

дранное тело охотника. Зверь оказался быстрее человека. Людская стая бросилась вдогон, но тигр уходил, ловко путая след. Спустя еще час безрезультатного преследования, продираясь сквозь чащу, Антон услышал непонятный голос где-то в глубине своего сознания: «Не ходи за мной и удержи остальных. Здесь мои дети. Иначе, убью вас всех». Еще не соображая, что делает, он схватил бежавшего рядом Гордона за рукав кожаной куртки и крикнул ему в лицо:

– Стой! Отпустим его.

– Я охотник! – отмахнулся англичанин и исчез за деревьями. Тотчас из чащи раздался его дикий крик. Так кричит человек, когда его рвут на части.

… Антон стоял прислонившись плечом к высокой сосне и уткнув ружье дулом в мох, когда на противоположный край полянки неслышно вышел здоровенный огненно-рыжий зверь. Тигр замер и посмотрел на человека. Между ними было не более пяти метров. Их взгляды встретились. Огромные глаза опасного хищника словно гипнотизировали человека. Но страха не было совсем. Хрустнула ветка и тигр исчез, словно его и не было…

Антон открыл глаза. За окном было уже почти темно. Малой спал, уронив книжку на пол. Апельсины лежали на тумбочке совершенно не тронутыми, видимо он не смог перешагнуть через отвращение к комбату. Антон повернул голову на подушке и посмотрел в окно. Занавесок на ставнях не было, поэтому он увидел кусочек звездного неба. Далекие звезды мерцали и переливались загадочным светом. Младшому вдруг сильно захотелось есть. Он с минуту в нерешительности разглядывал комбатовские апельсины, но голод оказался сильнее воли. «Значит выздоравливаю», – подумал Антон и, протянув руку к пакету, вытащил один апельсин. Очистив его, с неподдельной радостью съел цитрусовый плод, получив несказанное удовольствие. Затем перевернулся на другой бок и снова заснул.

… Он сидел посреди большой и белой комнаты, стены которой светились ровным мягким светом. Ни спереди, ни сзади, ни с боку не было никого и ничего. Ни одной живой души, ни одного предмета. Единственным предметом было его собственное тело, висевшее в десяти сантиметрах от пола. Голова необыкновенно чиста, хотя, действительно ли это была голова, он поручиться не мог. И видел он себя как-то по-новому, непривычно, будто со стороны.

Откуда-то издалека пришла мысль: «Где я?», но показалась она какой-то странной и неуместной в этой белой комнате. Вслед за первой пришли другие мысли-ответы: «Я там, где хорошо», «Там, где всегда покой», «Там, где не бывает тревог и волнений». И вдруг, между этими ответами, невесомым, но настойчивым облачком снова всплыл вопрос, показавшийся как и все вопросы в этой комнате лишним: «Где же я?» Стены комнаты слегка изменили свой свет на более яркий. Показалось, что шестигранная комната закрутилась вокруг собственной оси и, в то же время, все чувства говорили, что она стоит недвижимо. И вот появилась ещё одна мысль-ответ, ясная, четкая и спокойная как лед: «Ты в гостях у своей смерти». Он вскочил во весь рост, и босые стопы его коснулись светящейся матовой поверхности пола, теплого и жутко холодного одновременно. Он больше не висел в воздухе, а стоял, опираясь на собственные ноги. Исчезла былая легкость, у тела появился вес, и вместе с тем дикая боль пронзила его словно удар молнии. Он сделал шаг и почувствовал, что ноги его будто опутаны свинцовыми цепями. Он не может идти… «Да, ты уже в конце пути, еще немного.» Нет, я могу! «Ты пришел, ты нашел свой покой.» Нет, я не хочу покоя!

Он рванулся изо всех сил к стене и коснулся ее рукой. И вдруг, стены рассыпались и наступил мрак. Он ничего не видел, но чувствовал терзающую боль, словно его кололи тысячами зазубренных ножей одновременно. Где-то рядом он услышал приглушенные голоса.

– Мы уже на подходе. Через пять секунд входим в тоннель смерти. Все готовы?

– Да.

– Внимание, приготовиться. Пятисекундная смерть.

– Здесь что-то есть! В тоннеле неизвестная энергия!

– Исключено.

– Я чувствую эту энергию!

– Отбой! Всем вернуться...

И, вдруг, мрак раскололся гигантской вспышкой, и он увидел на короткое мгновение большую комнату с круглым черным столом посередине. Вокруг, в высоких кожаных креслах, сидело несколько человек, положив руки на стол и закрыв глаза. Среди них был невысокий брюнет с невыразительными чертами лица. Новая вспышка ослепила Антона и выбросила в небытие...

Он открыл глаза и рывком сел на койке. Голову пронзила дикая боль и наступил обморок. Утром, когда он очнулся, у его койки стояли майор Черемыхов и Малой. От майора привычно пахло самогоном и табаком, но на его профессиональные качества это никак не влияло. В окно дул легкий теплый ветерок, приятный атрибут наступившего бабьего лета.

Черемыхов внимательно посмотрел на Антона и, ни слова не говоря, двумя пальцами оттянул ему веко, чтобы осмотреть глазное яблоко. Видимо оставшись довольным результатом осмотра, он крякнул и спросил:

– Ну, как самочувствие, боец?

Антон немного поежился от воспоминаний оочных кошмарах, но сказал:

– Нормально в целом. Только голова немного побаливает и снится дурь всякая.

– Это в твоем состоянии даже нормальная вещь, – успокоил Черемыхов, – А если дурь снится, так с утра сразу в окно смотри – моментально забудешь. Для того вас поближе к окну и положили, чтоб головы посвежее были.

– Ну, ладно, мы тебя еще недельку подержим, – сказал майор Антону и, повернувшись в Малому, добавил, – А тебя, брат, извини, комбат послезавтра просил выписать обязательно. Придется уважить начальство, да и состояние твое вполне удовлетворительное.

Малой горестно вздохнул, но ничего не сказал. Спорить с комбатом было бессмысленно, да и себе дороже. Осмотрев Малого и еще раз подтвердив свое решение, майор Черемыхов удалился в свой кабинет пропустить утреннюю чекушку спирта.

– Вот, – подытожил Малой, – дали ему год...

– Да не грусти, сержант, – сказал Антон, – Все там будем. Скоро и меня вслед за тобой отошлют стеречь небесные просторы. Немного покантусимся, а там, глядишь, и дембель долгожданный нагрянет.

Антон повернулся на подушке и посмотрел в окно. Бабье Лето неожиданно рано входило в силу. На дворе стояла середина сентября. Щебетали птицы. Светило еще теплое солнце, посыпая на стены палаты игривых солнечных зайчиков. Где-то в глубине души неудержанно хотелось домой. В ту далекую жизнь, где нет офицеров, отбоев и подъемов, а есть мама и друзья. Но была ли та жизнь, или она только привиделась в очередном сне? Антон поспешил отогнать бередящие душу теплые образы и вернуться в неприглядную реальность. Армия, пока только армия. Лямка. «Смена».

Через несколько дней Малого, как и обещал комбат, отослали обратно в часть и на какое-то время Антон остался один. Однако, его здоровье скоро пошло на поправку, поэтому скучать в одиночестве и выть на луну долго не пришлось. Не успел Антон Гризов оглянуться, как уже снова ходил в погонах с двумя золотистыми лычками, а не в синей больничной пижаме. И ноги его украшали не войлочные тапочки, а гроза всех американских солдат – черные кирзовы сапоги.

Глава 4. Операция «Карающий меч»

Конец лета на солнечной Кубе ничуть не отличается от ее начала. Осень не назовешь даже бархатным сезоном, скорее просто продолжение жаркого и влажного лета. Эту осень лейтенант кубинских ПВО Альваре Родригес дель Чито встретил и провел на своем боевом посту точно также, как предыдущие семь лет. В его обязанности входило слежение за воздушным пространством между Кубой и Соединенными Штатами Америки. Точка ПВО, в которую входил радиоцентр, РЛС и два ракетных комплекса средней мощности, находилась на северном побережье Кубы и была замаскирована под рыбачий поселок, живописно раскинувшийся на скалистом горе. На расстоянии двух километров от горы, на побережье, у самой воды, стоял еще один, самый настоящий рыбачий поселок. По легенде, внушенной всем жителям этого селения с помощью полицейских палок, любому появившемуся в поселке неизвестному человеку, который заинтересуется поселением на горе, необходимо было рассказывать легенду о живущих там старых заслуженных рыбаках. Старые рыбаки в море не ходят, но прибрежное селение регулярно снабжает их рыбой и хлебом, как бы за былые заслуги перед страной. Обо всех новых людях предписывалось сразу докладывать. Легенда оказалась очень удачной и помогла выловить почти два десятка диверсантов в течение трех последних лет, неоднократно желавших в корзинах вместе с благотворительной рыбой заодно отправить на базу и несколько килограммов тротила. Сподвижники великого Фиделя Кастро хорошо охраняли свои владения.

Один раз в неделю в горы поднимался небольшой отряд, состоящий из обслуживающего старых рыбаков персонала. Персонал нес еду, ящики непонятного происхождения, и, на всякий пожарный случай, каждый человек имел на плече автомат Калашникова – мало ли какая опасность может повстречаться рыбакам на узких горных тропинках.

Альваре Родригес дель Чито не спускался в долину уже пять лет. Последний раз, ровно пять лет назад, он ездил в недельный отпуск в Гавану, где в одном из беднейших кварталов жила его семья. Для самого Альваре была предначертана дорога в сапожники. Ему была завещана лачуга и инструменты, оставшиеся от сапожника деда. Однако, Альваре решил нарушить семейную традицию и, когда президент свободной Кубы очередной раз бросил клич, пошел служить в армию. Будучи от природы смышленым парнем, он попал в радиоразведчики. Прешел курс обучения, политподготовки, и был отправлен на службу в скалистые горы, где располагалась «деревня рыбаков».

Служить в армии возмужавшему Альваре Родригесу дель Чито по началу понравилось. Он ходил в форменной одежде, регулярно получал жалованье и ежедневно клялся в верности великому отцу-Фиделю. Однако, с течением времени, служба начала ему приедаться. Он был согласен служить и дальше, но очень скучал по семье. А в отпуск полагалось ходить только раз в пять лет на одну неделю. Лейтенанту Альваре все чаще снились по ночам инструменты сапожника-деда и родная лачуга в грязном квартале Гаване. А вечерами, когда он смотрел из окна казармы на закатное море, загадочно блестевшее и таившее в себе неисчислимые секреты, ему хотелось уплыть в океан на большом корабле. Стать моряком или пиратом. В свободные от боевых дежурств часы, а иногда и на вахте, вдохновленный видом моря, лейтенант кубинских ПВО Альваре Родригес дель Чито вдруг стал писать стихи, а потом и рассказы о рыбаках и путешественниках. Рассказами его зачитывалась вся воинская часть, где его в шутку прозвали вторым Хэмингуэем. Рассказы были и в самом деле полны такой романтики и чувства, что старик Хэмингуэй мог гордиться достойным продолжателем своего дела.

В последнее время на боевых дежурствах Родригес все чаще начала заедать хандра. В этот осенний вечер он сидел за своим постом и отрешенно слушал эфир. Фиксируя малейшие шорохи, крутилась пленка в магнитофоне. Рядом лежал блокнот и авторучка. Ситуация в эфире была не особенно напряженная. Военные американские самолеты редко пытались нару-

шить воздушные границы суверенной Кубы. Они знали, что с подданными Фиделя лучше не шутить. Кубинцы, щедро оснащенные советскими ракетами, не раздумывая долго сбивали все подряд. Самому Фиделю было героически наплевать на все, что подумает о нем мировое сообщество. Он был готов воевать со всеми хоть до скончания своих дней. Гораздо больше проблем у ПВОшников было с контрабандистами наркотиков и кубинскими гражданами, почему-то не желавшими жить на счастливой и свободной Кубе. То и дело с территории острова в США или Мексику пытался прорваться какой-нибудь двухместный самолетик с дестью пассажирами на борту. Все летящие объекты, пытавшиеся пересечь невидимую воздушную границу, безжалостно сбивались. С учетом ежедневных попыток прорыва, можно сказать, что у кубинских ПВО была очень большая практика военных стрельб, а, соответственно, высокая подготовка кадров.

В этот вечер в эфире слышалась в основном болтовня пилотов аэробусов гражданских авиалиний разных стран. Мимо Кубы в различных направлениях летала тьма самолетов, но большинство из них не интересовало ПВО, поскольку в истории свободной Кубы еще не было примера приземления по собственному желанию какого-нибудь «Боинга 747» с переселенцами из Англии, Франции или США.

Альваре слегка насторожился, услышав в наушниках короткий вызов неизвестного самолета и столь же короткий ответ. Несмотря на слабый сигнал, лейтенант запеленговал объект, который двигался на небывало низкой высоте вдоль самого побережья Кубы в надежде уйти от радаров. По всем признакам это были контрабандисты. Альваре передал координаты объекта на находившийся неподалеку ракетный комплекс береговой охраны. Там самолет еще раз идентифицировали и попытались связаться, но безрезультатно. После попытки связи самолет, которым оказалась двухместная юркая Cessna, резко изменил курс и стал уходить в море по направлению к США. Вослед ему береговая охрана выпустила ракету, разнесшую маленький самолетик в пух и прах.

Альваре записал о происшествии в журнал и снова захандрил. Ему вспомнился грязный и бедный квартал в Гаване, на задворках которого прошло его детство. С каким азартом он играл с соседскими мальчишками в войну, пиратов и разбойников, и еще Бог знает во что, провоцируя жалобы соседей на постоянный шум. Все детство он провел в большом и суеверном городе, казавшимся ему самым большим на свете. И лишь однажды дедушка-сапожник, пока еще был жив, взял его с собой в полет через Атлантический океан, когда летал на конкурс сапожников в Коста-дель-Соль. Малолетнему Альваре многоместный пассажирский лайнер показался нереальным существом. Словно большая белая птица лайнер оторвался от земли и взял курс в океан...

Мощнейший удар сотряс до основания скалу, на которой располагался поселок «заслуженных рыбаков». Альваре подпрыгнул на своем стуле, затем вскочил на ноги и выбежал из дверей радиоцентра. Чуть в стороне, на месте ракетного комплекса, дымились искарженные куски железа. Взрыв вырвал кусок скалы из основания, и теперь там зияла огромная впадина. Альваре ошелошло оглядел небо и море в поисках неизвестной опасности, которая, как ему показалось, могла прийти только оттуда. И он не ошибся. Со стороны моря, на фоне закатного солнца, по направлению к деревне летело два воздушных объекта. Наметанный глаз Альваре Родригес дель Чито мгновенно опознал в них два истребителя F15 BBC США. Самолеты взяли чуть левее. Невидимый пунктир, продолжающий их стальные тела, уткнулся, казалось, в самого Альваре. На смертоносных крыльях играли отблески солнца. Альваре показалось, что он видит даже самодовольные лица пилотов, в руках которых оказалась сейчас его жизнь. И лейтенант кубинских ПВО не стал искушать судьбу. В мгновение ока он вскарабкался на возвышение скалы, прикрывавшей с берега здание радиоцентра, и, спотыкаясь о камни, побежал из всех сил. Перед глазами Альваре почему-то стоял его дед-сапожник и большой белый авиалайнер.

В лагере кубинцев царила паника. Внезапный налет, уничтоживший ракетный комплекс, застал врасплох всех. Солдаты и офицеры, находившиеся на дежурстве, в ужасе, словно загипнотизированные, смотрели на приближающуюся смерть. Мирно спавшие в казарме, выскачивали наружу в исподнем и, ничего не понимая, озирались по сторонам. Самые смелые пытались привести в действие чудом уцелевшую зенитку. Но все было тщетно. Из-под крыльев F15 сорвались четыре ракеты. Увеличиваясь на глазах, таща за собой длинные белые хвосты, они устремились в сторону деревни «заслуженных рыбаков». Спустя несколько секунд скалу сотрясли до основания четыре мощнейших взрыва, слившихся в один. Гора окуталась огнем и дымом, словно где-то глубоко в ее недрах проснулся спавший столетия грозный вулкан. От нависавшей над морем скалы откололся огромный кусок со стоявшим на нем домиком главного офицера радиоточки, и медленно, словно был сделан из невесомой ваты, стал падать в море. Вода разверзлась под ним и поглотила без следа, оставив на поверхности лишь пузыри и сор.

Когда раздался взрыв, лейтенант Альваре Родригес дель Чито бежал по тропинке вниз, с диким упорством цепляясь за отпущеные секунды жизни. Земля под ногами качнулась и лейтенант упал лицом вниз на мелкие камни. Налетевшая с горы ударная волна размазала его по камням и насыпала сверху целый курган из валунов различной величины. В тот злосчастный для Кубы день в деревне «заслуженных рыбаков» не уцелел никто.

… Спустя полтора часа в наступившей темноте истребители F15, выполнившие задание по секретной программе «Мыслитель», совершили посадку на авиабазе «Литтл-Рок» без малейших повреждений. Из кабины ведущего истребителя выпрыгнул майор Кремп и направился в бывший тренажерный зал, где сейчас разместился центр сбора информации, с докладом о поведении нового оружия в бою.

Новое оружие вело себя просто великолепно. В кабине истребителя Рассела и его помощника старшего лейтенанта Курта Макферсона были установлены портативные образцы изделия – две миниатюрные коробочки с электроникой и небольшой монитор. Как и объяснял пентагоновский аналитик Грегор Йорк, главный координатор секретной программы «Мыслитель», прибор настраивался на мыслеформы заданного противника и выводил истребитель прямо на цель, как по радиомаяку. При этом на мониторе, словно на экране телевизора, Рассел мог видеть все, о чем думает сейчас конкретный оператор выбранного объекта ПВО, а если была необходимость, то и мысли всех операторов вместе. Выходя на цель, самолеты активировали генератор излучения, который внедрял в сознание стражей неба мирные картины разного содержания. На первом этапе была опробована программа «Детство», давшая превосходные результаты после испытаний. Рассел и Курт уже прозвали излучающий генератор «Фабрикой грез». С помощью этого генератора они сами на время становились мыслеформами операторов ПВО, чувствуя себя их детскими фантазиями, путешествующими по незащищенному сознанию. «Фабрика грез», официально именовавшаяся генератором частоты мыслей, была в состоянии импровизировать на месте. Войдя в контакт с мозгом конкретного оператора, генератор мог выбирать наиболее желаемую данным индивидуумом программу забвения или фантазий. Кому-то хотелось вспомнить детство, кому-то – свои любовные переживания, а кто-то хотя бы во сне или в мечтах страстно желал стать тем, кем не дала ему стать суровая жизнь – поэтом, писателем, музыкантом. Подсознательные желания были очень разными, но «Фабрика грез» с готовностью выполняла все запросы, реагировала и подстраивалась под мысленные импульсы любой частоты и мощности. Разработчики оружия попытались задействовать наиболее потаенные уголки сознания и подсознания, которые, в случае проникновения в них, давали наибольшую силу сцепления и отклик на излучение «Фабрики грез». Для военных целей это оружие было идеальным. Пусть себе помечтают напоследок, главное, что даже если кто-то случайно уцелеет – сможет рассказать только приятные воспоминания о прошлом.

Следующей целью по программе мыслитель были силы ПВО Северной Кореи. Ранним утром, удивительно теплой в этом году по всему миру осени, два истребителя F15, совершив-

шие сутками раньше межбазовый перелет через тихий океан, поднялись в предрассветное небо с авиабазы ВВС США в Южной Корее. Ничего не подозревавшие ревнители коммунистического режима в северной Корее, поделившие некогда единый полуостров на две разноокрашенные части, спали ещё мирным сном праведников. Не спали лишь операторы радиоточек РЛС и ПВО. Но это их не спасло. На сей раз для операции «Карающий меч» было выбрано две точки радиоперехвата и находящийся в десяти километрах ракетный комплекс. Все объекты находились на южном побережье Северной Кореи – наиболее развитом в экономическом плане секторе страны.

Утро выдалось теплым. Это Рассел успел заметить ещё на утренней пробежке, правда местный климат был влажноват несколько больше необходимой для него нормы, поэтому пришлось принимать тонизирующий душ чуть дольше. До этого дня Рассел бывал в Южной Корее дважды – и оба раза находясь уже на службе в армии. Первый раз – шесть лет назад, когда в местных водах проводились учения НАТО, а Рассел служил на авианосце «Джордж Вашингтон» в морской авиации. Второй раз – совсем недавно, полгода назад, находясь в отпуске с женой Джудит, которой захотелось посмотреть на красоты восточных пейзажей и отпробовать местной кухни. Все эти воспоминания неторопливо протекали в голове у Рассела. Майор хорошо выспался после межбазового перелета, пробежался, вкусно, но в меру позавтракал, и теперь уверенно управляя своим истребителем, словно находился на фриксе за рулём огромного респектабельного «Кадиллака».

Замигала красная лампочка в левом углу приборной панели, напоминая, что истребитель приблизился вплотную к зоне обнаружения ПВО противника. Рассел отоспал на базу короткое кодированное сообщение о начале операции и, обменявшись пожеланиями удачи с Куртом Макферсоном и собственным штурманом Джони Питфайером, включил «Фабрику грез» на полную мощность.

… Начальник приемного центра ПВО «Хуцен» Ли Бо Шон сидел в уютном плетеном кресле в своем кабинете, положив ноги в грязных ботинках на стол. Ли Бо Шон курил длинную и горькую папиросу, предаваясь воспоминаниям о вчерашнем дне, который провел в весьма престижном борделе. Незадолго до того, Ли Бо Шон получил задержанное за три месяца жалование и решил покутить. Он потратился сразу на трех молоденьких женщин, одна из которых была китаянкой, другая кореянкой местного происхождения, а третья оказалась не весть как сюда попавшей русской. До обеда Ли Бо Шон занимался любовными играми сначала с кореянкой, а затем с китаянкой, оставив русскую диву на закуску. Однако, плотно перекусив и, наконец, добравшись до русской, Ли Бо Шон понял, что допустил ошибку. Невзрачная с виду русская за полчаса замучила его так, что и теперь, спустя ночь, Ли Бо Шон не имел сил больше ни на что. Ему оставалось только мирно сидеть на одном месте и курить русские папиросы «Север», благо их у начальника приемного центра «Хуцен» было в достатке. То ли из-за отсутствия сил, то ли из-за наплевательского отношения к службе, Ли Бо Шон совершенно не обращал внимания на мигавшую лампочку на пульте связи, означавшую появление в охраняемом воздушном пространстве неопознанного летящего объекта. Ли Бо Шон с каким-то мазахистским наслаждением вспоминал невероятные трюки, которые с ним проделывала русская проститутка и, утопая в нахлынувших вдруг воспоминаниях, курил папиросу за папиросой.

… Он так и сгорел за своим столом. Ракеты американцев обрушились на красных корейцев как снег на голову. За несколько минут от ракетной точки ПВО, радиолокационной станции и центра радиоперехвата остались лишь одни горящие руины, искореженные обломки, и сотни трупов в ошметках формы ПВО Северной Кореи. Самолеты-призраки появились и исчезли совершенно бесследно. Их никто не видел на радарах и не слышал в эфире, и, естественно, никто их не связал с уничтожением трех военных объектов. Этих самолетов попросту не существовало в природе, а была лишь халатность самих корейцев, приведшая к самопроизвольному пуску и взрыву собственных ракет.

… Между тем F15, выполнив свою тайную миссию, преспокойно коснулись взлетно-посадочной полосы авиабазы ВВС США в Южной Корее спустя час, завершив обычный тренировочный полет в небе этого государства, занесенный во все журналы и разрешенный действующими соглашениями. За успешное проведение операции «Карающий меч» майор Рассел Кремп и старший лейтенант ВВС США Курт Макферсон, а также их штурманы, были награждены 30 тысячами долларов и внеочередным отпуском, после которого было намечено начало второго этапа секретной операции «Мыслитель».

Внеочередной отпуск оказался весьма кстати, поскольку Кремп давно задумал провести вместе с женой пару недель где-нибудь вдали от людской суэты. На сей раз выбор пал на самую отдаленную часть Соединенных Штатов, которую от основных штатов отделяла внушительная прослойка канадской земли, то есть на Аляску, которую когда-то русское правительство решило продать американцам за бесценок, поскольку понятия не имело, какие богатства отдает. Если бы русские знали хотя бы о десятой части полезных ископаемых, которые впоследствии отыщут здесь трудолюбивые поселенцы, они бы никогда не поступила так глупо. Однако, Бог им судья, а Рассел и Джудит были русским очень даже благодарны: им предстоял увлекательный отпуск на красивейшей земле. Большую часть времени они намеревались провести, лазая с рюкзаками по прилегающим к Тихому океану предгорьям, умываться в горных потоках ледяной водой, спать в палатке, жечь костер и жарить на нем шашлыки из подстrelленной на охоте дичи. Еще Джудит мечтала посмотреть на местных аборигенов, которые по ее представлениям должны были уметь одинаково ловко охотиться с копьем как на юркую рыбу в стремительной горной реке, так и на голодного бурого медведя. Хотя начиналась прекрасная осень, а медведи в такую пору обычно сытно питаются, об этом Джудит знала точно, так как иногда читала журналы «Друг охотника», которые Кремп выписывал из-за давней страсти к охоте.

… Через полчаса самолет авиакомпании United Airlines должен был совершить посадку в аэропорту Анкоридж, считавшегося местной столицей. За время полета Рассел получил нескажанное удовольствие. Они с Джудит летели первым классом на огромном Боинге-747, изнутри походившем на комфортабельный океанский лайнер. Рассел с наслаждением утопал в мягким кресле, рассматривал внутреннюю отделку салона, и с легкой грустью думал о том, что не борту его родного истребителя F15 Eagle, он едва может вытянуть ноги, а уж предположение о том, чтобы кто-нибудь, типа очаровательных красоток-стюардесс из United Airlines, принес ему чашку кофе и утренние газеты выглядело вообще утопичным. Кроме того, весьма трудно было бы пить кофе в гермошлеме на сверхзвуковой скорости. Рассел улыбнулся своим мыслям, но Джудит этого не заметила. Она прильнула к иллюминатору и не отрывалась от него уже минут двадцать. Внизу проплывали высокие скалистые горы, вершины которых виднелись даже над облаками. Под самым самолетомискрился Тихий океан. Солнце играло на снежно-ледяных шапках, укрывавших горные цепи. Где-то здесь, как Джудит вычитала в туристском справочнике, находилась самая высокая гора Аляски пик Мак-Кинли высотой 6194 метра, а немного восточнее, за облаками, прятался пик Логан, уступавший своему собрату по высоте какую-то сотню метров. Однако, как ни старалась, Джудит не смогла отыскать высокие вершины среди сплошного излома скал, которые то и дело закрывали облака.

Самолет слегка качнулся и лег на крыло, заходя на посадку. Стюардесса попросила всех пассажиров пристегнуть ремни безопасности и еще раз напомнила, где находятся спасательные жилеты, – Анкоридж находился все-таки на берегу залива. Рассел с легкой иронией побеспокоился об отсутствии в его распоряжении катапульты, штука была далеко не лишняя. Однако Джудит верила в авиацию, и нисколько не сомневалась, что посадка пройдет нормально. Боинг-747 выровнялся и стал плавно снижаться. Под крылом замелькали выросшие в размерах скалы, затем показались первые городские постройки, крыши домов, и, наконец,

вздрогнув всем корпусом, самолет коснулся взлетно-посадочной полосы. Пассажиры встретили это событие громом аплодисментов и радостными воплями поблагодарили пилота.

Спустя всего пятнадцать минут, получив багаж, состоявший из пары туристских рюкзаков, и, оставив Джудит присмотреть за ними в баре небольшого аэропорта, Рассел отправился на поиски бюро по прокату машин. Он, конечно, мог заказать автомобиль по телефону из гостиницы Нью-Йорка, где они останавливались проездом, однако решил специально этого не делать, а поискать приключений на свою голову. Бюро проката машин находилось всего в двух шагах от аэропорта «Анкоридж», что Рассела даже слегка разочаровало, но он решил, что приключений на его долю еще хватит. Выбор в местной прокатной канторе был не то чтобы велик: взору бравого пилота предстало всего пять джипов различной степени побитости и потертости. Сразу было видно, что машины здесь не застаиваются в гараже. Немного подумав, Рассел выбрал мощный четырех приводной японский джип Toyota-PLT, побитый меньше остальных. Джип был стального цвета и имел на бампере лебедку. Уплатив сразу за неделю вперед, Рассел залез в машину и проверил работу всех агрегатов. Не смотря на слегка потертый внешний вид, машина была в хорошем состоянии, словно прошедший боевое крещение недавно собранный истребитель. «Что ни говори, а японцы умеют делать машины не хуже нас», – подумал Рассел, выруливая из гаража. Он тормознул машину возле аэропорта, где еще кучковалось несколько пассажиров Боинга, летевших классом победнее, в ожидании рейсового автобуса, и вошел в бар. Верная жена сидела у стойки бара и беседовала с добродушным бородатым барменом в ковбойской шляпе, время от времени поглядывая на стоявшие в углу рюкзаки. Рассел с некоторым удовольствием отметил, что здесь все-таки не Нью-Йорк, и простая жизнь предполагала простые обычаи. Поэтому можно было запросто зайти в бар с рюкзаками и пропустить пару рюмок. Попробуй он сделать то же самое где-нибудь на 5-ой Авеню, тамошний швейцар вышвырнул бы его тут же на улицу за появление в грязной одежде в публичном месте. А попробуй Рассел закурить, то точно схлопотал бы штраф. Правду говоря, и в Нью-Йорке хватало грязных местечек, где средь бела дня можно было вытворять что угодно, но с некоторых пор Рассел по ним не ходил.

Присоединившись к компании за стойкой бара, Рассел пропустил с ними рюмку бренди «Хвост Аллигатора» и, забрав жену, направился к стоявшему почти у самого выхода джипу. Бросив рюкзаки в багажник, он прыгнул за руль и включил зажигание. Джудит уже устроилась на переднем сиденье.

– Ну, любовь моя, куда курс держим? – поинтересовался Рассел.

– Высоко в горы! – приказала Джудит бодрым голосом, и добавила чуть потише: – только не очень высоко, чтобы потом можно было спустится.

– Яволь, мон женераль! – ответил Рассел на смешанном наречии и нажал педаль газа.

Мощный мотор взревел как проснувшийся после зимней спячки медведь Гризли, и джип, рвануввшись с места, устремился по единственной уходящей в горы дороге. Городок был не очень большой, поэтому расположившиеся по краям дороги лавки и магазины быстро кончились и потянулась живописная местность. Город как-то сразу перешел вдикую природу. Спустя десять минут по обеим сторонам трассы уже шумели невысокие кряжистные деревья, название которых Рассел не мог вспомнить, как ни старался, а сразу за ними начинались горные отроги. Обилием подъемов и спусков трасса напоминала гоночный полигон. Джип, подпрыгивая и ныряя вниз, несся на север. Рассел рассчитывал провести неделю в горах, в окрестностях пика Мак-Кинли, затем по высокогорной дороге добраться до Фэйрбанкса, расположенного на излучине Юкона. Оттуда спуститься вниз, насколько позволяло судоходство, и в конце концов достичь самой северо-западной точки на побережье США, омываемой Беринговым проливом. Поговаривали, что в хорошую погоду виден противоположный берег и, если повезет, можно увидеть русскую землю. Иногда Рассел чувствовал себя последним романтиком.

К обеду они добрались до первой перевалочной базы туристов и альпинистов у подножия скальных массивов. Дорога на Фэйрбанкс огибало горы восточнее, а дальше на север можно было идти только пешком. Но именно это и надо было соскучившемуся по экзотике пилоту BBC и его жене. Рассел припарковал джип на местной стоянке, разыскал проводника и, усевшись за столик в баре, они вместе с Джудит стали расспрашивать его о местных достопримечательностях. Парень, по имени Фил Хорн, так подробно расписал им окрестную местность, что Рассел сразу же решил идти в горы без проводника. Лавиноопасных склонов поблизости не было, камнепады встречались редко, а очень высоко Рассел и не собирался забираться. Заплатив знатоку местных пейзажей за рассказ и купив подробную карту близлежащих гор, супруги одели на плечи туристские рюкзаки, уже наполненные всем необходимым снаряжением от альпинистских веревок до портативной рации, и зашагали по горной тропе.

Рассел шел замыкающим, как самый сильный член немногочисленной группы. Настроение у него было отличное, поэтому время от времени окрестности оглашались дикими криками, отдаленно напоминавшими популярные песенки. Мурлыкать себе под нос Рассел просто не мог, а на природе – особенно. Почувствовав дышавшую мощью энергетику гор, ему хотелось только кричать во всю грудь. Однако, накричавшись, бравый пилот все же вспомнил, что скоро начнется резкий подъем на первый перевал с красивым названием Милденхолл, с обеих сторон которого нависали небольшие козырьки снега. Сильной лавины конечно не будет, но если орать не переставая во всю глотку, запросто можно спровоцировать маленький природный катаклизм с последующими острыми ощущениями. Всю дорогу светило солнце, Джудит радовалась и норовила подставить ему лицо, забывая смотреть себе под ноги. К счастью дорога была не опасной, и она только пару раз споткнулась.

Несмотря на то, что им предстояла увеселительная прогулка, а не штурм Эвереста, Рассел довольно серьезно отнесся к снаряжению. Они оба были обуты в легкие, но прочные горные ботинки, спортивные костюмы и ярко-рыжие ветровки. В рюкзаке лежала пара прочных веревок, каски, несколько титановых карабинов для сооружения переправ различной сложности, обвязки, а сбоку были приторочены небольшие ледорубы. В рюкзаке Рассела лежал также нож, примус, спички, фонарик с запасными батареями и портативная рация, с помощью которой можно было связаться с туристической базой внизу или бродившими по окрестным горам альпинистами.

Огибая скалу, тропа вильнула вправо, затем влево и, наконец, резко пошла вверх на подъем. Прямо по курсу обозначился перевал Милденхолл, до которого предстояло взбираться вверх еще минут сорок, если не больше. Перевал не выглядел сложным, но был укрыт облачками. Солнце светило теперь справа. Джудит бесстрашно принялась штурмовать гору, но пару раз непрочный камень выскальзывал из-под ее ноги и она падала, больно ударяясь. После этого верная жена пилота слегка обиделась на горы и продолжала путь уже с меньшим пылом. Рассел шагал размеренно и осторожно, у него, уже не раз бывавшего в горах, это получалось машинально. Изредка обмениваясь подбадривающими репликами, они преодолели половину подъема, и Рассел объявил первый привал. Джудит с радостью сбросила рюкзак и плюхнулась на него, переводя дыхание. Рассел присел на корточки, спиной к скале, и осмотрелся. Влево уходила живописная долина Гудилэнд, по которой петляла автомобильная дорога, казавшаяся с высоты темным ручейком или небольшой речкой. Было видно как к туристической базе подъехали два автомобиля с альпинистами и любителями горных лыж. Здесь же славятся горнолыжными курортами. Пестро одетые спортсмены высыпали на стоянку, образовав группу людей, хорошо заметную даже с перевала. Справа высился горный массив Картпад, где-то в самом центре которого прятался знаменитый пик Мак-Кинли. Рассел и Джудит собирались хотя бы посмотреть издалека на пик Мак-Кинли, а если повезет с погодой, то и сфотографироваться а его фоне, поскольку подняться на него без подготовки не представлялось возможным. Закончив обзор окрестностей, Рассел поднял свой взгляд на небо и узрел приближавшуюся с

запада серую тучу, явно наполненную чем-то наподобие снега. Вообще-то Рассел любил снег, но только не во время горных прогулок. Поэтому он поднял расслабившуюся Джудит на ноги, и они с новой силой устремились вверх. Спустя двадцать пять минут перед ними показался Милденхолл во всей своей красе. Появился он как-то неожиданно и сразу. Взору путешественников открылся довольно широкий провал в скалах, по обе стороны которого свисали снежные козырьки. Светившее солнце играло и искрилось на них яркими бликами. Посвежело. С перевала начал дуть встречный ветер.

– Какая красота, – не удержалась Джудит, – никогда не видела такого яркого снега!

– Да, уж, – подтвердил Рассел, – По-моему обитатели Колорадо видят снег только в холодильнике. Последний раз я ходил по нему лет пять назад в Нью-Йорке, но та загаженная серая слякоть не идет с этим ни в какое сравнение.

Джудит не могла глаз оторвать от сказочного свечения, а Рассел, оглянувшись назад, увидел, что тучи затянули уже всю западную часть небосвода.

– Придется поторапливаться, если мы хотим засветло выбрать место ночевки. Погода меняется на глазах. Что-то не нравятся мне эти тучки.

Они поднялись еще выше и вступили на перевал. Сразу же встречный ветер усилился настолько, что стало трудно идти. К счастью перевал был не длинный, и, пройдя метров сто, Рассел и Джудит устремились вниз. Оказавшись в соседней долине, они оказались словно в другом мире. По эту сторону природа была несколько суровей. Почти все окрестные верхушки склонов утопали в снегу. Чахлая зелень едва теплилась у подножия гор. Живописную долину с людьми и дорогами отделял теперь перевал высотой в две с небольшим тысячи метров. Джудит осмотрелась вокруг и поежилась.

Тропа резко забирала влево и вверх. Рассел еще раз изучил карту и выяснил, что совсем недалеко находится второй безымянный перевал, обозначенный цифрами 2016. При хорошем темпе они вполне успеют встать на ночевку под этим перевалом, а спускаться будут уже завтра поутру, дождавшись пока установится терпимая погода. В том что скоро начнется маленький буран, у Рассела не оставалось никаких сомнений – небо позади них уже затянуло сплошной серой пеленой, означавшей, что в соседней долине идет снег. Ветер дул все сильнее, подталкивая их к движению. «Хорошо еще, что в спину», – подумал Рассел, а вслух сказал:

– Ну, как ты себя чувствуешь, дорогая?

Джудит окинула взглядом стальное небо и с грустью ответила:

– Как жена летчика-истребителя в горах в плохую погоду.

– Понятно, тогда предлагаю сделать марш-бросок к соседнему перевалу, а там приземлиться до утра.

– Принято. Только посадочную полосу будешь готовить один. Жены летчиков в горах этим не занимаются.

– Ладно, а приготовлением ужина в условиях высокогорий они занимаются?

– Только в крайнем случае.

– Считай, что он наступил. Пошли. А то нас снегопад по дороге застанет. Здесь погода меняется в одночасье.

Закинув рюкзаки за плечи, они устремились по тропе влево и вверх. Как и думал Рассел идти пришлось не долго. Спустя полчаса некрутого подъема они уже были почти на перевале 2016. К сожалению место оказалось крайне неудобным для ночевки. У самого перевала тропа вдруг резко взмывала вверх, а по краям шли неглубокие, но почти отвесные сбросы и камнеопасные склоны. Ни одной более или менее ровной площадки, чтобы можно было поставить палатку под перевалом, не было. Джудит выжидающе смотрела на Рассела, а он, достав бинокль, разглядывал крохотный перевал. Через несколько минут он оторвал бинокль от глаз и сказал:

— У меня такое ощущение, что единственное ровное место в здешней окруже находится на самом перевале. Боюсь, что нам придется ночевать именно там.

Джудит с недоверием посмотрела на узкую щель, разделявшую две скалы.

— Да-да, — подтвердил Рассел, — именно там.

В бинокль он разглядел микроскопическую складку местности, где при желании можно было растянуть палатку-кроху, которую они захватили с собой в путешествие. Переглянувшись, супруги зашагали вверх по склону. На этот раз Рассел шел впереди. Достигнув перевала, он увидел, что поверхность, казавшаяся снизу ровной, таковой только казалась. На самом деле она напоминала застывшую поверхность моря в пятибалльный шторм. Но выбора у них не было. Скинув рюкзак, Рассел стал возиться с палаткой, а Джудит занялась извлечением теплых вещей из своего рюкзака. Вокруг заметно стемнело. Спустя пятнадцать минут, когда Рассел кое-как смог закрепить палатку, было уже совсем темно. По этой же причине приготовление ужина пришлось перенести в палатку, что было опасно, но выбора опять-таки не было. Раскочегарив примус, Рассел поставил на него кастрюльку со снегом и стал наблюдать когда снег превратится в воду. Джудит, переодетая в теплую пуховку, следила за его манипуляциями с нескрываемым любопытством — в жизни ей приходилось иметь дело только с умными электрическими кухонными приборами, управлявшимися с помощью нажатия одной-двух кнопок. Рассел, прошедший неплохую жизненную школу, умел обращаться с разными, в том числе и допотопными приборами. Поколовав минут двадцать над кастрюлькой, он сумел изготовить что-то напоминавшее суп. Отпробовав варево, Джудит сказала «очень мило», слегка поморщилась, но все-таки съела содержимое своей миски — день пути давал себя знать.

Едва успел Рассел погасить примус, как налетевший шквал свалил палатку. Следующий порыв перевернул все ее содержимое вверх дном. Рассел на ощупь нашел выход и высунулся из бесформенной кучи капрона наружу. Там бушевала настоящая снежная буря. На метр в сторону было ничего не видать. Снег со скоростью сверхмалого метеора несся навстречу, залепляя рот и глаза. Палатку медленно, но верно стаскивало вместе с ее обитателями к самому краю небольшого обрывчика, под которым сразу же начинался следующий. Рассел выбрался из палатки и помог вылезти Джудит. Затем перетащил палатку со всем содержимым на пятнадцать метров в сторону и привалил к самой скале, за которой начинался перевал. Теперь, хотя бы с одной стороны, они были защищены. Из-за сильного ветра поставить палатку не удалось, поэтому Рассел навалил с боков камней, придавив ее днище намертво. Появился зыбкий шанс, что их не унесет в пропасть. Обезопасив насколько возможно свой ночлег, Рассел, как ни в чем не бывало, залез внутрь, достал спальный мешок и подготовился заснуть. Джудит было немного не по себе, но она последовала примеру мужа. Спрятавшись в пуховый кокон, они, словно будущие бабочки, грели друг друга. Палатку нещадно трепало и рвало в разные стороны свирепым ветром. Вой стоял такой, что Рассел чувствовал себя как на борту пикирующего бомбардировщика. Поспать нормально им так и не удалось, но измученные в конец, они периодически впадали в кратковременное, но частое забытье. Так что не понятно было — сон это или явь вокруг. То и дело Расселу казалось, будто он летит на стратегическом бомбардировщике Б-52, а кругом снуют странные самолеты с хищными крестами на крыльях. Небо пестрит от трассирующих пуль и разрывов. Вот загорелся хвост у бомбардировщика, и он падает в бездонную пропасть, падает, падает... Вот Рассел уже на военном корабле, который атакуют те же хищные самолеты, поливая огнем. Кругом разрывы, огонь, смерть...

Проснулся Рассел от боли в боку — сквозь спальник и подстилку, словно ножи, в бок впились острые камни. Джудит уже не спала. Сверху на них, тяжелым грузом, лежала палатка. Внутри было довольно тепло. Рассел попытался приподнять палатку рукой и почувствовал, что они засыпаны снегом, который вероятно шел всю ночь. Снаружи стояла полная тишина. Ветер иссяк. Рассел нашел выход, поднатужившись, стряхнул снег иглянулся на свет божий. Его взору предстала совершенно белая долина — царство вечных снегов. Рассел выбрался из

палатки, помог вылезти жене, и осмотрелся. От тропы не осталось и следа. Но это его не особенно пугало, идти по плану предстояло дальше через перевал 2016, а вот на спуске глубокий снег мог служить препятствием – черт его знает сколько зыбких камней и впадин может оказаться под ногами. Тишину нарушило потрескивание рации, внезапно раздавшееся из засыпанной снегом палатки. Рассел мгновенно залез внутрь и вытащил из рюкзака портативный прибор.

– Алло, Рассел Кремп, Рассел Кремп, вызывает туристическая база! – надрывалась радиация.

– Кремп слушает, – ответил Рассел.

– Мистер Кремп, как пережили снегопад? К сожалению прогноз вчера пришел слишком поздно, вы вероятно уже спустились в долину и не смогли принять радиограмму.

– Все О'Кей. Живы и здоровы.

– Мистер Кремп, мы имеем для вас сообщение от вашего босса Питера Остина (Рассел насторожился, так звучал позывной Грегора Йорка в открытых радиопереговорах). Он просит вас срочно вернуться в Анкоридж. Там вас будет ждать специальный самолет. Что-то случилось на вашем заводе. Если хотите, можем прислать за вами вертолет со спасательной базы.

– Хорошо, я все понял. Спасибо ребята. Вертолет не нужен, ему здесь не сесть. Мы спускаемся сами. К вечеру будем в долине. Заправьте мой джип – слегка побитую Toyota-PLT.

– О'Кей, мистер Кремп. Все сделаем. Спускайтесь.

Рассел выключил радио и посмотрел на Джудит.

– Извини, дорогая, но наш отпуск похоже прерывается. Что-то случилось. Мне необходимо возвращаться.

– Ох уж эти военные, и отдохнуть как следует не дадут, – деланно возмутилась Джудит. Затем она окунула заснеженные горы недовольным взглядом, поежилась и сообщила: – Если честно, отдых в этих неуютных горах мне не особенно по душе.

Глава 5. Сюрпризы начинаются

Антон, Малой и Коля Дмитриенко сидели в полутемной комнате отдыха и от нечего делать резались в домино. В казарме стояла тишина. Все были в наряде, за исключением «смены», половина которой законно посапывала на койках. Трое ушли в «самоход». Остальным спать не хотелось и они играли. За окном уже второй час лил дождь, заглушая все звуки. От этого казарма казалась отрезанной от всего мира и затерянной среди бескрайних лесов и антенных полей.

– Рыба! – сказал Малой, хлопнув черным прямоугольником по столу. Антон и Дмитриенко безразлично подсчитали очки. У обоих оказалось одинаковое количество.

Антон подошел к окну. Деревья, с обвисшими от дождя листьями, выглядели отрешенно. Природа дремала под мерный стук капель. У ворот части мучился с мотором командирского УАЗика сержант Тарасов. Что-то там полетело, а он никак не мог выяснить – что. Антону, глядя на мучения водителя, вдруг стало жаль этого промокшего бедолагу, и он мысленно пожелал, чтобы мотор завелся. Просто так, ради смеха. На удивление, УАЗик трижды чихнул и радостно зарокотал. Испуганный Тарасов обалдело уставился на машину, потом пнул ее ногой и полез внутрь, что-то громко произнося. Что именно, Антон не разобрал. Постояв немного, младший сержант Гризов отошел от окна. Дмитриенко исчез, видимо, пошел спать. За столом сидел лишь Малой.

– Слушай, Малой, ты в телепатию веришь? – спросил Антон.

– А зачем она мне?

– Створить чего-нибудь.

– Створить и так можно много.

Антон достал сигарету и закурил. Потом положил коробок спичек на стол и впился в него глазами. Малой удивленно наблюдал за непонятными экзерсисами друга.

– Ты чего?

– Да вот, пытаюсь его зателепать. Вдруг у меня способности есть. Хочу, например, коробок взглядом с места сдвинуть.

– Ну-ну, Кашпировский. – скептически отозвался Малой, – Пошли лучше спать, пока время еще есть. Сегодня в ночную.

Антон еще раз посмотрел на коробок испепеляющим взглядом, но тот безразлично лежал на краю стола и двигаться явно никуда не собирался.

– Пошли, – сказал он вздохнув и вслед за Малым направился к выходу из комнаты. Не дойдя до порога двух шагов, друзья услышали за спиной резкий хлопок, а затем потрескивание. Антон обернулся. Над столом взвился маленький столбик синего пламени.

В эту ночь в эфире было спокойно. Американцы почитали выходные, а наступила суббота. Малой возился в своем углу, пытаясь сварить ведро картошки с помощью двух кипятильников, хранившихся в глубинах поста от всяких неожиданностей. На КП сидел капитан Смурной, что означало большую вероятность отсутствия шмона. На всякий случай у дверей зала дежурил молодой боец. Антон рулил приготовлением четырех кружек чая, так как к полуночи должны были прийти еще двое друзей – Майкл и Саня. Намечался большой ночной жор.

Спустя четверть часа все было готово и расставлено за постом Антона. Когда Майкл с Саней подтянулись на ПЦ, притащив со своих постов ревматически поскрипывающие кресла, друзья уселись вокруг импровизированного стола и принялись за еду. Остальная «смена» дрыхла в полглаза, так как знали – Смурной на дремлет. Отужинав, Саня предложил сыграть в карты. Спустя несколько секунд карты возникли на столе. Ведь самое необходимое надо всегда держать под рукой. Возник и листок бумаги для записей. И пошла игра.

Саня включил на всю громкость трансляцию эфира с «Большой дороги», находившейся в пятнадцати метрах от «Глобального перегона». Он был не на «смене», но дежуривший в эту ночь Коля Дмитриенко попросился подремать часок, и Саня краем уха следил за активностью в эфире. В карты ему везло полчаса подряд. Затем удача переместилась к Антону. Потом слово свое сказал Майкл. К трем часам ночи, когда Малой потихоньку стал брать игру в свои руки, из другого конца зала послышалось негромкое шипение и невнятный голос, владелец которого находился явно где-то за океаном, затараторил по-английски. Саня выпрямился на стуле прислушиваясь. Его чуткое ухо уловило позывной.

– «Гузбэй»! Говорит «Большой Мэн», прошу…

– У тебя работает что-то, – сказал Майкл, поворачиваясь к Сане лицом, но тот уже несся к посту.

Он едва не рухнул на пульт и, щелкнув ручкой, заорал в микрофон:

– Смотри 90.33, работает!

«Большой мэн» – это означало, что в эфире самолет президента США. Таких проколов Москва не прощает. Поговорив минуту с пеленгатором, Саня вернулся к компании.

– Где он? – спросил Антон.

– Да пеленгатор мутит. Еле успел конец доклада зацепить. Говорят, 230 градусов. Но на пеленгаторе сейчас Широн.

– Ну да, – согласился Малой, – а это означает плюс-минус 50 градусов.

– Вот именно, – подтвердил Саня, – Значит, президент сейчас где-то над Атлантикой. Да и черт с ним, в принципе.

Они уже собирались вернуться к картам, когда Саня, предчувствуя новый выход «Большого», предложил закончить игру за своим постом. Теперь Антон включил трансляцию в свою очередь. Перебравшись на «Большую дорогу», компания снова принялась за игру. На сей раз фортуна улыбнулась Антону. Он уже раздумывал, с чего сделать последний ход – с «девятки» или с «валета», когда динамик за его постом чихнул, прокашлялся и заявил:

– «Бито»! «Бито»!

Антон покосился на свой пост и произнес:

– Ты что, сдурул, старый кусок железа?

На что пост невозмутимо продолжал:

– «Бито»! «Бито»! Здесь «Большой мэн».

Отбросив карты, Гризов метнулся к посту и послал команду на пеленг. «Президент» работал на волне разведки. Затем Антон выслушал все, что о нем думали в три часа ночи на пеленгаторе, и нетвердой рукой записал -155 градусов. Друзья сгрудились у него за спиной, рассматривая запись.

– Ого! Средиземное море.

Антон почесал затылок, погрыз карандаш и подытожил:

– Похоже, что президент летает с космической скоростью. Не иначе как «Спейс Шаттл».

– Ага, – со смехом сказал Майкл, – За двадцать минут из Атлантики в Средиземку.

– Похоже, наш пеленгатор сегодня сильно пьян. – заявил Саня.

Динамик вдруг ожила опять:

– «Шимодан»! «Шимодан»! Здесь «Большой Мэн»!

– Да заткнись ты! – рявкнул на него Антон.

В эфире что-то заскрежетало и взорвалось. Послышался звон разбитого стекла. Потом наступила тишина. Обескураженный «Шимодан» несколько раз попытался вызвать президентский самолет, но безрезультатно. В эфире повис огромный знак вопроса.

Малой прищурился и внимательно посмотрел на Антона. Потом вздохнул и спросил:

– Ты куда президента дел?

Наутро Антона назначили старшим группы, которая отъезжала в подшефный колхоз на картошку. На сей раз комбат, памятуя о ранении в голову, лично разрешил Антону ничего не делать, а только следить за порядком. Весь день младший сержант Гризов просидел в сарае на какой-то забытой Богом ферме, пока его подопечные перебирали предназначенные для части клубни. Как и вчера, шел мелкий тосклиwyй дождь. Грязь на дорогах раскисла и превратила их в непроходимое даже для танков болото. Антон лежал на скамейке и, закутавшись в теплый бушлат, курил, пуская кольца в потолок. На улице медленно темнело. За столом местные трактористы играли в кости. Один из них, по кличке Мудрый, подошел к засиженному мухами приемнику и включил его в надежде услышать прогноз погоды на завтра. Вместо этого диктор начал вещать о событиях общественной жизни.

В части Антон редко читал газеты, в основном все новости узнавал из эфира, слушая иногда гражданские радиостанции. Да и это он делал редко, но сейчас с интересом прислушался.

– Новости сельской жизни. В пензенской области поспел рекордный урожай пшеницы, собирать который никто, естественно, не собирается, потому что вся техника находится на ремонте...

Мудрый ослабился и подтвердил:

– Ясен перец, деталей-то где взять?

Словно дав Мудрому вставить словечко, диктор продолжал:

... В Петербурге со стапелей Адмиралтейской верфи сошел новый авианесущий крейсер «Утюг». Через пять минут после спуска «Утюг» пошел ко дну. Как удалось выяснить нашему корреспонденту, крейсер затонул, получив пробоину в носовой части от бутылки шампанского, разбитой на счастье об его борт директором верфи Шуруповым. Командование ВМФ разводит руками, ведь «Утюг» должен был стать флагманом нового российского флота. А партия питерских «зеленых» устроила митинг у места крушения корабля, так как затонув, «Утюг» своей массой задавил целый косяк форели, пытавшейся, по роковому стечению обстоятельств, именно в этот момент покинуть грязные воды Невы и уйти за кордон. Лидеры «зеленых» открыто заявляют военным: «Топите свои «Утюги» где угодно, но почему же от этого должны страдать рыбы?»

... Новости спорта. Чемпион по прыжкам в высоту Андрей Булка вознамерился войти в книгу рекордов Гиннеса. Ради этого он решил принародно перепрыгнуть девятиэтажный дом в центре Москвы. Расчет великого прыгуна, к сожалению, оказался не совсем точным. Булка влетел в окно квартиры инженера Смирнова, находившееся на девятом этаже, и насмерть перепугал его молодую жену Лилю. Великий прыгун Булка со следами насилия на лице отправлен в больницу. Смирнову предъявлено обвинение в покушении на убийство.

... Новости из-за рубежа. Вчерашней ночью самолет президента США Билла Клинтона, совершивший дружественный перелет из Нью-Йорка в Лондон, исчез одновременно с экранов локаторов всех воздушных портов по пути следования. Весь день американская нация находилась в подавленном состоянии. У Белого Дома толпились сотни людей с плакатами «Где наш президент?» «Как выяснилось к вечеру, их президент находится сейчас на российской полярной станции «СП-26» все с тем же дружественным визитом. Английские деловые круги недовольны столь быстрой сменой планов американского президента. Это грозит осложнением политической обстановки. Одна интересная деталь. Наш корреспондент подсчитал, что «Боингу-747», на котором летел Билл Клинтон, никогда в жизни не хватило бы топлива, чтобы долететь до «СП-26». Все находящиеся на пути аэродромы и военные авиабазы в один голос заявляют, что самолет президента нигде не садился. Так как же он все-таки добрался до Арктики? Вот и думайте пока, дорогие радиослушатели, а я пошел на обед!

Из динамика вырвалась мощная песня группы «Алиса». Константин Кинчев неистовствовал, словно пытаясь докричаться до американского президента:

– Эй, ты там! На том берегу!

Мудрый выключил радиоприемник, снова усевшись за кости. Открылась дверь и на пороге появился Патрон.

– Поехали в часть, – сказал он, – машина за нами пришла.

В понедельник Антон Гризов почувствовал, что он чего-то не понимает в этой жизни. Причем, чувство это возникло у него сразу по прочтении заметки в газете «Комсомольская правда», которую принес на «смену» Малой и вручил Антону, загадочно улыбаясь. Под огромной фотографией на первой полосе, изображавшей Билла Клинтона в меховой ушанке и тулупе в обнимку с начальником «СП-26» Холодыгиным, стоял лаконичный заголовок «А мне летать охота!». Именно так американский президент охарактеризовал свое вчерашнее исчезновение с экранов всех радаров. По его словам, «Боинг» не только изменил курс, не долетев до туманного Альбиона, но и барражировал в течении двух часов в районе Кольского полуострова, так как мистеру Клинтону захотелось полюбоваться из иллюминатора северным сиянием.

«Но так ли это? – вопрошал автор статьи, – ведь именно там находятся наши ракетные установки, оснащенные баллистическими ракетами класса «туда-обратно». Не ими ли так интересовался президент предполагаемого противника? Да и куда же смотрели наши ракетчики, позволив неопознанному самолету два часа безнаказанно летать над родиной? Ведь они не сделали даже ни одного предупредительного выстрела. Неужели у нас в запасе не осталось и парочки ракет? Впрочем, справедливости ради надо сказать, что опомнившись, наши силы ПВО все же дали залп двумя ракетами по уходящему самолету-нарушителю. В него они, правда, не попали, но одной из ракет был сбит предмет с виду напоминающий летающую тарелку. Подробности выясняются. А другая ракета, сразу отклонившись от курса, ушла в сторону Берингова пролива и судьба ее пока неизвестна. Вот так. Отрадно, что хоть не сразу, пусть с опозданием, но наша армия все же дает отпор. А что касается Билла Клинтона, то у него на самолете радиостанция вообще не работала. И самолеты наши лучше, и радиостанции надежнее. И как это только ихние налогоплательщики выпускают своего президента в полет без радиосвязи? Но это тема уже для другой статьи. А пока американские фермеры ждут возвращения президента в родные пенаты, потому что он обещал снизить налоги, а сам улетел на Северный полюс. Нехорошо получается».

А. М. Крысунков

Антон свернул газету в трубочку и бросил ее в мусорное ведро. Руки его, слегка подрагивая, нашупали в кармане сигареты. Закурив и почувствовав живительный дым, Антон немного пришел в себя.

– Неужели это я его? – пробормотал он, – Да еще на Северный полюс... И радиостанция у него сломалась... Ну дела...

Ему на плечо неожиданно опустилась чья-то рука. Антон вздрогнул и поднял глаза. Это был Малой.

– Да ты не переживай. – сказал Малой весело. – С кем не бывает. Подумаешь – президент. Но на всякий случай добавил:

– В другой раз поосторожнее будь.

Антон кивнул и отрешенно уставился на лампочку, одиноко горевшую на пульте красным светом.

С того дня все и началось. Началась та жизнь, в которую Антон отказывался верить до самого конца. Он вдруг стал не совсем обычным человеком. Точнее, иногда просто переставал им быть, но все равно в это не верил. Сначала как-то сами собой стали двигаться предметы одним лишь усилием воли. Захотел младший сержант Гризов – и заехал десятитонный самосвал на горку без включения двигателя (отчего водитель Витька запил горькую), захотел – и взлетел прапорщик Жмень, словно орел, на крышу своей столовой с мешком ворованной картошки на глазах у всего полка и комбата, захотел – подвернулся кирпич под ногу неосторожного майора Фуфайкина и упал майор лицом в лужу.

Затем наступил этап мистических наваждений. Особо злобные офицеры стали бояться разносить солдат в пух и прах от нечего делать. Потому что многие из них сразу после этого оказывались на гарнизонной гауптвахте, где всю ночь во сне их мучили жестокие кошмары аля Фредди Крюгер, а наутро начальник охраны предъявлял обвинения в нарушении общественного порядка. Всю следующую за этими событиями неделю офицеры приходили в себя, разглядывая в зеркале свое измощенное небритое отражение и с опаской трогая голову. Даже комбат, попытавшийся по обыкновению приструнить полк, открыл рот и, к своему удивлению, услышал протяжный волчий вой, от которого сидевшие на ветвях вороны попадали в обморок.

Когда-то Гризов интересовался всяческими религиями, в том числе и учением о множестве астральных тел, занесенном в наши северные края оптимистами-кришнайтами. Теперь, после удара в голову, Антон вдруг ощутил в себе возможность иногда выходить из своего тела и единиться с космосом, ощущая себя сразу в нескольких телах одновременно. Но, сколько бы тел не было, чудилось ему, что он один в бескрайнем эфире и волен делать здесь все, что хочет. Он чувствовал себя в эфире, как рыба в воде. Не раз в минуты астральных развлечений вспоминалась ему бабка-колдунья. Видимо, злые языки были отчасти правы – что-то ведьминское в старушке, а теперь, похоже, и в нем, явно имелось. Иначе Антон мучился бы от сознания своей исключительности. А он не мучился. Ему даже нравилось.

Потусторонние способности, как болтали разные люди, запросто передавались из поколения в поколение даже помимо воли. Достаточно было, например, произнести необходимое заклинание над чашкой, а потом угостить из нее чайком любимого внука или любого родственника, а спустя отпущенное время родственник начинал летать по небу на метле или пугать поздних прохожих острыми передними клыками. Ночных полетов над территорией части за собой Антон до недавнего времени припомнить не мог, да и вампирством по ночам не развлекался. Однако, что-то в голове у него сдвинулось, и сдвинулось очень капитально. С одной стороны, он оставался обычным человеком, но с другой – никакой обычный человек, с точки зрения добропорядочных бургеров, не может гулять по эфиру в виде бестелесного духа или мгновенно перевоплощаться в придорожный валун. А Антон теперь мог это запросто. Ради интереса он превращался то в высоченное дерево, то в быструю птицу, то в дожевое облако. Однажды Антон превратился в двойника капитана Смурного, посмотрев на которого с минуту, капитан потом неделю не выходил из запоя. Единственным, во что Антону никак не удавалось превратиться, был жизнерадостный дембель. Вероятно, размышлял Антон, демобилизованный солдат имеет совершенно иное состояние души, нежели обычный. Тут никакие кришнайты не помогут. Между тем, особенно сильно астральными перевоплощениями Антон старался не увлекаться, боясь случайно остаться на всю жизнь в шкуре какого-нибудь белого медведя или стать вагоном товарного поезда на маршруте Брест-Холмогоры. Чаще всего младший сержант Гризов прикидывался, как ему больше подходило по штату, неопознанными радиоволнами в эфире. И даже называл себя в шутку эфирным оборотнем. Подключившись к километрам антенных полей, окружавших приемный центр гигантской паутиной, Антон посыпал в эфир свой собственный сигнал. Выглядело это так.

– «Тирион», «Тирион»! Здесь «Бормотун 66».

Антон возникал в эфире, словно был оператором станции «Тирион», и отвечал:

– «Бормотун 66». Здесь «Тирион». Слышиу хорошо.

– «Тирион», прошу срочно передать на КП «Сурмантай» мое сообщение. Время вылета 15.00 по Гринвичу. Мы имеем 6000 тонн груза…

– Честно говоря, мне наплевать, что ты там имеешь. Лети себе куда следует.

Потерявший дар речи, радист долго не мог прийти в себя, но затем все же интересовался:

– Эй, «Тирион», а это ты?

– Я-Я. Штангенциркуль. Еще вопросы есть?

– Есть. Как у вас погода?

– Хреновая. Дожди идут. Так что, нечего тебе здесь делать. Лети домой.

– Да ты что, а задание?

– Бог с ним, с заданием. Дома, небось, жена ждет, дети.

– Да… – послышался мечтательный голос радиста.

– Дети-то есть?

– Есть. Трое: два парня и дочка.

– Ого. Когда же ты успел?

– Да еще в военной Академии. А ты?

– Я не женат, – сказал Антон, – Ну ладно, мне пора. Ротный вызывает.

– Чего? –казалось, удивлению радиста не было предела, – А что такое «Ротный»?

– Ротный, брат, это такая штука… В общем, вали домой! Будешь пролетать мимо, не задерживайся – пролетай!

Возвращаясь назад в виде сигнала, Антон частенько перегружал электрическую сеть. В результате во всем центре регулярно гас свет, а электрики замучались искать неисправность в проводке. Так он розвился, время от времени, пытаясь наполнить жизнью пустые армейские дни. И не знал, что очень скоро игры его станут совсем другими.

Однажды, находясь на ночной «Смене», Антон отметил для себя необычное эфирное явление. Вот уже битый час он с напряжением вслушивался во все шорохи, но создавалось ощущение, что весь радиообмен прекратился и эфир абсолютно пуст. Как ни старался Антон объяснить себе значение этого феномена природы и BBC США, так и не смог. Дело было под утро. По местному времени тикал уже шестой час новых суток. Узрев, что Малой не спит, Антон решил врезать с ним по кружке чая, что само по себе очень приятно по утрам, а заодно поинтересоваться о состоянии дел в BBC Великобритании. Хлопнув закутавшегося в шинель Малого по плечу, Антон спросил:

– Скажи-ка толстый, а не выпить ли нам…

– Неплохо-бы. – мечтательно пробубнил Малой.

– … По стаканчику чая. – закончил свое предложение Антон.

– Эх, ты. – с досадой сказал Малой, усилием воли раздвигая затекшие от сна веки, и потягиваясь с хрустом в позвоночнике. – А еще друг называется.

Закончив процесс перехода от состояния полной недвижимости в горизонтальном виде к сидячему образу службы, Малой, подумав, согласился на чай. Через пять минут два товарища сидели «за Роялем» и потягивали горячий напиток.

– Слушай, Малой, – спросил Антон, – Что у тебя в эфире делается? Самолетов много?

– Да нет, так себе, – ответил Малой, – разведка шуршит понемногу и все.

– А у меня американцы что-то совсем затихнули. Ни слуху, ни духу. Даже ежечасного сигнала с наземных авиабаз не передают. – посетовал Антон.

– Странно, – пробормотал Малой, – Может у них праздник какой?

– У них каждый день – праздник. – в тон ему ответил Гризов. – Но военная авиация даже у них по праздникам летает.

Он допил чай, поставил пустую кружку на верхнюю крышку поста и вставая сказал:

– Пойду половлю что-нибудь.

Антон плюхнулся в свое кресло и, напялив наушники, принял яростно шарить по рабочим частотам. Целых полчаса, одну за другой, он проверял частоты разведки, заправщиков, военных транспортов, АВАКСов. На всякий случай прошелся по частотам самолета президента США, но увы, эфир был нем как глубоководная рыба. Он уже хотел было пойти перекурить, как вдруг из эфира понеслись долгожданные звуки радиообмена. Только странный это был радиообмен, ранее слышанный операторами постов только на специальных инструктажах у офицеров ПЦ. В живую это было впервые. Сквозь помехи прорывался настойчивый и напряженный голос пилота истребителя F15 Eagle.

– Вызываю «Навигатор»! Вызываю «Навигатор»! Говорит SAM 66 021.

– Здесь «Навигатор». SAM 66 021, докладывайте.

– Вижу колонну танков противника. Двигается по направлению к границе «Зоны». Разрешите атаковать?

– SAM 66 021, атаку танков противника разрешаю.

Эфир опустел, мгновенно задавив свалившейся тишиной. Гризов крутанул кресло на полоборота и закричал через весь зал оператору «Большой дороги» Николя Дмитриенко:

– Колян, срочно посмотри 828!

Но Дмитриенко и так сидел прижав наушники руками к ушам, чтобы не пропустить ни единого слова из доклада. Спустя мгновение эфир снова ожила.

– «Навигатор», здесь SAM 66 021. Колонна танков уничтожена.

– SAM 66 021, здесь «Навигатор». Понял вас, возвращайтесь на базу.

Дмитриенко уже получил результаты пеленгования, которые практически сошлись с данными Антона. По карте колонну танков только что разбомбили на Ближнем Востоке, где-то между Ираком и Кувейтом. Так вот почему молчал эфир целых два часа! Такими длительными перерывами в радиообмене американцы обозначали начало очередной локальной войны. Ведь знали же, догадывались, черт побери, газеты читали о напряженной обстановке в Персидском заливе, ловили в эфире переговоры о переброске ударных группировок истребителей на Ближний Восток, а все равно – как обухом по голове.

На пульте управления поста замигала красная кнопка связи с командным пунктом. На связь вышел сам майор Могила.

– Гризов, что у тебя там в эфире творится?

– Война, товарищ майор, – доложил Антон, – Американские самолеты бомбят цели на территории Кувейта и Ирака.

– Мать вашу, сколько раз в Москву докладывал, все равно ни хрена не разюхали! – очистил душу Могила и отключился,бросив напоследок, – Брать все подряд.

Антон снова прислушался к эфиру. Краем глаза он оглядел зал радиоперехвата. За постами никто не спал. Не было и намека на следы бессонной ночи среди напряженно-внимательных выражений лиц операторов. Все мгновенно проснулись и включились в работу. Все земное и сиюминутное отошло на задний план, уступив место реальной жизни. Пусть не здесь, а где-то там на востоке, но началась реальная война в реальном времени. Спустя минуту напряженного молчания эфир взорвался чередой докладов. Самолеты выстраивались в очередь для того, чтобы запросить разрешение на атаку и сообщить о ее результатах.

– «Навигатор 2», здесь SAM 51 506!

– «Навигатор 1», здесь SAM 51 502!

– «Навигатор 6», здесь SAM 50 091!

– «Навигатор», здесь SAM 50 133!

– «Навигатор 9», здесь SAM 51 505!

В эфире послышались голоса операторов авиабаз и командных пунктов BBC США.

– SAM 50 091, здесь «Навигатор 6».

– «Навигатор 6», выхожу на исходную для удара по объекту. Цель – РЛС противника в квадрате 16.11 «Зоны». Разрешите атаку?

– SAM 50 091, атаку разрешаю.

– SAM 51 502, здесь «Навигатор 1».

– «Навигатор 1», здесь SAM 51 502! Обнаружил командный пункт управления ПВО. Разрешите атаку?

– SAM 51 502, атаку разрешаю.

– SAM 51 506 здесь, «Навигатор 2»!

– «Навигатор 2», здесь SAM 51 506. В квадрате 16.36 движется колонна бензовозов под охраной бронетехники. Разрешите атаку?

– SAM 51 506, разрешение дано.

– Вызываю «Навигатор», здесь SAM 50 133!

– SAM 50 133, здесь «Навигатор».

– Приближаюсь к цели номер 26 – нефтяная вышка – в квадрате 16.01. Летящих целей противника не наблюдаю. ПВО ведет слабый огонь. Разрешите заход на цель?

– SAM 50 133, здесь «Навигатор». Вам предписывается атаковать цель до полного уничтожения.

Антон мысленно представил, что сейчас произойдет на выжженной солнцем земле Кувейта. F15 Eagle саданет парой ракет по нефтяной вышке, захваченной верноподданными Хусейна, и в небо взметнется столб горящей нефти. Да..., за что боролись, на то и.... «ПВО ведет слабый огонь»... Хм, видимо для и для стратега Саддама этот вероломный налет американских BBC стал приятной неожиданностью. И вдруг Антону неудержимо захотелось самому посмотреть на все происходящее, а то и поучаствовать в событиях. Он инстинктивно закрыл глаза и положил руки на пульт. Перед внутренним взором открылась огромная и безжизненная пустыня маленькой нефтяной страны. Он смотрел на все откуда-то сверху, с высоты птичьего полета. Солнце медленно начинало свое восхождение на небосвод. Первые его лучи уже начинали беспокоить чахлые формы жизни, копошащиеся среди дюн. Особо юркие ящерицы, соскользнув с разбросанных там и сям красных камней, спешили укрыться от надвигающейся беспощадной жары, закапываясь на полметра в песок, яростно работая при этом лапами и хвостом. «Как они только там не запекаются в какое-нибудь «филе Игуаны» или «Задние лапы Варана», температура в состоянии быстро довести блюдо до полной готовности». – подумал Антон.

Слева, из бархана, торчала довольно высокая металлическая конструкция, снабженная какой-то покачивающейся, словно маятник внушительных размеров, деталью. Рядом стояло еще несколько аналогичных конструкций, вокруг которых сутились люди в черных комбинезонах. Немного в стороне Антон узрел четыре зенитных ствола, уткнувшись в небо. Еще поодаль, за молом из мешков с песком, пряталась небольшая ракетная установка российской системы «Оса», предназначенная как раз для прямого боя с самолетами и вертолетами противника. Рядом вертелась антенна локатора. Неожиданно вокруг зенитки и ракетной установки началась необыкновенная суэта. Солдаты забегали, сдергивая чехлы со стволов и ракет, выводя свои боевые орудия на исходную.

«Ага, догадался Антон, засекли американца». И приготовился наблюдать за готовой разыграться заварушкой. Развязка не заставила себя долго ждать. Над барханами разнесся характерный шум реактивных двигателей и из редких облачков вынырнул F15, коршуном бросившийся на добычу. Эффекта неожиданности не было, однако бравые иракцы не успели полностью подготовится к отражению налета. «Прямо как мы, – подумал Антон, – знаем, но ни хрена не делаем». Первая же американская ракета угодила в цель. Раздался страшный взрыв и в небо взметнулся фонтан горящей нефти. Выпущенная в ответ пара зенитных очередей не дала никакого эффекта. «А зенитка-то, похоже, тоже нашенская» – отметил Антон.

F15, пристрелявшись с первого раза, заходил на второй круг. Он знал, что его ждали, но, видимо, не боялся. Палить начали, как только истребитель показался над высокой линией горизонта. Четырехствольная зенитка яростно выплевывала навстречу самолету лавину крупнокалиберных пуль, напоминавших скорее небольшие снаряды. F15, ловко уворачиваясь, приближался. Сверкнув молниеносными вспышками, «Оса» выпустила две ракеты класса «земля-воздух» по американцу. «Ну все, – подумал Антон, – хана Топгановцу». Однако, F15 довольно красиво сделал пируэт и ушел от неминуемой смерти. Ракеты попали в небо. Антон даже огорчился такому провалу русского оружия. Между тем, истребитель в свою очередь дал результативный залп двумя ракетами. Взметнулся еще один столб горящей нефти. Зенитку разнесло в клочья. F15 пошел на третий круг. «Ну да, – вспомнил Антон, – до победного».

Он не питал любви к иракским захватчикам, но ему вдруг ужасно захотелось наказать до нельзя самоуверенного американского пилота. Показать этому зажравшемуся асу, что дело не столько в самом оружии, сколько в том, кто им управляет. Антон никогда раньше не ощущал подобного, но вдруг, повинуясь первому желанию, вся его энергия собралась в сгусток необыкновенной плотности, и, вспыхнув яркой звездой, в белом небе Кувейта появился пятнистый МиГ-29. Судя по номеру на крыле – истребитель принадлежал ВВС Ирака. Палец американского пилота F15 уже нажал на кнопку, сравняв с землей, точнее с песком, так и не сумевшую поразить его ракетную установку «Оса», а заодно запалив оставшиеся нефтяные скважины. Антон тот час услышал в эфире:

- Вызываю «Навигатор», здесь SAM 50 133.
- SAM 50 133 здесь «Навигатор». Слыши хорошо.
- Задание выполнено успешно. Цель полностью уничтожена.
- SAM 50 133 возвращайтесь на базу. Поздравляю с почином.
- О'Кей! Это было не сложно. Иракцы ленивы как мухи. Стрелять от жары разучились.
- Ха-Ха. До связи SAM 50 133!

Не успел F15 удалиться от очага горящей нефти на пару миль, как его пилот принял новый радиовызов.

- Аллё, SAM, как тебя там – 50 130 что ли, прием!
- SAM 50 133 слушает, – удивленно ответил пилот.
- А ну тормозни-ка свой ероплан, поговорить надо.
- Назовите свой позывной. – запросил пилот F15.
- Ишь-ты какой буквоед попался! – не выдержал Антон, – Ну, ладно, назову: «Антонио 22 507», устроит?
- Позывной неизвестен.

– Еще бы, я его только сейчас придумал. Слушай, умная голова, ты тут себя королем чувствуешь, расстреляв парочку беззащитных бедуинов. Они, конечно, как следует с оружием обращаться не умеют, это ты правильно подметил. Но не думай, что у тебя поэтому сплошной «Лаки страйлк» начнется. Повернись-ка ко мне передом, а к авианосцам задом, и готовься к бою!

До американского пилота кое-что начало медленно доходить. Он взглянул на радар (Антон специально сделал себя видимым материальным предметом) и обнаружил там догоняющий его самолет. Неизвестный истребитель не имел специального радиомаяка, а потому мог принадлежать только противнику.

– А-а, – радостно завопил в эфир пилот F15, предвкушая легкую победу – в небе появилась первая иракская свинья!

– Ну, не совсем иракская, – философски заметил Антон, – Но для тебя это не имеет ровным счетом никакого значения. Так что, опустим вопрос моей национальности и поднимем заборло, товарищ из Топ-Гана.

Сделав крутой разворот, F15 уже несся навстречу. «Бравые вы все-таки парни, – подумал Антон, – Хотя и нахалы. Жаль будет убивать». С этим он выпустил две ракеты класса «воздух-воздух» в строптивого американца. Направленными волей Антона взрывами F15 снесло оба крыла. Сработала катапульта, и через несколько секунд в небе раскрылся ярко-красный купол парашюта, предназначенного для посадки на воду. Увидев, как нелепо выглядит сейчас пилот некогда грозного F15, болтаясь на ветру, Антон несколько успокоился и вышел на связь с КП вертолетной поддержки операции «Буря в пустыне» ВВС США.

– Срочно вызываю центр «Хелкс», здесь SAM 50 133!

Откликнулись мгновенно.

– SAM 50 133 здесь КП «Хелкс», слышу хорошо!

– Меня подбил какой-то сумасшедший бедуин! Падаю приблизительно в квадрате 16.02.

Самолет полностью выведен из строя, придется катапультироваться.

– Понял, SAM 50 133. Высылаем две вертушки огневой поддержки. Найдем и вывезем.

– Жду вас ребята. Летите скорее!

Антон пронаблюдал за тем как подбитый F15 развалился в воздухе на горящие куски, как его пилот благополучно шлепнулся среди барханов и, перепоручив его дальнейшую судьбу собратьям по оружию, вернулся усилием воли в тело младшего сержанта Гризова. Все-таки иметь несколько тел было удобно. Все время, пока иракский МиГ-29 охотился за коварным F15, младший сержант Гризов добросовестно слушал его переговоры в эфире, и записывал их на магнитофон. Только вот неизвестный в мировом радиообмене позывной «Антонио 22 507» с пленки неуловимо и бесследно улетучился. Дмитриенко, слушавший параллельные частоты, эту часть переговоров пропустил. Не успел Антон собрать все свои астральные тела воедино, как тревожно замигала красная лампочка на кнопке связи с КП. На другом конце обозначился сиплый голос майора Могилы.

– Гризов, что там на войне?

– На войне, товарищ майор, как на войне. – нагло заявил Антон, но тут же спохватился, вернувшись в реальность, – Постоянно поступают доклады пилотов об уничтожении наземных целей иракских вооруженных сил. За последний час самолетами ВВС США сожжено три колонны иракских танков, колонна бензовозов и бронетехники, поезд с ракетами, пять РЛС и три нефтяных вышки.

– Хорошо воюют, сволочи. У американцев потери есть?

Антон немного запнулся, но потом доложил.

– Есть товарищ майор. Сбит один F15 Eagle.

– Что ты несешь? Мне Москва информацию недавно давала – потерпеть нет.

– Может я конечно ошибаюсь, но своими ушами слышал, товарищ майор. Иракский МиГ-29 сбил американский F15 при возвращении с налета на нефтяную вышку.

– Да? – недоверчиво проговорил майор, – Ну ладно, через полчаса придет новая информация, проверим. Дмитриенко этот доклад слышал? Мне он что-то не доложил.

– Мне тоже. Наверно не слышал. Там сейчас самолетов в небе летает – тьма. Легко перепутать или пропустить.

– Ладно. Конец связи.

Огонек на пульте потух. Антон не снимая наушников закурил и продолжал вылавливать доклады американцев об успешных бомбардировках на территории Кувейта до тех пор, пока незаметно не пришла «смена». Дело было страсть какое интересное, но соваться вновь в обожженную пустыню защищать бедуинов Антону больше не хотелось. «Хватит, как говорил своим мушкетерам Людовик тринадцатый, на сегодня дуэлей – хватит!» Гризов даже с некоторым нежеланием покинул пост, передав его Сержу Домино. Каждую минуту в Кувейте про-

исходило что-то интересное с военной точки зрения. Там разворачивались события мирового значения, следить за которыми Антон мог, теперь конечно, в любое время и из любого места, но рефлекс необходимости сидеть за постом был еще очень силен. Гризов на пару с Малым уже выходили из зала, спеша на завтрак (война войной, астрал астралом, но пытаться святым духом Антон еще не научился), когда его окликнул Серж Домино, подзывая к динамику внутренней связи. На проводе был майор Могила.

– Гризов, пришла информация из Москвы. Был один сбитый F15, точно! Считай, заработал увольнение на сутки. Свободен.

Антон чуть не подпрыгнул от радости. Ура! Хотя, лучше бы отправили побыстрее на дембель.

– Ну, что тебе сказал наш Могильник? – поинтересовался Малой, когда они спускались по лестнице на первый этаж, где уже ждала вся остальная «смена».

– Наградил очередным увольнением за взятый истребитель.

– Лучше бы – увольнением в запас.

– Точно, а то из-за этой заварухи сиди за постом пока все не закончится. – сказал Антон вслух, а про себя подумал: «Надо будет помочь им разобраться друг с другом, а то они без меня они еще третью мировую развязнут».

Глава 6. Подарок для Саддама

После хилого армейского завтрака, который Антон называл «выстрелом в желудок», поскольку в него входили абсолютно несочетаемые продукты и в животе начинало болеть и бурлить, вся «смена» принялась дружно давить на массу. Первое возбуждение от начала военных действий слегка улеглось – усталость брала свое. А потому «смена» с радостью дрыхла до обеда, благо из-за войны с Ираком никто из офицеров не стал лишний раз доставать и напрягать солдат на предмет сверхурочного перетаскивания тяжестей, погрузочно-разгрузочных работ и строевой подготовки.

В этот раз Антону приснился родной дом. Он сидел в большой комнате и играл с сестрой в шахматы. Сестра уже начала безжалостно теснить его позиции по левому флангу, потихоньку подводя игру к неизбежному мату, но Антон вдруг выдумал комбинацию, и парой ловких ходов уничтожил слона и ладью противника, лишив атакующие силы их главной огневой мощи. Наступление явно захлебнулось. Началась неторопливая позиционная война, закончившаяся в итоге ничьей. На радостях Антон проснулся раньше всех, вспомнив, что в реальной жизни ничья в игре с сестрой была достаточно редким делом. Чаще всего выходили либо победы, либо поражения.

Антон сел на койке, прорвал глаза и посмотрел на наручные часы. Стрелки показывали без десяти час, а на «смену» надо было идти к двум. Можно было подрыхнуть ещё минут тридцать-сорок, но спать уже не хотелось. Спал Антон качественно, а потому, соответственно, выспался. Как говорил большой любитель профессионально подавить подушку Поль Брегг – лучше дрыхнуть три часа хорошо, чем десять плохо.

Из коридора доносились звуки работающего телевизора. Видимо дневальный решил посмотреть телек в свое удовольствие, пока не было конкуренции со стороны бойцов невидимого воздушного фронта. «Сейчас же новости будут, – вдруг дошло до Антона, – может чего про Ирак покажут». Он вскочил, натянул армейские галифе, которым мог позавидовать сам незабвенный Василий Иванович Чапаев, влез в тапочки и пошлепал в коридор, на ходу одевая китель.

По телевизору, стоявшему в самом конце длинного коридора, где в плохую погоду строили роту, уже шла заставка «Вестей»: резвые синюшные лошади неслись куда-то, обгоняя друг друга. Антон пододвинул один из стоявших стульев и сел, доставая пачку сигарет из нагрудного кармана кителя. Сидевший рядом дневальный Петруха Околышев, родом из забайкальских степей, стрельнул у Антона сигарету. Они на пару задымили «Стюардессой» и уставились в ящик.

Всегда элегантная Татьяна Сорокина, которую Антон уважал за то, что она была родом из Питера, возвестила миру о вероломном нападении Ирака на бедное и беззащитное государство Кувейт, которое тут же бросилось защищать совсем не бедное и совсем не беззащитное большое государство США. С Америкой всем все было ясно: львиную долю своих доходов она выкачивала из нефтяных скважин бедного и беззащитного Кувейта и просто так отдавать наглому Иракскому диктатору Саддаму Хусейну столь лакомый кусок Ближнего Востока США не собирались. Защита мира во всем мире была тут ни при чем. В качестве подтверждения серьезности своих намерений Америка выдвинула в персидский залив восемь своих мощнейших авианосцев с морской авиацией на борту, обложив Хусейна со всех сторон. Помимо ВМС, оккупировавших морские подступы к Ираку, на территории Саудовской Аравии моментально развернулись походные военные базы США с бронетехникой, ракетными комплексами Patriot и даже мини-аэродромами подскока. В Египте и Турции, кроме того, находились постоянные авиабазы, на которых дислоцировались тактические истребители F111 и штурмовики SR71, не считая основной ударной силы – мощных истребителей F15. В общем, Хусейн был обло-

жен как медведь в берлоге, но именно поэтому стал вдвое опаснее. Несмотря на увиденное своими глазами раздолбайство в войсках Иракского диктатора, Антон знал, что у Хусейна хватает советских ракет СКАД, самолетов и танков, а значит этот сумасшедший в критической ситуации способен начать пулять ракетами направо и налево, что не несло окружающим его арабским, еврейским и даже мусульманским странам ничего хорошего. Кроме того, первый прилив эйфории от легкой победы над Кувейтом у Саддама прошел. После результативных ударов морской авиации США по скоплениям военной техники, электростанциям, нефтехимическим заводам и другим объектам, слегка успокоившись, диктатор приказал казнить всех офицеров ПВО, прозвавших налеты. Это несколько укрепило боевой дух иракской армии, которая начала оказывать более решительное сопротивление американцам. На этом информационное сообщение из района боевых действий в Персидском заливе закончилось. «Вести» перешли к московской жизни. Вообще, Антон заметил, что судя по центральным передачам новостей в России существовало только два населенных пункта – Москва и Петербург. Информация о жизни далеких и обширных окраин российской империи была представлена крайне куцыми и очень редкими сюжетами. Всё основное время выпуска перемалывались кости членов правительства и иже с ними. Ну и естественно – мафия, криминал, заказные и совершиенно случайные убийства, изнасилования, ограбления банков, террористические акты, угоны самолетов из Воркуты в Магадан, и прочие страшилки для народа.

Антон загасил сигарету и взглянул на часы. Подаренные каким-то французом еще во время налаживания международных контактов в период получения диплома переводчика иностранные ходики показывали час пятнадцать. Антон встал и, захватив из тумбочки зубную пасту со щеткой, направился в туалет чистить зубы, пока там не образовалась очередь к единственному умывальнику.

Спустя полчаса, пройдя усиленный инструктаж у самого Могилы на пятачке перед приемным центром, «смена» уже принимала дежурство. Поговорив пару минут с Сержем, Антон узнал о том, что два часа назад американцы начали новую штурмовую операцию под кодовым названием «Нестихающий гром» и уже успели наломать не мало дров. В ходе этой операции морские штурмовики, силами которых наносилось более 50% всех воздушных ударов по иракским воздушным объектам, имели либо конкретную цель, либо определенный географический квадрат, а не утюжили ракетами все, что попадалось на глаза. Каждый самолет в рамках операции «Нестихающий гром» имел свой отличительный позывной Jumbo и двухзначный индекс. Обычно такая кодировка была у стратегических бомбардировщиков, но на этот раз американское командование решило все переиграть. Просмотрев журнал поста, Антон насчитал сто двенадцать самолетов и присвистнул. Да..., вечерок предстоял жаркий.

С ходу подловив Jumbo 25 и 22, возвращавшиеся после удачного налета на нефтеперерабатывающий завод, находившийся где-то на окраине Багдада, Антон с удивлением услышал о прекращении первого этапа операции. Видимо, американцы предъявили хитrozадому диктатору ультиматум и ждали от него ответа. Для отечественных радиоразведчиков это означало относительно спокойные пару часов дежурства. Вскоре радиообмен действительно затих.

За прошедшие сутки Антон привык к усиленному и непрерывному боданию, а потому не выдержал вынужденного бездействия и стал прослушивать все частоты подряд. Даже те, на которых ничего особенно не говорило. Для увлеченного своим делом радиоразведчика найти новую рабочую частоту означало приблизительно то же, что для разведчика в пехоте во время Великой Отечественной Войны привести языка из глубокого немецкого тыла, получив за это орден. На награды от правительства Антон, конечно, не рассчитывал, но обещанный дембель – три года ждут, а ему хотелось ускорить события. Поэтому приходилось выслуживаться.

С новыми частотами Антону сегодня не повезло, зато на частоте разведки шла оживленная дискуссия между каким-то терпящим бедствие самолетом-разведчиком и всеми авиабазами вокруг Средиземного моря.

– Всем станциям!!! – орал пилот самолета, – Говорит «Тень принца Гамлета». Техническое состояние «Альфа четыре». Срочно нужна посадка на авиабазу. Топливо на исходе.

Запеленговав самолет, Антон определил его координаты. Разведчик летал севернее Италии над Средиземкой. Судя по нажатию, то бишь тембру исходящих из самолета звуков, опытный оператор издалека распознал бы в нем морского разведчика Р3-Orion, специализировавшегося на охоте за подводными лодками и кораблями противника. Антон по слухам знал, что от Р3-Orion не было житья нашему Северному флоту. Не успевала всплыть где-нибудь в Баренцевом море мирная отечественная атомная субмарина, с тем чтобы провентилировать помещения, как над ней стаями начинали кружить «Орионы», фотографируя в разных ракурсах, видимо на память. Этот экземпляр, правда, вызывал только сочувствие. За все время службы Антон постоянно слышал от американских пилотов стандартные доклады о техническом состоянии, обычно завершающиеся фразой «Альфа один». Это означало, что с самолетом все О'К. Если пилот выдавал в эфир «Альфа два» или «три», это говорило о мелких неполадках, позволявших выполнять задание. «Альфа четыре» Антон слышал впервые. Видимо у этого «Ориона» отваливался хвост, а крылья болтались как мокрое белье на ветру. Первой на призыв о помощи откликнулась испанская авиабаза НАТО «Саргассово море».

– «Тень принца Гамлета», вызывает «Саргассово море».

– Аллё, «Саргассово море», слышу хорошо. Срочно прошу посадку. Имею серьезные неполадки в системе управления и двигателях.

– Полетай минуту, сейчас проверю наличие свободных полос.

Спустя несколько минут диспетчер базы «Саргассово море» снова вышел в эфир и извивающимся тоном сообщил:

– «Тень принца Гамлета», у меня всё под завязку. Придется полетать ещё полчасика, пока кто-нибудь не стартует.

– Да ты что, с ума сошел? Я почти падаю! – орал пилот.

– Мест нет. – заявил диспетчер и отключился.

В ответ радиоволны донесли донесли многозначительный рык пилота самолета-разведчика. Выхода у него не было и приходилось либо долбиться до победного в эфир, либо просто падать в море. Спустя секунду он снова заголосил.

– Всем станциям!!! Говорит терпящий бедствие военный самолет НАТО. Позывной «Тень принца Гамлета». Срочно прошу посадку.

На этот раз откликнулись сердобольные радисты с английской авиабазы НАТО «Крамптон». Помимо обслуживания самолетов эта база была главным европейским военным метеоцентром.

– «Тень принца Гамлета», вызывает «Крамптон».

– «Крамптон», слышу вас хорошо.

– Могу передать сводку погоды на Нью-Йорк.

Это сообщение было последней каплей. Пилот «Ориона» взбесился и начал открытым текстом выдавать в эфир выражения, которым Антона заранее не обучали. Только природная тяга к иностранным языкам помогла ему кое-что разобрать. Наиболее безобидным выражением пилота было «на кой хрен мне твоя погода» и «засунь ее себе...». Смысл всех остальных фраз нестандартного радиообмена сводился к извращенным формам секса между пилотом самолета-разведчика и всем производными от авиабазы «Крамптон». Скорее всего, уши диспетчеров остальных авиабаз НАТО, вынужденно слушавших эту перепалку, покраснели и свернулись в трубочку. Антон также утомился и перестроился на другую волну, на которой переговаривались два «косяка», то бишь заправщика.

Радиообмен оказался не менее интересным, хотя и не столь эмоциональным. «Косяки» летали севернее Англии и только что закончили дозаправку четырех тактических истребителей F111. Отчитав доклад об успешной дозаправке тактики одному из диспетчеров того же

«Крамптона», они сменили частоту и решили немного поговорить за жизнь. Военные пилоты НАТО позволяли себе это не в пример чаще, чем их русские коллеги, от которых кроме стандартного текста докладов и стандартного мата ничего более интересного слышно не было.

– Эй Боб, – спросил пилот «косяка» с позывным Hacker 110, – ты знаешь, что к нам на базу пришла служить новая девочка-диспетчер?

– Нет, Джонни, – откликнулся Hacker 100, – я вчера был в увольнении, а сегодня сразу за штурвал, как пришел.

– Интересная штучка, я тебе доложу.

– Блондинка или брюнетка?

– Блондинка Боб, а фигурка у нее...

– А звать-то ее как? Небось уже познакомился.

– Ага. Звать Лесли. Только что из училища военных радиостанций. Еще совсем зеленая.

– Женщина, Джонни, зеленою никогда не бывает. Ну, если не считать детей, конечно. А дети меня не интересуют.

– Кстати, Боб, она сейчас на дежурстве. Не хочешь пообщаться? Работает как раз с заправщиками, поскольку с нами на первых порах спокойнее. Мы – парни не торопливые.

– Ну, это смотря в чем. На дежурстве, говоришь?

– Ага. Прямо сейчас, я уточнял перед вылетом.

– Ну, что-ж, поболтаем.

Пилот Hacker 100 снова перестроился на основную рабочую частоту и стал вызывать КП авиабазы «Крамптон» державшее связь с «Косяками».

– «Крамптон», «Крамптон», здесь Hacker 100!

Спустя некоторое время ему ответил приятный женский голосок, чуть-чуть застенчивый и испуганный, как показалось Антону.

– Hacker 100, вас слушает «Крамптон».

– Примите контрольный доклад о дозаправке тактики.

– Готовы, – ответила девушка, и в ее голосе снова послышались нотки боязни дилетанта.

– Альфа, браво, виски, тенгоу, джулиет, семь, три, девять, ромио, папа, лима, оскар, девять, четыре, семь, майк, один, три...

И пилот запустил длиннющий доклад, который диспетчер должен был в точности воспроизвести. После полного повтора доклада необходимо было запросить подтверждение точности приема у пилота и, если были ошибки, проделывать процедуру до победного конца. Девушка трудолюбиво повторила доклад из 200 пунктов и уточнила правильно ли всё приняла.

– Ошибки в двадцать восьмом, шестьдесят девятом, восемьдесят втором и сотом пунктах, – добродушно поправил пилот.

Лесли снова принялась перечитывать в эфир длиннущее сообщение. Проделав процедуру четыре раза Боб, наконец, смилиостивился и дал отбой. Перестроившись на другую частоту он вызвал Hacker 110.

– Ну, как? – поинтересовался Джонни, с нетерпением ожидавший результатов знакомства.

– Все О'К, – ответил Боб, – Девчонка и правда хороша. Когда приземлимся, надо будет пригласить ее в кино.

«Да, подумал Антон, развлекаются американцы». Поискав в эфире следы подраненного «Ориона» и не найдя таковых (видимо уже сел где-то), Антон пустил частоты по кругу и хотел было немного расслабиться с сигаретой в зубах, но эфир оказался на удивление заполненным всевозможной болтовней. На одной из частот ему попался НАТОвский транспорт, выполнявший рейс Москва-Потсдам. Неожиданно пилот транспортника запросил телефонный разговор с Москвой. Летел самолет уже над территорией Германии и через час должен был приземлиться в аэропорту земли колбасников и механиков. Когда запрос был удовлетворен, в эфире послы-

шались длинные гудки, а затем на московском конце невидимой телефонной линии взяли трубку и сказали «Аллё» женским голосом. Тот час с борта вражеского самолета загремела на весь эфир чиста русская речь.

– Аллё, Машенька, это я – Вася.

– Ты где? – поинтересовалась Машенька сонным голосом, – Уже в Берлине?

– Да нет. В Берлин завтра. Я тут на военном самолете лечу. Пилот свой мужик оказался, хотя и негр. Дал позвонить за счет Пентагона. Я ему тут наплел, мол вайф, говорю не успел перед отлетом предупредить. А он говорит: «Звони сколько хочешь. Вайф – это серьезно». Вот и звоню. Мы сейчас ихний BBC запросто на пару тонн баксов опустим.

– А чего звонить-то зря. Мы с дочкой спим уж давно. Только разбудил.

– Машенька, ну извини. Не сердись на меня. Чего тебе из Германии привезти? Хочешь новые сапоги?

– Хочу.

– А ещё чего?

– «Мерседес».

Вася причмокнул языком, словно сомневаясь в успехе предприятия.

– Маш, у меня суточных только на «Опель» хватит. Я ж в офис не заезжал за деньгами.

– А мне плевать. «Мерседес» хочу, белый.

– Да где-ж денег взять? – вопросил Вася, но тут его осенила счастливая идея, – А..., придумал. Придется толкнуть за полцены пару коробок гуманитарной помощи. Мы-ж тут голодающим перевозим еду и шмотки всякие на военных самолетах. Так что – не боись, будет тебе «Мерседес». Если с местным негром договоримся, как раз на обратный рейс и захватим.

Такого ущемления прав ни в чем не повинных голодающих Антон стерпеть не смог. «Прости меня, Господи.» – подумал он, и вышел в эфир.

– Walker 25 661, говорит КП «Дайверсити».

– «Дайверсити», здесь Walker 25 661. Слыши вас.

– Вам предписывается срочно изменить курс, и доставить гуманитарную помощь в Сомали. Дозаправка в квадрате 86.14. Расчетное время дозаправки 18.30 по Гринвичу. Как понял?

– КП «Дайверсити», вас понял. Меняю курс.

– Конец связи.

«Обломись, мужик» – подумал Антон, и сообщил на итальянскую авиабазу «Пицца Дог» о необходимости срочно выслать заправщик в квадрат 86.14. Затем он вернулся на свой пост и стал слушать частоты, на которых работала тактическая авиация США, бомбившая Хусейна. Судя по обрывкам радиосообщений, курсировавших по эфиру между штабами ВМФ, которые располагались на ударных авианосцах «Джордж Вашингтон» и «Эйзенхауэр», Саддам Хусейн послал американский ультиматум на три буквы. Буквы эти на всех языках мира пишутся по-разному, но обозначают примерно одно и то же. Обиженные американские военные немедленно возобновили операцию «Нестихающий гром». В воздух стартовали три десятка F15, и принялись охотиться за всем, что ещё двигалось по территории Кувейта. Местонахождение командного пункта вероломного диктатора пока не было рассекречено, что также злило американцев. Впрочем, бежать ему все равно было некуда. Между Хусейном и его близким другом Муамором Каддафи, добряком и покровителем террористов, стояли плотные заслоны из американских штыков. В ответ на возобновление бомбардировок захваченных объектов в Кувейте, Саддам приказал пальнуть по Израилю советской ракетой СКАД. Ракета не причинила особого вреда израильтянам, грохнувшись на пустующий арабский загородный дом, да так и не взорвавшись, но нагнала немало страха на первых порах. Людям выдали противогазы и пообещали сбивать все СКАДы из надежных американских противоракетных комплексов Patriot. Первые дни войны напуганные израильтяне проводили в подвалах своих домов,

мгновенно прячась при первых звуках воздушной тревоги. Однако, удивленные почти полным отсутствием разрушений, сначала особенно отчаянные, а затем и все остальные стали проводить больше времени на крышах домов, наблюдая как грозные СКАДы и хваленые Patriots мирно разлетаются в разные стороны, даже и не думая сбивать друг друга. На третий день ожидания на радость всем жителям Иерусалима ракеты наконец-то встретились в небе над городом, окрасив его гигантской и живописной вспышкой. Это событие было отмечено обильным пьяниством всех жителей, которых зрешище весьма развлекло. Теперь они пили за каждую встречу ракет в воздухе. Война, перестав пугать, стала развлекать. На четвертый день на улицах города появились патрули, штрафовавшие жителей на большие суммы за нахождение вне дома без противогаза. Законопослушные израильтяне безропотно отдавали свои шекели. На пятый день по радио прозвучало официальное заявление властей о том, что приказа штрафовать не было. Как выяснилось, идея штрафовать местных жителей принадлежала выходцам из России, быстрее других сообразивших как из войны можно извлечь пользу. Выходка русских привлекла усиленное внимание населения к противогазам. Население неожиданно выяснило, что фильтр противогаза действует в течение пяти лет, а дата изготовления обозначалась 1979 годом. Всем стало ясно, что противогазы уже не спасут. Оставалось одно – молиться и пить водку.

- «Навигатор 5», говорит Jumbo 33.
- Jumbo 33, здесь «Навигатор 5».
- Приближаюсь к аэродрому противника. Разрешите атаку.
- Атаку разрешаю. Для усиления вам не подмогу направляю Jumbo 36,41 и 42. Будут на месте через три минуты.
- Вас понял. Конец связи.

Пилот Jumbo 33 разглядел первые признаки шевеления на аэродроме и решил не дожидаться подмоги. Если самолеты противника успеют подняться в воздух – неизвестно кто выйдет победителем из схватки. На бетонной полосе военного аэродрома стояло десять истребителей МИГ-29 и шесть истребителей «Мираж». К двум МИГам уже подбегали пилоты, застегивая на ходу гермошлемы. Jumbo 33 ринулся в атаку словно ястреб. Из под его плоскостей сорвались две ракеты и, оставляя за собой огненный след, рванулись навстречу выруливавшим на взлет самолетам. После взрыва, трех истребителей МИГ-29 больше не существовало. Два ближайших искорежило до неузнаваемости. F15 сделал пирамиду, и зашел на второй круг. Справа от него, из облаков выскочили еще три F15 и принялись перепахивать вражеский аэродром ракетными залпами. Расстреляв в течение пяти минут весь боезапас, истребители улетели на запад, взяв курс на авианосец «Джордж Вашингтон». Под ними лежала выжженная земля.

Не в силах просто сидеть и слушать, не участвуя напрямую в столь динамично разворачивающихся событиях, Антон перешел в эфирное состояние и сквозь дожди северо-запада и обжигающие ветры востока проник в походный штаб ВМФ США на авианосце «Джордж Вашингтон», незримо присутствуя во всех его помещениях.

Адмирал шестого флота США Генри Карпентер и его помощник Вилли Бачински вели переговоры с правительством. Как оказалось, бункер Хусейна пронырливые американцы уже отыскали к востоку от Багдада, но обнаружилось неразрешимая проблема: в огромном арсенале великой и могучей заокеанской державы не нашлось оружия, которое могло бы пробить многослойную защиту подземного убежища диктатора. Поэтому Саддам мог чувствовать себя пока в относительной безопасности. Американцы как раз обсуждали возможные варианты решения неотложной проблемы. После трехчасовых переговоров было решено срочно изготовить супербомбу, в десять раз тяжелее самой огромной авиабомбы в арсенале ВВС США. Теоретики и практики из военного института в Иллинойсе срочно принялись за изготовле-

ние супербомбы. Времени было в обрез. Без этого оружия можно было уничтожить почти все наземные военные объекты противника на территории Кувейта и Ирака, но очень трудно будет принудить Саддама сдаться.

Антон заглянул на американский континент в секретную лабораторию, где уже вытачивался гигантский корпус супербомбы, на который собирались дополнительно навесить ещё что-то типа грузила. Выглядел корпус весьма внушительно, а в начинке для супербомбы недостатка у американцев не было. Значит, скоро следовало ожидать начала новой секретной операции под каким-нибудь душевным названием типа «Снег на голову» или «Подарок к рождеству». Выяснив намерения американцев, Антон перенесся через Атлантику и Средиземноморье, невесомым облачком образовавшись над тайным бункером зарывшегося под землю диктатора. С виду ничем примечательным бункер Саддама не выделялся. Бункер как бункер, в видимой его части немного смахивающий на завод по производству презервативов, вокруг которого почему-то выстроили две линии противовоздушной обороны и выкопали несколько ракетных шахт. Время от времени, на горизонте появлялись звеньями американские штурмовики и, выпустив издалека пару ракет по подданным Хусейна, убирались восвояси, двигаясь в облет огневых точек противника и не вступая в открытый бой. «Чтоб карась не дремал», – подумал Антон.

Иракские канониры в ответ поднимали ураганный огонь, однако так пока никого и не зацепили. Сбитый Антоном из чистого озорства F15 оставался единственной воздушной победой Хусейна. Судя по сообщениям мировых агентств новостей BBC Ирака были практически полностью уничтожены на земле, так и не вступив в поединок с американскими асами. «И зачем этим бедуинам понадобились наши самолеты, рассуждал Антон сам с собою, все равно ведь летать умеют не лучше, чем стрелять».

Закончив наружный осмотр, Антон вместе с музыкальной радиоволной «Би-Би-Си» просочился сквозь десять уровней обороны подземного бункера в радиоцентр, где иракские радиосты в перерывах между налетами слушали Duran Duran. Оттуда, обернувшись пряжкой на кожаном ремне генерала Хазиза, Антон направился в центральный пост управления ядерными ракетными установками, где сидел сам диктатор Саддам, в ожидании очередного совещания, положив ноги в тяжелых армейских башмаках прямо на пульт. В пяти сантиметрах от башмаков Саддама находилась какая-то красная кнопка.

Хусейн вызывал всех начальников штабов в центральный пост управления для доклада о положении на фронтах, сразу после которого по расписанию следовал обед. Генералы выстроились вдоль огромной настенной карты Ирака и Кувейта, где горящими лампочками были отмечены места дислокации войск иракской армии. На территории Кувейта все лампочки давно погасли, вместо них теперь красовались пробки от «Кока-Колы», символизировавшие продвижение американских наступательных частей. Официально Саддам Хусейн объявил «Кока-Колу» дьявольским напитком и запретил её употребление на территории Ирака, но втайне от своего народа этот напиток он очень любил и держал запасы на всех военных базах.

Пыхнув кубинской сигарой, Хусейн велел своим генералам доложить обстановку. Генералы затараторили, перебивая друг друга. За прошедшие сутки морская пехота Ирака, самые многочисленные войска в армии диктатора, попыталась наказать неверных, сделав рейд через пустыню с выходом в тыл противнику. Главной задачей операции «Неожиданный удар» было взятие на абордаж авианосца «Джордж Вашингтон». Блестящий план, разработанный лучшими аналитиками главного штаба, провалился из-за чистой случайности – командир отряда морской пехоты забыл дома компас. Отчего отряд заблудился в пустыне и погиб, искусанный обезумевшими от жары ящерицами.

Другой рейд по тылам противника был задуман через территории соседней Турции и Израиля. Однако, подданных великого диктатора через таможню не пропустили, поскольку у них не было визы на въезд, зато было много запрещенных для ввоза предметов: танки, пушки и

пулеметы. Говорят, кто-то даже хотел провезти МИГ-29 под видом подарка малолетним турецким родственникам. Его не впустили, так как в Турции летать на истребителях разрешается только с 18 лет, и то только в сопровождении взрослых.

Третий план генерального штаба заключался в крупномасштабном танковом наступлении и повторном неожиданном захвате Кувейта. План уже начали приводить в исполнение. Армада из пятисот иракских танков Т-80, лязгая гусеницами, двинулась по направлению к границе Кувейта, но на полдороги вынуждена была остановится. У всех танков неожиданно кончилось горючее, а ползти по пустыне надо было еще минимум сутки. Руководитель операции уже расстрелян, но топлива пока найти не удалось. Разрабатывается четвертый план наступления по воздуху с использованием трех оставшихся самолетов.

Услышав о провале всех планов своего генерального штаба, Хусейн в ярости вскочил с кресла и принялся стучать кулаком по пульту. Одна за другой, в небо стартовали ракеты.

– Идиоты, ишаки неумные!!! – орал Хусейн, – Расстрелять весь генеральный штаб к чертовой матери!

– Это невозможно, о великий диктатор, – пробормотал заплетающимся от страха языком генерал Хазиз, – они уже все сами застрелились.

Хусейн в исступлении молотил по пульту кулаками до тех пор пока не разбил их в кровь и не выдохся. Его кулак уже завис над последней большой и красной кнопкой. Однако, неожиданно гнев утих – Хусейн вспомнил, что пора обедать. Диктатор мгновенно успокоился и отправился в бар «Девятый уровень», оставил своих генералов наблюдать за происходящим на экранах мониторов.

Между тем, гнев сумасшедшего иракского диктатора наделал в эти минуты не мало шума в мировом сообществе. Узрев старт около полусятни баллистических ракет на экранах своих локаторов, американцы пришли в ужас – супербомба ещё только летела через Атлантику на огромном военном транспорте, а ракеты уже разлетались веером в разные стороны, ложась на заранее запрограммированные курсы. Конечными точками полета ракет значились: Вашингтон, Париж, Лондон, Мадрид, Берлин, пара десятков районных центров помельче, а также двадцать крупнейших заводов «Кока-Колы» по всему миру. Приведя свои силы ПВО в полную боевую, готовность американцы стали защищать главное национальное достояние, но смогли сбить только две ракеты, летевшие в Заир и Конго. Остальные продолжали свой смертоносный путь.

Будучи свидетелем событий, поставивших мир по угрозу, Антон не мог оставаться в стороне. Он задействовал американскую систему космической обороны «СОИ», о которой сами американцы вспыхах забыли, и та принялась сбивать ракеты Саддама из космоса. Удалось сбить сорок штук. Почти все остальные Антон силой собственной воли развернул в сторону таившихся в Африке лагерей террористов, разрешив все-таки паре ракет преспокойно долететь до полностью автоматических заводов «Кока-Колы». Честно говоря, Антон больше уважал «Русский Квас».

Благодаря его незримому вмешательству угроза крупномасштабного ракетного удара по столицам наиболее важных мировых государств миновала. Антон пронаблюдал за тем как была доставлена на один из секретных аэродромов в Саудовской Аравии супербомба. Как ее распаковали и прицепили к пузатому стальному брюху стратегического бомбардировщика B-52. Спустя всего два часа после ракетной атаки Саддама Хусейна Штаты решили нанести ответный удар по бункеру диктатора.

B-52, оснащенный супербомбой, поднялся в воздух и взял курс на Багдад. От возможных провокаций со стороны недобитых гвардейцев Хусейна его прикрывало целое звено F15. Операция носила кодовое название «Подарок для Саддама». Находясь одновременно здесь и там, на приемном центре, Антон знал, что Николя Дмитриенко вышел с Корелом покурить, а потому доклады о начале операции прозевал.

Б-52 с эскортом преодолели уже более половины пути до бункера Хусейна в окрестностях Багдада. По наведению с авианосцев, во избежание промаха, на который экипаж стратегического бомбардировщика не имел права, к бункеру были посланы ещё одна эскадрилья F15 и два аналогичных Б-52 с грузом обычных авиабомб. Этот отвлекающий маневр был предназначен для успокоения охраняющей бункер системы ПВО. На подлете эскадрилья F15 разделилась на два звена, которые провели массированный ракетный обстрел зенитных установок и ракетных комплексов ПВО, ненадолго заставивший их прекратить огонь. Этого времени хватило для того, чтобы два бомбардировщика Б-52 смогли достичь линии ПВО и начать сбрасывать вниз тонны своего смертоносного груза. Все пространство вокруг бункера покрылось гигантскими вспышками, на глазах менявших ландшафт местности. Опорожнив свои бомбоюки, Б-52 улетели, оставив за собой лишь дым и пепел, покореженные останки зенитных орудий и ракетных установок. Но это были только цветочки.

Следом за ними появилась вторая эскадрилья F15, прикрывающая Б-52 с супербомбой. Снизившись, истребители еще раз прошли позиции врагов ракетами, добивая оставшихся в живых иракских солдат и чудом уцелевшие зенитки. Только после этого в дело вступил главный самолет. Б-52 замедлил скорость и плавно поплыл над объектом. Бункер внизу полыхал, догорали все наземные защитные сооружения, но глубоко под землей еще прятался развязавший войну невредимый иракский диктатор. Прицелившись в самый центр сооружения, пилот Б-52 Майк Шортон без сожаления нажал кнопку. Открылся бомбоюк, и самая тяжелая в мире бомба полетела вниз. С каждой секундой расстояние между ней и крышей объекта сокращалось, но время как будто замедлило свой ход. Вот бомба врезалась в первый уровень бункера, прошив его, словно картонную коробку, но взрыва не последовало. Его не было еще несколько мучительно-долгих секунд. Время остановилось. Но вдруг земля начала пучиться, казалось что где-то глубоко внизу набухает огромный пузырь. И вот, прорывая оболочку из земли и песка, словно магма из жерла вулкана, в небо ударили фонтаны огня. Пройдя сквозь пять уровней, супербомба взорвалась, уничтожив семь из десяти уровней защиты бункера. Саддам чудом уцелел, но вести войну дальше уже на мог. Спустя час мир узнал о капитуляции иракского диктатора.

Антон узнал об этом гораздо раньше. Снова перейдя в единое состояние на ПЦ, он записал все доклады F15 и Б-52 по операции «Подарок для Саддама» (Дмитриенко успел зацепить только несколько докладов истребителей, но саму операцию не идентифицировал) и сообщил на КП. Могила сначала ушам своим не поверил. Москва безмолвствовала, не имея подтвержденных сведений, поэтому Могила оставил полученный доклад под сомнением. Однако через час сам включился на пост младшего сержанта Гризова и поздравил с еще одним внеочередным увольнением, туманно намекнув о представлении к очередному званию, а может быть и первому номеру в списке дембелей. «Может и правда на дембель сержантом уйду? – промелькнула мысль в голове у Антона, но не задержалась и улетела.

Вскоре пришла новая «смена». Узнав о слухах про окончание конфликта в Персидском заливе, многие не раз глубоко выдохнули – скоро опять настанет спокойная жизнь. А кто-то, чувствовавший себя в эфире как рыба в воде, слегка опечалился. Но не на долго. Когда долго воюешь – тоже надоедает. И кроме того, дом и гражданка были уже совсем рядом. Уже почти в двух шагах.

Вечером в клубе показывали очередной боевик с Ван Дамом. Антон и Малой задержались в столовой, а потому успели только к середине фильма. Ван Дамм, как всегда крутой как вареное яйцо, в голом виде убегал от каких-то солдат, время от времени отложиваясь в ванне со льдом. В конце концов он замочил другого крутого бойца по имени Дольф Лундгрен. В общем, «смена» слегка расслабилась после боевого дежурства. Потом, когда закончилась вечерняя поверка, решили отметить победу над Ираком в каптерке за бутылкой самогона. Уже по дороге в койку, проходя мимо телевизора Антон краем уха уловил знакомое название и

остановился. «Вести» сообщали о том, что недалеко от берегов Италии разбился американский самолет-разведчик. «Так и не дали сесть мужику». – подумал Антон, махнул рукой, добрался до своей койки и провалился в долгий и спокойный сон. На этот раз без сновидений.

Глава 7. Генералы играют в шахматы

В огромном, обитом тонированным деревом кабинете генерала внешней разведки Григория Ивановича Тарасенко висела тревожная тишина. Широкий, изрезанный морщинами от постоянных дум, лоб генерала покрылся испариной. Тарасенко затушил шестую по счету выкуренную папиросу и посмотрел в окно.

Над Москвой стоял теплый вечер бабьего лета. Купола соборов тлели предзакатным золотом. На центральных улицах столицы постепенно затихал шум машин. Гражданские люди, не знавшие забот, валом валили гулять к Москве-реке или разъезжали на дачи. В эту пору приятно еще было посидеть с удочкой вечернюю зорьку на речке или есть с друзьями на природе горячие шашлыки, запивая их кислым вином. Но не до развлечений было сейчас генералу. Резкий зуммер аппарата внутренней связи прервал его размышления. Тарасенко нажал кнопку на пульте.

– Говорите.

– Товарищ генерал, докладывает полковник Шампельмень. По вашему приказанию собраны все начальники штабов и спецгрупп.

– Понял, – сказал Тарасенко и тыльной стороной ладони отер пот со лба. – Сейчас буду.

В зале заседаний разведцентра собралось двадцать человек. Здесь были все: и полковник Швецов, ответственный за подготовку шпионов, и генерал Зверь-Зверюгов – начальник центра подготовки войск особого назначения, и руководитель группы штабов Войск радиоразведки подполковник Самоед. Помимо трех- и двухзвездных офицеров на совещание было приглашено много чинов помельче, возглавлявших спецгруппы по разным направлениям деятельности радиоразведки. В ожидании генерала офицеры сидели за огромным дубовым столом и курили, обмениваясь последними новостями. Много непонятного случилось за последнее время в епархии стражей невидимых рубежей и поговорить было о чем. Как только в дверях кабинета появился генерал Тарасенко, полковник Шампельмень подал команду:

– Встать! Смирно!

– Вольно, – вяло ответил Тарасенко. – Садитесь, товарищи.

Генерал уселся во главе стола и приказал:

– Докладывайте! Слева по одному.

Первым поднялся майор Мыловаров и подошел к огромной карте, висевшей слева от стола. Майор взял указку и начал:

– За последние месяцы по нашим данным в северо-западном регионе России наблюдаются аномальные явления.

– Майор, – прервал его Тарасенко, – ты что, за «тарелками» охотишься?

– Никак нет, товарищ генерал!

– Продолжай.

– Самолеты вероятного противника, которым в настоящее время полагается выполнять полеты по плану глобальных учений блока НАТО «Кругом туман», расписание учений не соблюдают абсолютно. Они летают куда угодно, только не туда, куда им надо. Например, позавчера на авиабазы США в Великобритании «Крамптон» взлетело десять транспортных самолетов с позывными «Хлопотун» и индексами от одного до десяти. «Хлопотуны» держали курс на Москву. В каждом находилось по десять тонн гуманитарной помощи. Так вот, ни один из них до места назначения не дешел. Достигнув воздушного пространства Германии, самолеты развернулись на 90 градусов и улетели в Сомали. Их радисты утверждают, что был получен приказ с «Шимодана» об изменении курса и доставке помощи голодающим в Африке. Я проверил по нашим каналам в Вашингтоне, «Шимодан» никакого сигнала не посыпал. Начальник этой авиабазы разжалован и уволен на пенсию.

- У вас все?
- Так точно.
- Следующий.

Из-за стола поднялся полковник Туман – начальник пятого штаба шестьдесят восьмого минус два радиоразведывательного корпуса. Полковник занял место Мыловарова у карты и забасил:

– Уже не в первый раз наблюдается активная дезинформация НАТОвских летчиков в эфире. Вчерашней ночью четыре бомбардировщика B-52 из состава 855-го тяжелого бомбардировочного крыла авиабазы «Сурмантай», прилетевшие в Европу для секретного испытания атомной бомбы, были введены в заблуждение неизвестным командным центром «Сур-Пур-Шур». Через час после старта звено получило приказ сбросить бомбу на новую российскую РЛС в районе Кольского полуострова. После этого приказа приборы у всех четырех самолетов отказали. Полет продолжался по наведению с командного центра. Сделав свое черное дело, самолеты вернулись на базу вылета. Каково же было удивление пилотов, когда они узнали, что час назад стерли с лица земли недавно построенную площадку для пуска баллистических ракет вместе со своей собственной авиабазой «Кулон» в пустыне Аравии. Кроме того, когда в четыре часа утра в Северном море всплыла американская атомная субмарина «Таран», с самолета ретранслятора ей был передан приказ: идти в квадрат 40.11 и присоединиться к маневрам восьмого флота ВМС США. Что она и сделала. В течение шести часов субмарина плавала совместно с бригадой кораблей Северного флота России, причем выполняла все приказы нашего командования. Когда капитан субмарины наконец узнал о том, с кем маневрирует, то немедленно застрелился, не имея сил вынести такой позор.

По лицам собравшихся в кабинете офицеров было видно, что им небезразличны судьбы ни в чем не повинных американских солдат. Офицеры до того разволновались, что стали выступать без очереди, да ещё не с той стороны. Подполковник Самоед не выдержал, вскочил со своего места и отобрал указку у полковника Тумана.

– Как сообщают наши люди в Вашингтоне из штабов авиационных и морских сил, привлеченных к проходящим учениям, в Соединенных Штатах никто ничего не понимает! – затараторил подполковник, – Десять сенаторов застрелились, ещё десять обещали сделать тоже самое, если в ближайшее время не выяснится источник дезинформации армии и флота. Американцы в ужасе, там поговаривают о нашем новом секретном энергетическом оружии.

Офицеры закончили выступать и, усевшись на свои места, с немым вопросом взирали на генерала Тарасенко. Генерал молчал, попыхивая папиросой. На душе у генерала было, мягко говоря, муторно. За последние несколько лет политическая обстановка в мире изменилась до неузнаваемости: вчерашние враги вдруг в одночасье стали лепшими корешами России и остатков великой и могучей империи, а тот факт, что снижать производство оружия они не собирались, как бы ускользал из поля зрения отечественных политиков. Маршрут одной из крупнейших программ BBC США Gaint Lance не менялся уже двадцать пять лет. В рамках этой операции американские стратегические бомбардировщики B-52 и B-1B с ядерными ракетами на борту регулярно курсировали вдоль наших северных границ, имея хорошую возможность при необходимости уничтожить любую цель в глубине российской территории на расстоянии до 800 километров. При такой дальности действия ракет им даже не надо было вторгаться в воздушное пространство России. Самолеты массированной радиоразведки системы «АВАКС» также регулярно барражировали вдоль всех наших границ, особенно их почему-то тянуло полететь вдоль юго-восточного участка, как раз напротив космодрома «Байконур».

Тарасенко снова затянулся папиросой и под гробовое молчание офицеров выпустил вверх облачко едкого дыма. Мысли снова потекли в прежнем направлении. Теперь было выгодно многое не замечать в деятельности бывших недругов. Генерал располагал неопровергимыми фактами, что новоявленные друзья не только не торопятся свертывать свои обо-

ронные и наступательные программы, но и наращивают их, не сильно сообразуясь с интересами налогоплательщиков. Конечно после перестройки и самоликвидации красной угрозы на востоке пыл американских политиков несколько поутих, а ассигнования на вооружение уменьшились. Однако, до полного разоружения США дело еще не дошло и в ближайшее время не дойдет. Америка начала все больше болеть имперскими замашками. За время великого противостояния янки накопили столь огромный арсенал, что он уже психологически давил на своих создателей. Как подмечено их же психологами, если под рукой есть оружие, его просто не терпится пустить в ход. И Америка все чаще начала вести «ограниченные войны», то есть стирать с лица земли неугодные ей правительства и режимы под предлогом защиты мира во всем мире. Оружие искало выход и находило его. Словно грибы после дождя в Европе начали расти военные базы США. В воздухе над Европой и Скандинавией уже чаще можно было встретить американские военные транспорты С-130 «Геркулес» и истребители F15, чем гражданские «Боинги» их же собственного производства. И тут вдруг на почти полностью потенциально захваченном американцами театре военных действий откуда ни возьмись появляется какая-то неведома зверушка с непонятными возможностями и начинает путать самоуверенным заокеанским воякам все карты. Самые современные BBC в Европе моментально разбил паралич. Они начинают напоминать больного, у которого голова плохо соображает, что делают руки и ноги. А что это за зверушка – никто толком ничего не знает – ни американцы, ни сам генерал... Да, тут было над чем поломать голову. А думал генерал лучше всего когда играл в шахматы со своим бывшим сокурсником по академии генерального штаба Егором Иванычем Строевым, ныне действующим генералом BBC России. Поэтому, затянувшись еще раз и затушив папиросу о стеклянную пепельницу в виде ладьи со стоявшими на носу витязями, по всей вероятности олицетворявшиими варягов на долгом пути в греки, Тарасенко наконец открыл рот и произнес:

– Перерыв до утра. Завтра в четырнадцать ноль ноль всем быть здесь. Свободны.

Черная «Волга», мягко проседая на ухабах (рессоры на ней стояли качественные, еще с Брежневских времен) уносила генерала Тарасенко на юг, в подмосковную деревню Войбокало, отстоявшую от златоглавой столицы на целых восемьдесят километров. Только там, на природе, среди обширного березняка, раскинувшегося на берегу малоизвестной речушки Клони, генерал мог расслабиться до такой степени, что пробуждал ото сна мыслительный процесс, напрочь пропавший у него в на территории Москвы. А в самом Кремле генерал чувствовал себя чуть ли не радиотелефоном в экранированном подвале, неспособным ничего принять, понять, и тем более выдать в эфир.

Там, в лесу, стояла генеральская дача со всеми удобствами. Точнее, дачей она только называлась для конспирации, а на самом деле представляла из себя трехэтажный каменный особняк с лифтом, подземным гаражом и крытой автостоянкой на десять машин. На крышу дачи мог запросто сесть военный вариант вертолета «Ми-8» со взводом десантников и полной боевой загрузкой. Свой личный западногерманский хеликоптер-малютку «Швейцер» Тарасенко всегда держал в боевой готовности – в свободное от военных переворотов время его можно было с успехом использовать для охоты на лосей. После шахмат, охота на крупных животных была второй страстью генерала. Кроме неброского антуража дача была оснащена десятком спутниковых тарелок, обеспечивающих генералу внешней разведки все необходимые виды связи, а также массой незаметных датчиков сигнализации, двойным кольцом опоясывающим уединенное место отдыха. Со стороны домик походил на пристанище самого обычного миллиардера из новых русских.

Где-то по соседней автостраде ехал сейчас в такой же черной «Волге» на встречу с однокашником генерал Строев, с радостью согласившийся на предложение друга сыграть партейку в шахматы за стаканчиком доброго вина. По жизни Строев почти как две капли воды напоминал своего однокашника. Он даже загородную резиденцию выстроил на манер дачи Тара-

сенко, очень уж проект понравился. Собственный вертолет генерал ВВС правда так и не завел, поскольку предпочитал скоростные истребители «Су-27». Но даже генералам не разрешалось летать над Москвой на собственном истребителе, а тем более оборудовать в непосредственной близи от столицы частный аэродром, на котором могла приземляться маневренная тактическая авиация. Кремлевские жители после 1991 года стали всерьез побаиваться возвращения эпохи дворцовых переворотов.

Подкатив спустя полчаса к высоким чугунным воротам, «Волга» Тарасенко остановилась и просигналила. С другой стороны к воротам никто не подошел, однако спустя несколько секунд они отворились автоматически, пропуская автомобиль на территорию усадьбы – встроенных датчиков и систем наблюдения хватало для того чтобы насквозь просветить автомобиль и доподлинно выяснить кто и что в нем находится, и не спрятано ли под сиденьем неучтенной атомной бомбы. «Волга» въехала за ворота и медленно покатила по сузившейся дороге между леса, подступавшего с обеих сторон. Вскоре лес кончился и открылось небольшое пространство, на котором и располагалась ощетинившаяся тарелками генеральская дача, утопавшая с трех сторон в березняке. Навстречу «Волге» от стены отделились двое охранников, невидимых с первого взгляда, и встали у порога с автоматами на перевес, словно эсэсовцы в подвалах рейхсканцелярии.

Тарасенко грузно вылез, природная лень и ненависть по отношению к физкультуре давали себя знать и, не обратив на «эсэсовцев» никакого внимания, направился прямехонько к невзрачной дверце, притулившейся сразу за углом особняка и напоминавшей скорее черный ход для прислуги. В действительности невзрачная дверь и являлась главным входом в дом, а парадное крыльце на поверку оказывалось полной мистификацией – сразу за огромными дубовыми створками находилась метровая кирпичная стена. Случись что, штурмовать начнут именно парадный вход, снаружи большой и широкий, потеряют кучу времени, а этого времени как раз хватит на то чтобы улетучиться в неизвестном направлении – места вокруг глухие. Конечно, и помимо хозяина могут найтись умники, обладавшие подробным планом домика с секретом, но и этот случай был предусмотрен. Домик постоянно находился в движении, в процессе внутренней перестройки помещений с целью улучшения интерьера, что твой кубик-рубика, и секретов в нем все прибавлялось. Генерал любил секреты.

Пройдя сквозь узкую дверь, Тарасенко попал в микроскопический предбанник, выражаясь более фигулярно – прихожую, и произнес вслух пароль, известный ему одному. Левая стена бесшумно отъехала в сторону, обнажая утопленную в стене дверь обычного лифта. Обычного только с виду – за тоненькой прослойкой обшивки под красное дерево скрывалась цельная броневая пластина, способная выдержать прямое попадание артиллерийского снаряда среднего калибра. Справа, в стене, находилась небольшая панель со стеклянным прямоугольником. Тарасенко приложил свой левый мизинец к стеклу и подождал несколько секунд, пока центральный компьютер охранной системы идентифицирует отпечаток. Вскоре на панели зажглась зеленая лампочка, и металлический голос откуда-то сверху произнес «Отпечаток идентифицирован, вход внутрь периметра разрешен». Тотчас двери бронированного лифта мягко разъехались в стороны, впуская генерала внутрь. Тарасенко вошел и нажал на кнопку третьего этажа, именно там находились его любимые апартаменты. Скоростной финский лифт так плавно вознес генерала на третий этаж, что тому показалось, будто он стоял на месте. Двадцать лет пользования советскими лифтами давали себя знать до сих пор. Тарасенко никак не мог привыкнуть, что импортный лифт не дребежжал и не громыхал как раздолбанная телега при езде по проселочному тракту. Выйдя из лифта, Тарасенко оказался в небольшом коридорчике, который упирался в неширокую дубовую дверь. У двери стоял очередной охранник, выражением лица и осанкой напоминавший остальных. На плече у «эсэсовца» висел автомат Калашникова. «Интересно, – подумал генерал, – чего это они у меня все под нацистов косят? Запретить что-ли?» «Он остановился и посмотрел на охранника. Под внимательным взглядом генерала тот

подтянулся по самое не могу, и обратился в соляной столб. «Ну теперь прямо кремлевский курсант или гвардеец датской королевы.» – подумал генерал, а вслух душевно сказал:

– Смирно!

Охранник, казалось, зазвенел позвоночником как натянутая струна и, словно хамелеон, стал почти одного цвета со стеной. Не забыл он и звонко щелкнуть каблуками. Тарасенко снова почувствовал себя как в Рейхсканцелярии у Гитлера. Отдавая дань выучке армии нацистов, Гитлера он все же не уважал, поскольку тот не внял известной на весь мир пословице про фраера, которого сгубила непомерная жадность. Мало ему, понимаешь, Европы, так он в Россию попер, где ему благополучно и закономерно обломали рога. А потому Тарасенко не очень нравилось, что молодежь прямо из кожи вон лезет, чтобы походить на бравых «эсэсовских» выкормышей, покупаясь на показуху. Он еще внимательнее посмотрел на охранника и спросил:

– А может тебя расстрелять к чертовой матери?

Охранник немного изменился в лице, но по чисто русской привычке предпочел промолчать. Ничего более не сказав, генерал открыл дверь, набрав на кодовом замке шифр (умный замок в процессе касания кнопок успел еще раз сверить отпечатки пальцев с поступившими минутой раньше показаниями центрального компьютера), и вошел в апартаменты. Внутри все представляло из себя отнюдь не спартанскую обстановку походной военной казармы. Помещение скорее напоминало шикарный номер отеля «Хилтон» в центре Вашингтона: шикарная мебель спокойных тонов, мягкие диваны, пара журнальных столиков с телефонами, минифонтант в виде Самсона, разрывающего пасть льву, встроенный в стену телевизор и пульт управления объектом под кодовым названием «дача». Сбросив с себя армейский китель, генерал облачился в спортивный костюм «Динамо» и войлочные тапочки, враз сделавшись похожим на штатного советского пенсионера. Вынув из встроенного в стену минибара бутылку обыкновенной «Столичной» (бар шифра не имел, зато имел двойное дно), Тарасенко устроился в мягким кресле недалеко от широкого окна с пуленепробиваемыми стеклами и набулькал себе рюмочку. Из того же бара на столик переместилась тарелка с солеными огурцами и сушеный хлеб – генерал был гурманом. Не успел генерал внешней разведки пропустить в спокойствии и уединении, словно японский монах-отшельник, вторую рюмку водки, как на пульте управления замигала красная лампочка и вспыхнул экран монитора. На экране появилось лицо начальника охраны нижнего яруса капитана Маковкина и лаконично доложило:

– Товарищ генерал, к вам генерал Строев.

Не удостоив Маковкина ответом, Тарасенко нажал на пульте ручного управления кнопку «шесть», что означало «пропустить», и тотчас должно было высветиться на пульте у начальника охраны. Спустя минуту умная дверь отворилась и в апартаменты вошел генерал Строев, едва не стукнувшись лбом о дверной косяк. Строев был седовлас, крепко сбит, высок ростом и широк в плечах. Генерал, в отличии любившего шевелить только мозгами от Тарасенко, старался поддерживать себя в форме, регулярно подкачиваясь в тренажерном зале и бегая трусцой.

– Здорово пенсионер! – поприветствовал он своего однокашника, опрокидывавшего в этот момент внутрь третью рюмку водки.

– Здорово летун! – в тон ему ответил Тарасенко, – Все качаешься как подсохший Шварценеггер?

Строев принял шутку друга как должное и, скинув китель, приземлился за столом. Схрумкав соленый огурец и отлакировав его стопкой «Столичной», генерал ВВС громко крякнул и окончательно пришел в прекрасное расположение духа. Вытерев усы, он, наконец, вопросил:

– Ну, рассказывай, Гриня, что у тебя там в епархии приключилось?

Гриня слазил в буфет, принес оттуда здоровенный шмат сала, палку копченой колбасы, двухлитровую бутыль кваса и шахматную доску. Расставив и разложив все принесенное на

столе, причем Строеву досталось играть белыми, а Тарасенко черными, генералы принялись уплетать за обе щеки чистокровное украинское сало, заедая его черствым хлебом. Немного насытившись и наливая четвертую рюмку себе и вторую товарищу, Тарасенко напомнил о главной цели встречи однокашников на берегу неспешной речушки Клони:

– Ты, Егор Иваныч, ходи. Белыми ведь играешь.

Строев без колебаний выдвинул пешку на Е4. Пешка Тарасенко в ответ заняла позицию по соседству. Генералы задумались. Первым нарушил молчание Тарасенко.

– Егор Иваныч, что у тебя слышно про американских супостатов в Европе? Озоруют, али как?

– Да где там, в последнее время не нарадуюсь. По донесениям разведки у них там сплошные проблемы – самолеты ломаются один за другим, летают куда ни попадя, провинившихся пилотов не знают куда отправлять: толи в психушку, толи на комиков обучаться – несут какуюто околосицу про небесного оборотня.

– Значит все-таки несут… – пробормотал Тарасенко и лихим кавалерийским наскоком, которому позавидовали бы одновременно Буденный и Алехин, поставил своим конем в сложное положение вражеского офицера. Офицер, не долго думая о чести мундира, почел за благо переместиться на более безопасное расстояние.

– Несут… – отозвался Егор Строев, – Еще как несут. Аж читать донесения стало интересно. Что ни рапорт – фантастическая повесть. Раньше то была одна скучота, а теперь не пойми что творится в поднебесных просторах.

С этими словами генерал ВВС в ответ на продолжавшееся наглое наступление конницы противника двинул ей на встречу свою ладью, преградив путь. Тарасенко даже опешил от такого решительного контрнаступления и, поразмыслив, вернул коня на ход назад.

– Ну, а ты, Егор Иваныч, сам-то что думаешь на эту тему?

Строев потянулся за початой бутылкой водки и, наполнив стопки, сказал:

– Да черт его разберет, Гриня. По всему выходит, что американцы в сильном беспокойстве пребывают. Вряд ли это какое-нибудь их же собственное секретное оружие вышло из под контроля. У нас тоже такого оружия, способного сбивать с панталыку целые эскадрильи без технического вмешательства, пока не водится. Вот и думай…

Строев выпил стопку и закусил хрустнувшим соленым огурчиком. После этого генерал решил развить контрнаступление и присовокупил к своим наступательным силам правофлангового офицера. Тарасенко одним махом опрокинул стопку «Столичной», зал ее салом, и отвел коня еще дальше вглубь собственных оборонительных позиций, как бы открывая свободный проход в тыл. У генерала уже начал созревать план захвата белых в клещи и частичного разгрома передовой группировки противника. Однако Строев тоже был не лыком шит и, несмотря на бродивший в голове хмель, соображал он еще исправно. Ухмыльнувшись, Егор Иваныч сдвинул пальцем никому не нужную пешку на одну клетку вперед, выжидая времени.

– Ты, я смотрю, Гриня, совсем друзей не уважаешь. Решил меня под орех разделать.

Помолчав немного, генерал добавил:

– Самое интересное, что эта штуковина, как ты ее не назови – оборотень или нет, абсолютно не трогает наших летчиков. Ни транспорты, ни военную авиацию. Создается такое ощущение, что она либо из коммунистов, либо из сочувствующих.

– Где ты, Егорыч, видел сочувствующих коммунистам оборотней, да еще эфирных? – переспросил Тарасенко и потихоньку двинул своего второго коня в обход левого фланга противника. Строев проследил мысль однокашника и неожиданно нанес удар по беззащитно стоявшему на правом краю доски офицеру. Офицер тихо отдал шахматному богу душу. Начало было положено. Тарасенко слегка поморщился, но про себя улыбнулся – бравый летун шел прямо в расставленные сети. Следующий ход черных был еще более непонятен: конь продолжил свой обходной маневр, не отвечая на удар противника.

– Видеть-то я его не видел, но печенкой чую, что этот загадочный феномен природы обитает где-то неподалеку и обретается во плоти. По всему создается ощущение, что оборотень, если это он, – хоть и нечистая, но дружественная сила.

Тарасенко продолжал двигать коня вперед.

– Хорошо бы отыскать эту силу, да и, чем черт не шутит, приручить для блага отечества, да еще кой-кого.

Строев внимательно следил за конем черных.

– Оно, конечно, хорошо бы. Да только где ее искать? Ты, Гриня, случайно в потусторонний мир своих штирилицев не засыпал? Не помешает для полноты ощущений.

– Я-то нет, – отозвался захмелевший генерал, – Не имею визы на ту сторону, разве что самому билет в один конец покупать. Но есть у меня человек на примете. Черный полковник. Вот тот явно с нечистью дружит.

– Так ты, Гриня, с ним бы посоветовался. Нынче такие времена, хотя мода на экстрасенсов-телепатов почти прошла, но в нашем деле это люди далеко не лишние. Сам знаешь, ради страны и дьяволу душу можно за гамбургер продать временно. ЦРУ уже давно взяло в оборот своих контактеров и лезет из кожи вон, чтобы использовать их в военных целях. А наши аномальные людишки чем хуже?

– Прав ты, Егорыч, не помешает с ним пообщаться, хоть и не люблю я его. Как в глаза ему заглянешь – веет оттуда могильным холодом, да и байки про него ходят самые пакостные.

– Не боись, Гриня, с вурдалаками общаться конечно мало приятного, но только кажется мне, что слишком ты стал на старости лет впечатлительный. Нынче с нашей техникой и без экстрасенсов можно из живого человека душу вынуть, а затем ее обратно положить. А полковник твой шарлатан, думаю, поскольку в привидения лично я не верю, но поговорить с ним стоит. Вдруг что дельное подскажет.

Тарасенко с удовольствием наблюдал как наступление Строева все больше увязает в ловко расставленных сетях. Фигуры одна за другой втягиваются в опасную зону. Он уже видел, где ошибся однокашник, полагая его за слабого противника сегодня, и просчитывал ситуацию на несколько ходов вперед. Водка уже была выпита. На столе возникла и приближалась к своему логическому концу новая литровая бутылка «Столичной», но хмель чудесным образом мгновеннонейтрализовался из-за титанической работы мысли. Партия постепенно завершилась. На двадцать пятом ходу Тарасенко захлопнул ловушку за ударной кучкой белых и стал методично, как опытный охотник, уничтожать цели одну за другой. Первым умерла кавалерия противника. Затем пал ферзь, захваченный врасплох. Следом настала очередь офицера. Силы белых таяли на глазах. Строев пытался мобилизовать все свои резервы, но контрнаступление черных, благодаря гениально задуманному обманному маневру, приняло необратимый характер. Постепенно затягивалась петля на шее короля из белоснежной слоновой кости. Король трепетал, предчувствуя скорую кончину. Строев пил водку и откровенно грустил. На тридцать четвертом ходу генерал BBC совсем расстроился и допустил роковую ошибку. В результате король оказался под ударом вражеского ферзя и вскоре был задушен подоспевшими офицерами. Бастион белых пал.

Строев налил себе очередную рюмку и подытожил:

– За упокой моего короля и «Да здравствует Анатолий Карпов»!

Затем он съел одиноко лежавший на тарелке соленый огурчик и добавил:

– А с экстрасенсом ты все же поговори.

Глава 8. Пропавшие бомбардировщики

Солнце медленно поднималось над окрестными горами. Оно уже окрасило макушки пиков слабым золотом, заставив засверкать загадочным сиянием укрывавшие их ледники, но глубоко в долине, где находилась палатка альпинистов, все еще было заполнено рыхлой мглой. Он лежал у самого выхода из палатки, закутавшись в спальный мешок и сквозь щель непрочно завязанного веревкой входного отверстия наблюдал за восходом солнца. Еще какой-то час, и группа, проснувшись и слегка перекусив, устремится на штурм пика Эрцог, возвышавшегося над всеми остальными вершинами в этом горном районе Кавказа. За спиной останутся несколько взятых вершин помельче, недельный переход и пятилетнее ожидание этого похода. Сегодняшний штурм вершины был для Антона все равно что взятие южного полюса для английского капитана Роберта Скотта, который готовился к походу двенадцать лет. Правда Антон все-таки надеялся вернуться из этого предприятия живым, а не замерзнуть в снегах как английский капитан.

Альпинисты нехотя просыпались, ворочаясь в своих спальниках. Антон вдруг вспомнил о далеком теплом доме и на секунду в сознание прокрался гадкий страх: «А вдруг?», но страх был тут же подавлен усилием воли. Посмотрев на часы, Антон уже собрался вылезать из спального мешка наружу, в холодное и яркое утро, поскольку времени оставалось в обрез, а дежурным по кухне сегодня был к сожалению именно он. Понежившись еще секунду и потянувшись от души, чтобы привести в чувство затекший за ночь позвоночник, Антон вдруг услышал как откуда-то издалека, словно с вершины Эрцога, до боли знакомый голос, фантастически прозвучавший в этой обители снегов и солнца: «Гризов, мать твою, где ты там шляешься?». Голос резко вырвал Антона из состояния сна и отрешенности, бросив в реальную жизнь. Видимо, сработал рефлекс, навечно вбитый отцами командирами в подсознание солдат – если тебе кричат «Смирно!», тело само собой вытягивается в струнку, подбородок взмывает ввысь, а каблуки сапог со звоном врезаются друг в друга. Такое не забудется никогда, даже после долгих и спокойных лет на гражданке, стоит кому-нибудь неожиданно рядом крикнуть «Смирно!» и мерзкий холодок, словно разряд тока, проскаивает по позвоночнику.

На пульте призыва мигала красная лампочка. Мигала, видимо, уже давно. Придя в себя, Антон, словно заправский мастер карата, точным ударом указательного пальца всадил кнопку в паз. Из динамика раздалось:

– Гризов, ё-пэ-рэ-сэ-тэ, ты что молчишь? На очке что-ли прописался?
– Никак нет, товарищ майор, – ответил Антон, – проверял работу подотчетной мне «смены».

– Ты эту байку вон Патрону расскажи, – сказал Могила, слегка оттаяв, поскольку на посту нашелся хоть один живой человек. Уже в течение пяти минут он периодически вызывал то «Большую дорогу», то «Рояль», то «Морзянку», но в этот предрассветный час вся советская армия честно дрыхла и ПЦ «Смордина» не был исключением. Однако, вспомнив о цели своего включения, Могила снова посупровел.

– Гризов, скажи-ка мне, родной, – проговорил майор елейным голоском, не предвещавшим ничего хорошего подчиненным, – а где сейчас находятся четверка «Гоблинов?».

Этот был вопрос дня, однако точного ответа Гризов на него не знал. Четыре американских стратегических бомбардировщика Б-52 с кодовыми позывными «Гоблин» уже почти четыре месяца назад прилетели в Англию для того чтобы принять участие в серии учений, завершившейся «Утром туманным», после которого должны были убраться восвояси. Однако, по неизвестным причинам, бомбардировщики всю осень проторчали на взлетной полосе авиабазы «Крамптон», не сделав не одного вылета, хотя и отмечались регулярно в эфире в процессе связи со своим КП в Штатах. Это загадочное поведение вражеских аэропланов вызвало

неподдельный интерес у разведчиков в Москве, и ПЦ «Смородина» было поручено неусыпно следить за телодвижениями бомбардировщиков в Англии. Между тем, четверга «Гоблинов» вела себя настолько мирно, что радиоразведчики центра, привыкшие к еженедельным сверхсекретным перелетам НАТОвских самолетов через океан, следили за находившимися под боком самолетами откровенно лениво. За четыре месяца сидения на земле американские бомбардировщики стали настолько неотъемлемой частью взлетной полосы авиабазы ВВС НАТО Крамптон. Что на них просто перестали обращать внимание. Сидят себе зачем-то, ну и пусть сидят, у нас своих дел хватает. И Антон не был исключением. Тем более, что из-за разыгравшейся между Ираком и Кувейтом заварушки он был очень занят, даже с учетом всех своих астральных тел. Некогда было наблюдать за никому не нужными кроме Москвы сиротливыми американскими бомбардировщиками. Однако, майор Могила периодически дрючил свой личный состав на предмет бдительности – неизвестно что задумали хозяева загадочных самолетов. Американцы народ практичный и просто так не стали бы гонять четыре бомбовоза в Европу, хотя бы из-за расхода горючего, которое оплачивали налогоплательщики. Что-то им здесь было надо. Только вот что? В Москве отрабатывалось много вариантов, и среди них даже самый простой – у одного или нескольких самолетов произошли поломки механизмов, и они вынуждены сидеть на земле до полной починки. Похожий случай уже имел место быть. Полгода назад командование ВВС США провело проверку серии только что выпущенных с завода новейших стратегических бомбардировщиков B-1B, которые должны были заменить устаревшие B-52, бороздившие воздушные просторы аж с пятидесятых годов двадцатого века. Проверка вызвала у командования ВВС состояние шока – у ста из почти двухсот новых бомбардировщиков нашлись дефекты фюзеляжа и двигателей. Вся партия была срочно возвращена назад на заводы и подвергнута доработке, а старый добрый B-52 продолжал летать, ломаясь очень редко и оставаясь по-прежнему грозным оружием. По другой версии командование ВВС играло в свою игру и помимо официальных учений со сподвижниками из НАТО проводило в Европе тайную деятельность. Цели и задачи этой деятельности были Москве пока не ясны, поэтому пристальное наблюдение за поведением в эфире четверки «Гоблинов» было не менее важным, чем визуальное наблюдение двух десятков агентов, засевших вокруг авиабазы Крамптон с фотоаппаратурой и всевозможными прослушивающими, просвечивающими и фиксирующими прибамбасами. Каждое утро в Московский военный информационный центр ВВС генерала Строева и разведцентр генерала Тарасенко стекались сообщения о состоянии дел в Великобритании. Тем не менее, этим утром выяснилось что подопечных бомбардировщиков на авиабазе нет. За ночь не было отмечено ни одного незапланированного вылета самолетов НАТО, вокруг базы все было тихо и спокойно, никакой суеты, эфир безмолвствовал, но наутро самолеты пропали. Растворились в воздухе, словно легкий дымок сигареты с ментолом, не оставив никакого следа. Это событие, после того как агентура полностью уверилась в пропаже бомбардировщиков, всколыхнуло все разведведомства в Москве. Генерал Тарасенко перенес запланированное совещание и принялся ставить на уши всю свою систему, силясь отыскать пропавшие самолеты. Генерал Строев тоже устроил разнос подопечным, поднял в воздух дополнительно два десятка самолетов радиолокационной разведки, постоянно требовал свежих данных со спутников слежения в надежде, что самолет не иголка и отыскать его даже в масштабе всей планеты в наше напичканное электроникой и тайными глазами и ушами время можно, но все было тщетно. Бомбардировщиков нигде не было. Такое ощущение, что они словно провалились сквозь землю. Именно этим происшествием и объяснялся неожиданный интерес Могилы к четырем американским «Гоблинам». Антон, понятное дело, мирно спал и ни сном ни духом о случившемся еще не ведал, но печенкой почувствовал, что дело не чисто. А раз не знаешь правильного ответа, приходится нагло врать – вдруг повезет. По-всякому, ничего другого не остается. Поэтому недолго думая Антон уверенно заявил:

– Четыре «Гоблина», товарищ майор, находятся на авиабазе Крамптон.

Из динамика послышался легкий смешок.

– Да? А ты сводку-то из Москвы успел прочитать, умник, или еще глаза ото сна не про-
драл?

Антон понял, что попал, но надо было держаться до последнего.

– Никак нет, товарищ майор, сводку еще не читал. Я как раз слушал частоты возможной
работы «Гоблинов».

– Ты, Гризов, ври, да не завирайся, – незлобливо протянул Могила, и вдруг рявкнул так,
что за соседним постом проснулся Малой – Чтобы за оставшиеся часы прочесать все небо от и
до, не дай бог вы мне их не найдете – на дембель с Родионовым последними отправлю. Через
десять минут зайду лично, если еще хоть одна харя спать будет, стгною в нарядах. Вопросы есть?

– Никак нет. – ответил Антон отключаясь, а про себя подумал, что и на самом деле слу-
чилось что-то неординарное, раз Могила орал как не дорезанный. Даже когда Ирак напал на
Кувейт и все это проспали он так не зливался. Кому на хрен нужны эти треклятые бомбовозы
и чем они таким здесь занимались?

Но делать было нечего и, выпив с Малым чайку и вытянув по сигаретке, Антон при-
нялся прочесывать отведенные ему сектора небесных просторов, где он иногда чувствовал себя
королем радиоволн, а иногда, в минуты астральных развлечений, и самой радиоволной. В этот
предрассветный в России час на далеком северо-американском континенте только наступала
длинная ночь. Добропорядочные американские фермеры и псевдоинтеллигенция уже давно
легли спать, а недобропорядочные жители, привыкшие по ночам разъезжать на размалеванных
и устрашающих мотоживотных по прозванию «Харлей-Дэвидсон», грабить банки, пить водку
«Смирнофф» и кататься на гребне волн, а также всякая прочая шушера, только начинали
трудовой день. Открывали свои двери казино, бордели иочные рестораны, мало чем отличав-
шиеся от борделей. На панели уже тусовались ночные бабочки, не давая проходу случайным
тихим американцам. По гигантской автостраде Мемфис-Колорадо гнал, что было сил, маньяк-
убийца Джон Киппер, по прозвищу «Заточка», час назад замочивший сенатора Билли Мак-
Доннела за принятие закона, запрещавшего курить на автобусных остановках. В Нью-Йорке,
вокруг здания «СИТИ-Банка», залегли три дюжины полицейских, держа на прицеле все входы
и выходы – там засел Иван Топорков со товарищи, знаменитый русский гангстер и деловой
человек, которому «СИТИ-банк» по неосторожности забыл выплатить дивиденды. Закрути-
лись рулетки в сотнях залитых огнями рекламы казино, где тысячи людей создавали и спус-
кали баснословные состояния за несколько часов. Миллионы долларов переходили из рук в
руки. НАСовские астрономы приникли к окулярам электронных телескопов и что было сил
таращились на звезды. Бороздили ночное небо самолеты богатых частных бизнесменов, мигая
огоньками. В общем, все шло своим чередом – закипала ночная жизнь. Именно в эти минуты
неизвестный пока миру скромный питерский хакер перекачивал деньги со счетов американ-
ского банка в свои карманы, но на это Антону было абсолютно наплевать. Он искал пропавшие
бомбардировщики.

Первым делом Антон перевоплотился в радиоволну и внедрил одно из своих астральных
тел в международную систему спутников связи NavStar. При этом атомные часы пятьдесят
четвертого спутника системы, дрейфовавшего в настоящий момент над Австралией, сбились
ровно на одну сотую миллисекунды. Данная погрешность практически никак не сказалась на
планах путешественников, сверявших свои земные ходики по суперточным сигналам со спут-
ника NavStar. Спортсмены автосостязаний «Кэмел-Трофи», переправлявшие свои потрапан-
ные джипы через бурную реку, этого не заметили. Огибавшая Индостан парусная яхта наслед-
ного принца островного государства Умбурук немного отклонилась от курса, но это только
пошло ему на пользу. Впоследствии, благодаря этой ошибке, наследный принц светлейший Зия
Ульармаюрг высадился в столице своего государства чуть-чуть позднее и столкнулся с прие-
хавшей туда на отдых совершенно неожиданно для себя топмоделью Евой Герциговой. Роман

его сиятельства и знаменитой славянской красавицы принес миру двух жизнерадостных карапузов непонятной породы, что впрочем не помешало пацанам, спустя двадцать лет, перерезать друг другу глотки в гражданской войне. Разве только Джон Донован, фермер из пригородов Мельбурна, находившийся на запланированном привале в процессе охоты на кенгуру, получил свое кофе на одну миллисекунду позже, но он этого тоже не заметил.

Внедрившись в систему NavStar, Антон слился с изучением спутников, охватывавших значительную часть планеты, и обнаружил более семисот шестидесяти летящих в различных направлениях объектов. Двести пятьдесят из них оказались малогабаритными самолетами-разведчиками США, а триста – отечественными летающими «штирлицами». Оставшиеся авиаилайнеры принадлежали гражданским авиакомпаниям British Airways, KLM, Lufthansa, Transaero и «Аэрофлот». Незначительная часть летающих объектов принадлежала частникам и на поверку оказалась состоящей из двухместных самолетиков. Один из них как раз только что пересек русско-польскую границу и, судя по курсу, направлялся в Москву. «Наверное какой-нибудь богатенький Буратино из новых русских или сынок партийного босса. – подумал Антон, но времени разглядывать авиетку совсем не было. Антон напрягал все свои астральные возможности, рыскал по эфиру используя все свои тела, проникал в передачи всех наземных радио- и телестанций, мгновенно воспринимал всю информацию, растворялся и вновь возникал во всех центрах коммутации глобальной компьютерной сети Internet, подключился к головному суперкомпьютеру Пентагона и главному компьютеру Белого Дома, оставил там новогоднее поздравление для президента США и его жены от русских радиоразведчиков (за это сообщение шеф компьютерной системы безопасности Белого Дома Гарри Хайтен был на следующее утро уволен в отставку), пронесся по телеграфным линиям связи с запада на восток США, вызвав шквал неоплаченных поздравительных телеграмм, затем нырнул в подводный телекоммуникационный туннель, соединявший восточный берег северной Америки и западный берег Великобритании (сбои в поставках компонентов и радиодеталей на подпольные заводы радиоэлектроники, пропажа переводимых в Европейские банки мафиозных денег), и вынырнул в Лондоне. Там Антон совершил небольшую экскурсию в Скотланд-Ярд, музей Шерлока Холмса, и более детальное ознакомление с секретными файлами разведки «Ми-5», содержащими информацию касательно взаимоотношений с BBC США в области секретных совместных проектов, но ничего интересного обнаружено не было. Из Лондона Антон отправил одно из своих астральных тел железнодорожным экспрессом в Париж. Пока поезд шел под Ла-Маншем тело внимательно изучало сидевшего напротив тощего субъекта, некоего Анри Бертюсона. Интересен был не столько сам субъект, сколько содержимое дискеты, находившейся во внутреннем кармане его клетчатого пиджака. Дискета была напичкана секретными кодами и позывными стратегической авиации Великобритании и США, причем частично эти коды были использованы в процессе ограниченной войны против Ирака и до безумия интересовали контрразведчиков этой недобитой страны-агрессора. Ясное дело, что в Париже Анри уже встречали. Через несколько секунд после астрального знакомства Антона с содержимым дискеты предателя-француза, некто неизвестный позвонил в парижское отделение местной разведки, а заодно и в Интерпол, и рассказал дежурному массу интересного. Надо было видеть неподдельное изумление в глазах француза, всю дорогу от Лондона до Парижа гордившегося блестящие проведенной операцией по покупке и перепродаже секретных данных, когда его мягко и настойчиво взяли под белы рученьки и сковали запястья браслетами отнюдь не из золота и драгоценностей, но зато не менее прочными.

В это же время другое астральное тело Антона путешествовало по космическим каналам связи с одного спутника на другой, внедряясь посторонними шумами в телефонные переговоры военных боссов. Какое-то время скользило по эфиру вместе с радиосигналом с космодрома на мысе Канаверал до самых наушников радиста космического челнока «Атлантиcs», бороздившего околоземные просторы. Заглянув на корабль, Антон увидел кучу летаю-

щих вверх и вниз ногами белых комбинезонов и успел удивиться тому, как нормальные американцы могут работать в таком состоянии. Краем глаза и седьмого чувства отметил на борту членока несколько приборов, имевших слишком уж узкое предназначение для обычных исследовательских. Приборы откровенно таращились на наши ракетные шахты в уссурийской тайге и за полярным кругом, параллельно просвечивая российскую земную поверхность на предмет наличия полезных ископаемых. Впоследствии наземные американские бизнесмены за свои кровные доллары брались освоить эти труднодоступные для русских места и построить там какой-нибудь спортивно-оздоровительно-концертный комплекс с баней и полем для гольфа, а находившиеся под ним ископаемые вывезти под видом радиоактивных отходов. Антон взял этот дружественный членок на заметку и снова устремился к земле, но на пути потока радиоволн повстречалась отечественная орбитальная станция «Мир» с тремя русскими и двумя французскими космонавтами на борту. Одним из заезжих космонавтов была женщина. Следует упомянуть, что русские находились в затяжном полете уже почти год, а потому, заглянув в один из узких отсеков орбитальной станции, предназначенный для приема французских гостей, Антон увидел там нечто такое, что никак не предполагал возможным в условиях невесомости. Впрочем, замученным воздержанием русским парням невесомость оказалась не помехой, а привыкшая к всевозможным экзерсисам француженка находила эти условия донельзя забавными. В перерыве между седьмым и восьмым заходами она даже успела признаться гостеприимным русским парням, что только ради этих ощущений и пошла учиться на астронавтов. Ей очень хотелось стать первой цивилизованной европейской женщиной, испытавшей оргазм в космосе. Вернувшись на землю, она собиралась написать об этом книгу и продать историю нескольким ведущим газетам за баснословные деньги. Русские космонавты ничего против оргазма в космосе не имели, но вот подвергать публичной огласке теплые взаимоотношения с посетителями орбитальной станции «Мир» – оплота отечественной космонавтики, никак не собирались. Это грозило международным скандалом стране и, как минимум, пожизненными лагерями всем российским участникам встречи, не говоря уже об исключении из партии. Поэтому они постарались употребить все свое обаяние, чтобы убедить француженку этого не делать. Но она упорно отказывалась. В результате, представительница насквозь извращенного капиталистического общества выдвинула жесткое условие: она будет молчать об этом тридцать лет и расскажет о случившемся только в мемуарах, но в ответ русские должны продержаться без перерыва еще три часа подряд. Космонавты переглянулись, но делать было нечего. Поэтому, слегка перекусив сублимированным супом и черносмородиновой пастой «Космос» из тюбика, они снова принялись за дело. Не став дожидаться завершения испытаний, он и так был уверен в своих соотечественниках, Антон переместился на одну из телебашен Нью-Йорка и прислушался к сообщениям программы новостей. Джон Киппер, по прозвищу «заточка», был арестован и препровожден в тюрьму. Ему предъявили обвинения в злостном курении в течении пяти лет на автобусных остановках и убийстве сенатора Билли МакДоннела. Русский мафиози Иван Топорков, засевший на верхних этажах «СИТИ-Банка» со своими корешами, сбил из снайперской винтовки уже третий вертолет полиции, но наотрез отказывался покидать здание пока ему не выплатят дивиденды за прошлый год. В качестве дополнительного требования Топорков выдвинул прием без экзаменов сразу на четвертый курс Гарварда его семнадцатилетнего сына Бобби Топоркова, который жаждал стать адвокатом. Власти Нью-Йорка предлагали Ивану десять миллионов долларов, но просили отменить требование о приеме сына в элитный университет – это противоречило законам самой свободной и равноправной страны в мире. В итоге, посоветовавшись с корешами, Иван Топорков пошел на мировую с властями Нью-Йорка, согласившись взять деньги, но заменив требование о приеме сына депортацией из страны в течение получаса собственной тещи Аграфены Мыльцевой. Новое требование он мотивировал заявлением «Она мне всю душу вымотала, падла!». Однако, депортировать тещу не удалось, поскольку, услышав по радио официальное заявление своего зятя, Аграфена Мыль-

цева явилась к месту противостояния с карабином в руке и, проникнув в небоскреб, собственоручно застрелила всех корешей Ивана, а его самого за шкирку вытащила и передала в руки полиции. Когда на выходе из здания ее окружили назойливые журналисты, Аграфена ответила:

– Совсем малец от рук отбился – безотцовщина. Пущай на страну за решеткой потрудится, авось поумнеет.

К этому времени русский хакер уже закончил перекачивать американские деньги на свои тайные российские счета. Самая защищенная банковская система в мире пока абсолютно не ведала о случившемся, а Антону было не до мелких пакостей соотечественников. Снова став эфирным духом он услышал слабый радиосигнал, исходивший от военного самолета, бороздившего небесные просторы в Северном море. Тотчас устремившись в означенный район, Антон расшифровал радиограмму и узнал, что самолет был американским разведчиком U-2, следившим за маневрами российского военно-морского флота в данном квадрате. Ничего особенно секретного доклад в себе не содержал, ну плавают себе крейсера и подлодки по учениям «Северная стрела», палят периодически по надводным и подводным мишеням. Иногда к учениям подключаются морские штурмовики с авианесущего крейсера «Александр Невский» и отрабатывают воздушную атаку на корабли противника. За всей этой катафасией следит добрый десяток НАТОвских самолетов из американских, английских, датских и норвежских воздушных частей, и фиксирует каждое передвижение русских кораблей. Русские прекрасно об этом знают и иногда даже переговариваются по радио с наблюдателями, если те слишком близко подлетают к зоне обстрела, мол поберегись, невзначай и зашибить можем, костей потом не соберешь. и НАТОвские летчики по окончание учений решили отблагодарить русских за столь утивое поведение и скинулись на контейнер клубничного мороженого. Уже даже договорились между собой перебросить его силами английского вертолетного крыла «Харувей» на эсминец «Стрекоза». Русские моряки с нетерпением ожидали окончания учений и готовили по этому случаю праздничный банкет с водкой и мороженым.

Все это было Антону понятным и не очень интересным. Нормальная армейская жизнь. Во флоте и авиации официально противостоящих держав творилось и не такое. Во время недавней заварухи между Ираком и Кувейтом наш доблестный флот выслал в персидский залив миноносцу «Верткий» с задачей следить за передвижениями авианосца «Эйзенхауэр», действовавшего как плавучий штаб ВМС США. Прибыв к месту назначения «Верткий» был радушно встречен и оказался в теплой кампании американских кораблей охранения. Несмотря на десятикратное превосходство в количестве никто не собирался мешать нашему миноносцу выполнять свою боевую задачу. Он преспокойно пристроился в кильватер и неотступно следовал за авианосцем «Эйзенхауэр» как тень. Пикантность ситуации заключалась в том, что сзади за нашим миноносцем шли два американских эсминца, еще два мягко прикрывали его с боков, а сверху над отечественным кораблем постоянно висело пять самолетов вероятного противника, не говоря уже о подводной лодке, находившейся снизу. При таком раскладе американцы были очень даже дружелюбными и более того – заботливыми. Когда «Эйзенхауэр» пришлось для пополнения запасов ненадолго зайти в один из портов Саудовской Аравии, выяснилось, что нашему миноносцу придется как неприкаянному болтаться в открытом море без дела, поскольку никаких дружественных военно-морских баз рядом не наблюдалось. Заботливые американцы попытались замолвить словечко перед арабским командованием, но гордые бедуины наотрез отказались впустить корабль русских, коих по-прежнему полагали коммунистами, в порт. Тогда командир миноносца «Верткий» получил радиограмму с авианосца: «Простоим в порту три дня. Затем выйдем в Средиземное море. Встречайте. Продолжим совместное плавание.» Командир «Верткого» чуть не ошелел от простоты поведения вероятного противника, которого постоянно надо подозревать в коварности, но, придя в себя, отправился на место встречи, где и появился спустя три обещанных дня авианосец «Эйзенхауэр». Расставались моряки двух держав чуть ли не лучшими друзьями, обмениваясь подарками и сувенирами.

Понятное дело, что случись когда снова увидеть друг друга в перекрестье артиллерийского дальномера, никто не будет вспоминать о подарках. Либо ты, либо тебя. Истина, простая до боли в затылке.

Как ни напрягался, а следов злосчастных бомбардировщиков Антон пока нигде не обнаружил и начинал понемногу нервничать – не в параллельные или потусторонние миры они переместились, в конце-то концов. Хотя он и был сейчас скорее не младшим сержантом радиоразведки, а вольной частицей эфира и всемирного космоса, не подчинявшийся никаким законам человеческой физики, но где-то в глубине распыленной по эфиру души он продолжал оставаться самым что ни на есть человеческим существом, которое не верит в привидения и потусторонние миры. Неожиданно Антон уловил новый сигнал, исходивший от самолета-разведчика U-2, а это было уже странно – после доклада такой самолет очень долго должен был молчать. Самолет запросил телефонный разговор с Нью-Йорком, а это было уже более чем странность – откровенное нарушение конспирации и режима радиомолчания самолета-разведчика. Коммутационному центру в Лондоне было, между тем, наплевать на все странности и спустя несколько секунд в протянувшемся через Атлантический океан от Северного моря до Нью-Йорка невидимом радиоканале зазвучали голоса. Сначала на континенте никто долго не брал трубку, но затем все-таки раздался сонный, но милый женский голос «Алло, кто это?». Было такое ощущение, что обладательница милого голоска совсем не ждала ночного звонка.

– Хеллоу, бэби, это я, твой Джимми!!! – радостно завопил в трубку пилот самолета-разведчика. Разбуженная бэби совсем не разделяла восторгов своего заокеанского собеседника – в США только наступила ночь, а день у нее выдался трудный и хотелось поспать. Пrijатель Джимми, как уточнил Антон, периодически терроризировал свою возлюбленную ночных звонками из самолета, нисколько не переживая по поводу разницы часовых поясов. Между тем, сердце заспанной бэби все же отчасти тянулось к бравому летуну, поэтому немного помолчав, она проворчала сонно-игриво:

– О, Джонни, как ты мне надоел, придурак...

– Угадай, где я сейчас, моя малышка?

– Сидишь где-нибудь в баре и тянешь дешевое пиво.

– Черта с два. Моя усталая задница прочно впечаталась в кресло самолета, а руки не могут оторваться от штурвала. Летаю по специальному разведзаданию в Северном море. Шпионю за русскими кораблями.

– Ну и дурак. Говорила я тебе, что лучше бы ты шел работать в МакДональдс. Торчал бы тогда в городе, вместо того чтобы шататься неизвестно где.

– Но бэби, я же романтик. Мне надо быть все вре...

В этот момент в радиоканале возник неясный гул и жужжание. Вскоре все стихло и послышался удивленный голос пилота.

– Эй, малышка, ты меня слышишь?

– Слышу, слышу. Что там с твоей дурацкой радиацией, она что простыла?

– Нет, беби, просто под моим крылом только что пронеслась ракета. Я тут с тобой заболтался и случайно влетел в зону учебных стрельб русских, которые наверно приняли меня за летучую мишень.

– С тобой все в порядке, Джонни? – голос подружки пилота был слегка испуган, – Ты меня не разыгрываешь?

– Делать мне больше нечего! – огрызнулся Джонни, и вдруг в эфире снова послышался отдаленный хлопок и потрескивание, – Ух ты, мать-твою! Беби, прости, мне пора сматываться отсюда, иначе эти русские разнесут меня на куски. Ах ты...! Ух ты...! ЧАО, беби, чАО! Я тебе перезвоню... может быть.

– Джонни!!! – раздалось в эфире, но телефонный разговор оборвался. Антон проследил за самолетом и увидел, что тот и в самом деле находится в полосе разрывов. Следующей

ракетой U-2 разнесло хвост, и летчик еле успел катапультироваться. Следить далее за судьбой самоуверенного американца не было никакого смысла, тем более что пора было возвращаться в свое основное тело – майор Могила уже спускался по лестнице. Когда майор неожиданно, как он думал, появился в зале радиоперехвата, Антон уже полностью воплотился в теле младшего сержанта Гризова и готовился получить разнос за утерянные стратегические бомбардировщики, следов которых он так и не обнаружил.

Глава 9. О пользе алкоголя на боевом дежурстве

Вернувшись на базу, Рассел Кремп неожиданно получил приказ срочно вылететь в Вашингтон для встречи с одним из помощников Грэгора Йорка, курирующим вторую фазу секретной операции «Карающий меч». Почему сам Йорк не дал ему инструкций, Расселу никто не объяснил, но он, как человек военный, привык подчиняться приказам и инструкциям начальства, а потому долго не ломал себе голову над этим обстоятельством. Надо – значит надо. В конце концов у Грэгора дел хватало, а одной, пусть даже не самой глупой головой Пентагона, все не объять.

Простишись с Джудит еще в Анкоридже (Рассел посадил ее на авиалайнер компании United Airlines, державший курс в родной штат Колорадо), майор Кремп на специальном самолете пересек Канаду и вечером приземлился в Оттаве. Там, неожиданно получив от встретившего его офицера BBC дополнительные инструкции о смене маршрута, Кремп обычным пассажирским лайнером добрался до Балтимора вместо предполагавшегося Вашингтона. По дороге он немного все же поломал голову зачем начальству понадобилось выбирать столь сложный путь и на ходу изменять маршрут, но, видимо в этом был неведомый Расселу смысл. Не исключено, что об операции пронюхала разведка какой-нибудь из заинтересованных стран и за ним установлена слежка. Рассел даже попытался вычислить возможный «хвост» в салоне самолета, однако, пристально разглядывая пестроодетых пассажиров, быстро понял, насколько это бесполезное дело. Он все-таки кадровый офицер BBC, а не профессиональный шпион. «Хвостом» мог оказаться кто угодно: и эта милая девушка блондинка, улыбнувшаяся Расселу пару раз, и сидящий рядом неразговорчивый старикан, и студент-очкиник, якобы или на самом деле читавший какой-то научный журнал. Раскусить шпиона Рассел все равно не смог бы, поскольку был обучен сидеть за штурваломистребителя, а не гадать на кофейной гуще. Поэтому успокоив себя мыслью о том, что начальство сделало за него все возможное, чтобы избавится от слежки, он уставился в иллюминатор и стал любоваться проплывающими внизу облаками. В конце концов никакого «хвоста» могло и не быть вообще.

Спустя полтора часа майор BBC США Рассел Кремп сошел по трапу в аэропорту Вашингтона – города высокой политики и больших денег, и направился к припаркованному неподалеку от главного здания аэровокзала черному «Бьюику». За рулем, как и говорилось в инструкции, которую Рассел сжег по прочтении, никого не было. Достав ключ из кармана, Кремп открыл дверцу и сел за руль на мягкое кожаное сиденье. Рядом, на соседнем сиденье, лежал небольшой кейс. Набрав на замках заранее оговоренный с Грэгором код, майор Кремп открыл кейс. Внутри находился портативный терминал спутниковой связи. Рассел включил его, и на небольшом дисплее появилась карта Вашингтона с обозначением всех главных магистралей и даже небольших уочек. Набрав код доступа, а затем дополнительный восьмизначный пароль, Кремп наконец увидел тонкую красную светящуюся линию, протянувшуюся по карте от аэропорта к восточному предместью Вашингтона – туда, где должна была состояться встреча с помощником главного куратора программы «Мыслитель» и операции «Карающий меч». Красная линия упиралась в особняк на улице Кингсроуд под номером 97. Померщав с минуту, линия растворилась, а экран монитора погас. Но Расселу этого было уже достаточно: он запомнил адрес и дорогу, а пароль для личного контакта получил еще от Йорка. Нажав на педаль газа, майор вывел мощнотелый «Бьюик» на магистраль и не спеша поехал к месту встречи. Времени у него было хоть отбавляй – встреча была назначена через час с пятнадцать, а судя по карте, ехать ему надо было всего двадцать минут.

За окном замелькали ресторанчики и небольшие магазины районов средней дороживизны. Въехав в центр города, Рассел попал словно на Бразильский карнавал – так сильно полыхали огнями огромные рекламные вывески. Временами Расселу казалось, что он находится не

за рулем «Бьюика», а в кабине подбитого истребителя, который со всех сторон обят пламенем. В открытое окно врывались шумы большого города – причудливая смесь автомобильных гудков, гомона толпы и раздававшейся из придорожных ресторанов музыки: от джаза до рок-н-ролла. Проезжая мимо одного из таких ресторанчиков, майор Кремп услышал романтическую мелодию Эллы Фитцджеральд и ощутил прилив ностальгии, а вместе с ним и чувство голода. Взглянув на часы, Кремп выяснил, что у него есть еще четверть часа на то, чтобы пополнить запасы топлива в собственном желудке, и не колеблясь лихо припарковал автомобиль на стоянке по соседству. Ресторанчик находился в одном из престижных районов Вашингтона, как раз напротив конторы банка «Эксельсиор», был небольшим но уютным, и носил название «На кухне у Эллы», понимать которое можно было как угодно. Рассел вошел внутрь, где тут же был подвергнут непрятязательному внешнему осмотру швейцаром на предмет наличия галстука, без которого сюда не пускали. Майор Кремп любил галстуки и почти всегда их носил. Поэтому проблем не возникло. К счастью, кухня ресторана предоставляла широкий выбор блюд: от экзотических и жутко дорогих до обычной человеческой еды за умеренные деньги. Денег у Рассела было предостаточно, но он не хотел тратить уйму времени на выяснение того, что кроется за простым названием «Андалузская мечта» или «Цыпленок по-индийски». Черт его знает, о чем мечтают в Андалузии, и не представляет ли местный цыпленок из себя благородную тощую курицу, с которой только что сняли скальп. Заказав «специальное предложение» ресторана, состоявшее из жареной свинины в сухарях, картошки и овощей, а также пинту пива, майор Кремп устроился за столиком у окна, так чтобы иметь возможность заниматься любимым делом в такой ситуации – наблюдать за прохожими и уличной суетой. Внутренняя обстановка ресторана майора особенно не отвлекала: мягкие диваны, маленькие, преимущественно на двоих, столики, утопающая в зелени эстрада с белым роялем, приятная музыка – все то, что создает уютную атмосферу и дает возможность уйти в себя. Потягивая датское пиво, он уставился в широкое окно. По проспекту сновали машины. В этом районе попадались чаще других «Ролс-Ройсы», «Кадиллаки», огромные «Шевроле» и «Мерседесы». Рассел успел замечтаться о том, как по окончании операции он сводит Джудит в подобный ресторанчик и они мило проведут там вечерок, поэтому не обратил особого внимания на подъехавший к конторе банка «Эксельсиор» черный «Шевроле». Из автомобиля вышли пятеро похожих на клерков джентльменов в длинных плащах и не спеша направились к главному входу. Трое из них несли в руках кожаные кейсы, двое сумки. Рассел не успел допить пиво, а они уже скрылись за широкими дубовыми дверями. В этот момент ему подали «специальное предложение». О-О-О! Только очень голодный человек может испытать чувства, сходные с теми, которые испытал Рассел. Не став разглядывать оформление блюда, он впился зубами в огромный кусок жареной свинины и откусил добрую половину. Затем воздал должное овощам и запеченной картошке, и снова пиву. Он уже почти разделся со «специальным предложением», когда в привычный фон из меланхолической джазовой мелодии и легкого шума автомашин, то и дело долетавшего через входную дверь до посетителей, вклинился явственный звук разорвавшейся гранаты. Почти сразу послышался звон разбитого стекла и падающих предметов. Рассел повернул голову на звук и увидел, что в витрине стоявшего напротив банка «Эксельсиор» образовалась огромная дыра, сквозь которую сочится дым от разрыва. Рядом, на мостовой, валяется окровавленное тело человека, которого выбросило через витрину на улицу. По остаткам белой портупеи можно было догадаться, что это труп полицейского. Через несколько секунд тишины раздалась глухая автоматная очередь, витрина снова брызнула осколками стекол на всю улицу. Посетители ресторана, словно выдрессированный взвод воздушных десантников, бросились на пол, закрывая голову руками от осколков. В здании банка разгорелась нешуточная перестрелка. По звукам выстрелов Рассел различил два автомата и около пяти пистолетов. Видимо охрана банка отчаянно защищалась от грабителей, но силы были не равны. Громыхнула вторая граната и внутренности банка заволокло дымом. «Слишком много дыма для обыч-

ной гранаты, промелькнуло в голове у Рассела, наблюдавшего за заварухой из нижнего угла окна ресторана, наверное специальная дымовая шашка». Сопротивление охраны для гангстеров, по всей видимости, оказалось выше расчетного, кто-то допустил ошибку и перестрелка не стихала, а скорее наоборот. Грохот выстрелов становился все слышнее и скоро слился в сплошную канонаду. Рассел заметил движение на втором этаже и тотчас, сквозь разлетевшуюся вдребезги окно, на асфальт выпрыгнул мужчина в костюме. Сгруппировавшись в полете, он приземлился на дорогу достаточно грамотно и сразу бросился бежать к автостоянке. Скорее всего это был охранник. В окне показался человек в черном плаще и маске с прорезями для глаз. Он вскинул автомат с глушителем, не колеблясь нажал на курок. Застучала глухая автоматная очередь. Бегущий человек как-то нелепо подпрыгнул, выгнулся и рухнул лицом на капот белоснежного «Мерседеса». Еще несколько секунд он цеплялся за жизнь, пытаясь ухватиться за что-нибудь, но вскоре его пальцы разжались и он сполз на землю, окрасив капот «Мерседеса» алой кровью. Гангстер для пущей уверенности выпустил еще одну очередь по лежащему охраннику, изрешетив автомобиль. Вдалеке послышался вой полицейской сирены.

«Ну, хватит, ребята, – решил Рассел, – вы тут, я смотрю, надолго обосновались. Еще чего доброго, не грабить приехали а заложников захватывать. Того и гляди полицаи оцепят весь квартал и никого не выпустят, а это мне никак не подходит. Я немного опаздываю. Придется выступить на стороне невинно убиенных.»

Майор мгновенно вытащил из наплечной кобуры свой пистолет и, прицелившись через стекло, выстрелил в еще видневшегося сквозь разбитое окно второго этажа гангстера. Тот дернулся почти так же, как только что убитый им охранник и, перевалившись через подоконник словно мешок с картошкой, рухнул вниз на асфальт, успев по дороге сшибить небольшую световую рекламную вывеску банка. Вывеска со звоном и световыми вспышками разлетелась вдребезги, добавив сумбура в происходящее. Почти тотчас сквозь дыру в витрине первого этажа банка «Эксельсиор» раздалась другая автоматная очередь, вспоровшая стекло над головой Рассела. Он ничком бросился на пол, сверху на него обрушился град мелких стекол. «Быстро засекли, господа профессионалы, да деваться мне некуда» – успел подумать Рассел и ползком двинулся к выходу. Гангстеры, видимо полностью подавив сопротивление внутри банка, с радостью перенесли огонь на противоположную сторону улицы в ресторан «На кухне у Эллы». К автомату прибавились пистолетные хлопки. Стекла в ресторане очень быстро превратились в мелкое блестящее крошево. Пули выдирали целы куски из рам, глухо шлепали в мягко обитые стены, дырявили висящие на стенах портреты знаменитой Эллы. Автоматчик, словно развлекаясь, прошелся очередью по столам, на которых запрыгали разлетаясь высокие бокалы с вином, бутылки шампанского и куски жареной дичи. Перед носом у Рассела упал сбитый со стола пулями кусок его собственного недоеденного «специального предложения». Обогнув его, майор подполз к порогу и попытался выглянуть наружу. Тотчас перед ним вспорола пол автоматная очередь. Кремп спрятался обратно за бетонную стену и стал лихорадочно размышлять. Его «Бьюик» стоит совсем рядом, в пятнадцати метрах справа от выхода. Развернут багажником к банку. Несколько секунд добежать до машины, открыть дверь, завести мотор и свернуть на боковую уличку, уходя из зоны обстрела. К счастью уочка начиналась буквально в двух шагах – ехать по прямой предстояло не более десяти метров. План был великолепен, но абсолютно не реален, поскольку все подходы к машине идеально видны и простреливаются из банка. Добраться до «Бьюика» не представлялось возможным, если не произойдет какого-нибудь чуда. В этот момент на улице завыла сирена подъезжающей на полном ходу полицейской машины. «Вот оно!» – мысленно воскликнул Рассел, но тут же озадачился. Его ни за что не отпустят сразу, даже после задержания гангстеров. Как-никак не просто свидетель, а активный участник перестрелки. Человек двадцать свидетелей активного участия майора в заварухе лежало и таращилось на него сейчас сквозь пальцы под стульями и столами ресторана, стараясь стать одного цвета с полом. «Да, проблема, понимаешь...» – загрустил Рассел. Грегор Йорг и

его загадочный помощник за опоздание по головке не погладят. Могут запросто отстранить от полетов, а то и перевести в гражданские летуны. Такого исхода можно было ожидать при самой мягкой реакции начальства.

Между тем полицейская машина подъехала к банку и, взвизгнув тормозами, остановилась. Водитель под прикрытием напарника выскочил из машины и едва успел вытащить мегафон, чтобы предложить гангстерам сдаться на милость полиции, как в машину полетело сразу две гранаты. Мощный полицейский сине-белый «Форд» подбросило на метр в воздух и шарнуло об стену ресторана. Оба служителя правосудия отдали богу душу. «Да, ребятки похоже и полиции не боятся. – промелькнуло в мозгу у майора, – Это даже не обычные террористы, это маньяки какие-то. Надо сматываться!» Воспользовавшись возникшей неразберихой на улице и прячась за дымившим полицейским «Фордом», майор Кремп выскочил на улицу и бросился направо к стоявшему в пятнадцати метрах «Бьюику». Секунды проходили словно минуты. Первая, вторая, третья (осталось семь метров), четвертая, пятая (три метра), шестая... Коснувшись дверной ручки своей машины, Кремп подумал, что его пронесло и он остался незамеченным из-за дыма, но тут же это предположение отпало само собой. Автоматчик полоснул короткой очередью по капоту стоявшего впереди спортивного «Крайслера». Рассел рванул ручку и нырнул на сиденье. Следующая очередь забарабанила уже по капоту «Бьюика», гангстеры явно не хотели отпускать живого свидетеля, к тому же замочившего одного из них. Рассел завел мотор и, на секунду выпрямившись на сиденье, нажал на газ. «Бьюик» рванул задним ходом и, пролетев три метра, остановился как вкопанный. Эти секунды решали все. Именно сейчас, вылетев прямо под обстрел, Рассел вернее всего мог расстаться с жизнью, если с машиной что-нибудь случится. Он рванул передачу на себя, отметив краем глаза, что ребята в черных масках с прорезями для глаз и длинных черных плащах, которых он так опрометчиво принял за клерков, выбегают из дверей банка, целясь на ходу. Что ни говори, а «Бьюик» представлял из себя сейчас великолепную мишень. Рассел втопил педаль в пол, и машина рванула с места. Завизжали вмиг разогревшиеся покрышки. «Клерки», выстроившись у входа в банк в полный рост, открыли огонь. Пули, словно бешеные, объевшиеся мухоморов пчелы, забарабанили по бамперу и заднему стеклу «Бьюика». Рассел кинул машину вправо и ушел вниз по узенькой уличке, пригибаясь от все еще стучавших по машине пуль. Только спустя два квартала, когда ураганный огонь затих, он смог выпрямиться на сиденье и вздохнуть с облегчением. «Да, – пробормотал Рассел Кремп себе под нос, – Ни чего себе заехал поужинать под приятную музычку. Боюсь, теперь до конца жизни джаз будет возбуждать у меня сплошные приятные воспоминания». Только тут он сообразил, что передвигаться по городу на походившем на дуршлаг автомобиле не очень выгодное дело – можно невзначай привлечь внимание полицейских и запросто самому прослыть гангстером. К счастью, он уже выехал из центра и почти добрался до пункта назначения в восточном предместье. Когда по бокам автострады потянулись кварталы попроще, Рассел свернул в один из глухих дворов и, бросив там машину, зашагал дальше пешком, предварительно утопив портативный терминал связи в ближайшей канаве. Выбравшись на нужную улицу, он повстречал две полицейских машины пронесшихся на всех парах в сторону банка «Эксельсиор».

Через пятнадцать минут, с опозданием всего на десять минут, Рассел как ни в чем ни бывало постучал медной подковой, заменившей звонок, в изящную дверь небольшого особняка на Кингсроуд 97. Ему отворили сразу же. На пороге стояла красивая женщина, брюнетка лет тридцати с фигуркой манекенщицы и слегка восточными чертами лица. Рассел так откровенно ею залюбовался, что забыл сказать условленный пароль. Когда он все же выдавил из себя «Мне нужен мистер Хост», молчавшая до сей поры женщина впустила его в гостиную, а сама словно растворилась – так быстро она исчезла из поля зрения летчика. Рассел с легкой грустью опустился в мягкое кресло и тотчас из-за спины раздался надтреснутый мужской голос:

– Вы опоздали, майор Кремп! На улице что – нелетная погода?

Рассел обернулся и увидел стоявшего в проеме не замеченной им сразу (а может потайной) двери мужчину лет сорока, седовласого, одетого в коричневый твидовый костюм. Мужчина прошел в центр гостиной и пристально посмотрел на Рассела, который был вынужден встать под начальственным взглядом.

– Так точно, мистер Хост. Зашел перекусить. А погода, напротив, даже очень летная. Только что на моих глазах двое спланировали из окна банка «Эксельсиор».

– Да вы шутник, как я погляжу, – процедил сквозь зубы вошедший, – Грегор любит подбирать себе команду из оптимистов. Ну ладно, об опоздании узнает ваше непосредственное армейское начальство, пусть оно и разбирается с вашей дисциплиной. Я не спрашиваю Вас, почему ваш костюм местами порван, а местами окровавлен. Мое дело обеспечить вас инструкциями относительно второй фазы операции «Карающий меч». Остальное меня не касается. Садитесь.

Рассел повиновался и снова развалился в мягком кресле. В гостиной, если не считать звуков голосов, стояла полная тишина. Как приятно было не слышать жужжащих над головой пуль.

– Меня зовут Риккард Парч. Полковник Парч, если хотите.

«Ого! – подумал Кремп, – Кто же тогда по званию Грегор Йорк? Я-то думал, что общаясь исключительно с умными гражданскими головами или хотя бы – полугражданскими. А тут дело попахивает не только родными военно-воздушными силами, но и еще кое-чем. Интересно, что за игру затеял Пентагон?». Между тем, Парч продолжал.

– Прямо сейчас вы отправитесь в Лондон. Полетите грузовым рейсом BBC на самолете C-130 «Геркулес». По легенде – вы капитан Джонсон, сопровождаете груз специального назначения на нашу английскую авиабазу BBC «Краутон». По прибытии примите командование четырьмя находящимися на базе бомбардировщиками B-52. Все самолеты оборудованы генераторами частоты мыслей последней разработки. Это наиболее мощные на сегодня генераторы, которые полностью исключают возможность обнаружения самолета локаторами противника и, соответственно, визуальный контакт с оператором, даже если произойдет невозможное. Действие генераторов распространяется на расстояние более полутора тысяч километров. Из всех четырех самолетов, ваш бомбардировщик с бортовым номером 665 оснащен генератором с самой тонкой подстройкой частоты мыслеформ противника и самой большой мощностью воздействия. Он уникален. Ваша задача – вылететь со всем бомбардировочным звеном в три часа утра на следующий день и взять курс в квадрат шестьдесят пять – четырнадцать. Дальнейшие инструкции о проведении бомбометания получите, достигнув заданного квадрата. Вылет немедленно. Машина ждет вас во дворе. Можете идти.

Кремп встал и молча направился к выходу. Парч остановил его:

– Майор, и кроме того личная просьба – никуда больше не заходите по дороге перекусить. Ваша голова для нас слишком ценна, а в ресторанах, судя по вашему костюму, нынче не очень спокойно.

Кремп толкнул дверь и вышел во двор. В десяти шагах стоял новенький черный «Мерседес». За рулем с лицом египетской мумии сидел шофер. «Этот и маму родную придушит, не задумываясь». – подумал Рассел, но выбора у него не было. Он открыл дверь и прыгнул на заднее сиденье. Плавно тронувшись, «Мерседес» вырулил на автостраду и понесся к находившемуся в двадцати милях от города военному аэродрому подскока.

При въезде на территорию аэродрома у Рассела проверили документы, согласно которым он становился на время полета капитаном BBC Джонсоном из 855 тяжелого бомбардировочного крыла авиабазы «Южная Дакота». Затем «Мерседес» выехал прямо на взлетную полосу и подкатил к одиноко стоявшему «грузовику» C-130. Самолет уже прогревал двигатели, поэтому над аэродромом разносился вой турбин. Кремп с неудовольствием вылез из мягкого салона автомобиля, где за непродолжительное время успел расслабиться, и заша-

гал прямо к самолету. В С-130 шла загрузка танков. По легенде на них были установлены новые секретные приборы для стрельбы из под воды, которые Расселу вменялось в обязанность курировать. Бронированные машины с постоянным лязгом, но осторожно и медленно, словно двигались по весеннему льду, въезжали в утробу самолета через гигантский люк со стороны хвоста. Рассел подошел к узкому трапу, поднимавшемуся к отсеку для летчиков и обслуживающего персонала, который располагался в носовой части огромного самолета-грузовика. У трапа стоял автоматчик и лейтенант роты охраны аэродрома. Здесь у майора-капитана Кремпа-Джонсона еще раз проверили документы, но не найдя никаких изъянов, допустили на борт. Быстро и привычно поднявшись, Рассел попал в отсек для военных «пассажиров», где повстречался с капитаном Ником Райтом, оказавшимся попутчиком Рассела и ко всему неплохим парнем. Офицеры познакомились, немного поговорили об авиации и танковых войсках, причем Райт нескованно удивился глубоким познаниям сухопутного капитана Джонсона в авиационном деле. Затем, когда С-130 поглотив все «секретные» танки, поднялся в воздух и взял курс на туманный Альбион, офицеры решили перейти на ты и распилили бутылку импортной «Столичной водки» из купленной Райтом в Берлине у русского туриста мелкой партии водки. Остаток полета прошел за игрой в карты и периодическим выпиванием. Лететь надо было долго и Рассел дал себе возможность слегка расслабиться перед выполнением напряженного задания.

После приземления Рассела встретил майор ВВС Ирвин Бартелл и проводил в корпус для руководящего персонала авиабазы «Краутон», которая находилась чуть ли не в пределах исторической части Лондона – местные политики закрывали глаза на тот факт, что в небе над Тауэром летают американские истребители и бомбардировщики. На базе Рассела познакомили с командирами и экипажами бомбардировщиков, с которыми ему предстояло выполнять секретное задание. Вторая часть операции «Карающий меч» носила кодовое название «Северный удар». Рассел разъяснил командирам бомбардировщиков задачу на первоначальном этапе и сообщил, что дальнейшие инструкции они получат после достижения нужного квадрата. Он и сам кроме названия операции толком ничего не знал. Отпустив экипажи, остаток вечера Рассел провел в офицерском клубе потягивая «Кока-колу» и с увлечением уставясь в телевизор. По телевизору передавали шоу Бенни Хила. Рассел от души посмеялся, однако к трем часам утра был свеж как только что вытащенный из банки малосольный огурец. Он выкурил последнюю сигарету перед вылетом на боевое задание, переоделся в специальный комбинезон, захватил гермошлем и направился на взлетную полосу к дремавшим на ней бомбардировщикам. Вылет состоялся точно по плану.

В эту пору на Диксоне уже понемногу наступала зима. Точнее она там никогда не кончалась. Местная природа непрерывно находилась либо в состоянии трескучей зимы, либо оттепели, либо в ожидании похолодания, и лишь на короткое время баловала невесть зачем приехавших сюда людей жалким подобием лета, состоявшим из пары недель относительно теплой погоды и ярких красок. В эту пору особенно оголодавшие олени выходили из тундры поближе к человеческим поселениям в надежде застать вокруг них раньше всего появлявшийся из-под снега, в связи с сохранением тепла в домах, ягель. Приветливые поселенцы радовались оленям и долго показывали на них своим детям, а вдоволь налюбовавшись, отправлялись по домам. Оттуда они возвращались со своими видавшими виды берданками и, немного погоревав о нарушении любви к братьям своим меньшим, палили по оленям из всех имеющихся стволов – нельзя же в конце концов столько мяса, которое само пришло, отпускать обратно в тундру. Пароходы приходили в ближайший порт Дудинку не чаще, чем Новый год, а есть, как ни странно, хотелось каждый день. Коренные поселенцы, впрочем, обитали далеко в глубине обширной территории полуострова и периодически дружили с оленями. И было их очень мало. Основными жителями прибрежных земель были русские солдаты, охранявшие северные рубежи необъятной родины. Секретных военных баз здесь было даже больше, чем посел-

ков коренного населения, а официальная подозрительность простиралась до того, что документы проверяли чуть ли не у оленей – мало ли на что способны заокеанские супостаты. Ходили слухи, что для военных целей вовсю используют тюленей и дельфинов, так что смастерить оленя-терминатора не представит для них особого труда. Тем более, что целей для диверсий было хоть отбавляй. По всему полуострову было раскидано десятка два ракетных шахт, несколько радиолокационных точек и приемных центров радиоразведки. Это ведь только из столицы Америка кажется далеко, а с Диксона до нее рукой подать, а уж радиоволной и подавно. Прослушивается вся территория Соединенных Штатов за милую душу и бескрайние снега тому только помогают – отражаясь от них радиоволна летит намного дальше обычного. А уж простреливается ядерными баллистическими ракетами Америка отсюда только чуть-чуть похуже, чем с Кубы. Ракете после старта всего делов – продифилировать над Северным полюсом и упасть куда положено. Американцы это понимали не хуже русских, оттого все воздушное, надводное и подводное пространство было напичкано летательными и плавательными аппаратами с аналогичными прибамбасами на борту. Отсутствие земли под ногами американцы компенсировали количеством военной техники, благо промышленность и финансы позволяли. Заокеанский налогоплательщик существует бого– и президентобоязанное, а потому с радостью отдаст свой последний доллар на укрепление защиты от очередной военной угрозы.

В этот день старший «смены» на приемном радиоцентре «Морозко», располагавшемся неподалеку от поселка Диксон, Михайло Вертиполох сидел за своим постом системы «Глобальный перегон» и с вожделением смотрел на только что принесенную посылку из дома. Посылку принес один из «духов», который сразу же получил задание найти нож или стамеску для производства вскрытия. Такое событие, как приход кому-нибудь посылки с едой, а другого в ней быть просто не могло, квалифицировалось всеми «дедами» на точке как национальный праздник освобождения, подобно дню взятия Бастилии пражскими коммунарами. Это означало, как минимум, большой жор для избранных и, скорее всего, продолжительный дринкинг на боевом дежурстве. Как ни старались офицеры поначалу предупредить подобные случаи, ничего не выходило. Еда на севере – это святое. А поскольку офицеры сами с голодухи иногда постреливали в пробегающую и глущили динамитом проплывающую дичь, то в конце концов все былопущено на самотек. Пусть идет как идет, философски решили офицеры, и правильно сделали – на отдаленной точке все шло более-менее нормально. Здесь, на краю земли, все нравы упрощаются до предела.

Сидевший рядом с Михайло «дед» Володя Дубинин уже с минуту размышлял на тему посещения сортира перед едой, поскольку только недавно опрометчиво пообедал. И мысли его постепенно сводились к «сходить все-таки надо». Проблема заключалась в том, что в туалет на краю земли ходят исключительно по двое. И дело тут не в отсутствии женщин или прочих извращениях, просто хозяином здешних мест, на радость «Гринпису», резонно считался не человек, а белый медведь. А он знал, зараза, в какие минуты своей жизни человек бывает наиболее беспомощным, и ловко пользовался своими знаниями. За последние полгода, после неурожайного периода в тундре, медведь задрал в туалете уже двух солдат. Туалет, как и все прочие удобства, находился на отшибе. В плохую погоду, то бишь в буран, когда ничего не видно на расстоянии двух метров, деревянный сортир в лучшем случае маячил вдалеке призраком «Летучего голландца». А если дело происходило в полярную ночь, поход по нужде представлял из себя и вовсе уж рискованное предприятие. При всем желании командир части капитан Берестов не мог приставить к сортиру часового с автоматом для отгона медведей и прочей нечисти. Часовой через пятнадцать минут на ветру превратился бы в ледяной персонаж из северных сказок Андерсена. Единственное, что измыслил хитроумный капитан, это протянуть веревку от казармы до сортира и издал приказ ходить в сортир по двое. Один справляется нужду, а второй с топором отгоняет медведей. После своих нерадостных размышлений Володя

Дубинин попросил Михайло повременить с посылкой, а сам свистнул одного из корешей и отправился в сортир.

Спустя пару часов, когда сменился караул, в который ходили драганы Михайло, все приглашенные «дедушки» и «дембеля» уселись вокруг «Глобального перегона», забив на дежурство, и сверлили посылку голодными взглядами. Михайло откупорил деревянную крышку стамеской и взорам присутствующих открылись внутренности коробки. Словно фокусник из черного ящика Михайло доставал оттуда ярко-рыжие мандарины, банку соленых огурцов, невиданные лет сто зеленые яблоки, палку колбасы, три банки тушеники и пестрые пакеты со сладостями. По аудитории пронесся радостный вздох. Быстремко распаковав и открыв все что можно, служивые извлекли из поста двухлитровую бутыль самогона, сменянную у пришлых чукчей за десять холостых патронов (чукчи в это время как раз преследовали убегающего оленя и никак не могли понять, почему после выстрела в упор он никак не хотел падать и истекать кровью). Самогон молниеносно перекочевал в граненые стаканы солдат и наполнил небольшой зал неслыханным ранее ароматом, в котором неясно угадывались запахи погони и крови, весенней тайги, перезрелых мухоморов, сырого пороха и устроившегося на очлег голодного медведя. Между тем, русские солдаты привыкли выносить и не такое. Володя Дубинин встал первым и предложил тост за родителей Михайло в благодарность за присланную посылку. Это было логично и рассудительный Михайло согласился. Опрокинув стакан самогона внутрь, он испытал странное ощущение. Ему вдруг на секунду показалось, что он олень-первогодок, который прыгает по бескрайней тундре в поисках ягеля. Но ощущение это быстро прошло. Дубинин и сидевший рядом Петр Ликсахин, оператор «Большой дороги», одновременно почудились себе лосями с огромными ветвистыми рогами, причем в период борьбы за самку. Они тут же столкнулись лбами и стали скрипеть зубами друг на друга. Их быстро утихомирили и налили по второй. Немного освоившись с действием самогона, Гоша Переверзев, лучший мозрянщик точки, предложил поднять граненые стаканы за самого Михайло, которому скоро светил ранний дембель за успехи в ловле иностранных самолетов-шпионов, наглым образом нарушавших воздушную границу. Однажды Михайло даже поймал неопознанный радиосигнал, который никто в части расшифровать не смог. Кассету с записью отослали в Москву, где через неделю установили, что сигнал принадлежит не самолету и не летающей тарелке, а вражеской атомной подводной лодке, которая потерпела бедствие, столкнувшись с китом-полосатиком, и была вынуждена всплыть вблизи северных российских берегов. Михайло тут же наградили внеочередным суточным увольнением домой, но поскольку дорога домой занимала трое суток, увольнение осталось неиспользованным. Несмотря на это Михайло согласился выпить за себя и первым опрокинул стакан. На сей раз все поплыло у него перед глазами, окружающее куда-то исчезло, а он ощущил себя тюленем, за которым, прыгая по волнам, несется лодка с туземными охотниками. На носу уже стоит, высоко подняв гарпун с зазубренным лезвием, главный туземец – отважный Хасы Манты Пельмени. Но хитрый тюлень нырнул под льдину и спасся от преследователей. Там он неожиданно столкнулся с морским котиком, заговорившим с ним голосом лейтенанта Косухина:

– Вертиполох, ты что это в туалете один делаешь?

Честный тюлень ответил капитану:

– Прячусь от охотников.

– Это что они тебя, за холостые патроны преследуют?

– Да черт его знает, товарищ капитан.

Морской котик осмотрелся по сторонам и вопросил:

– Значит пьете? Налили бы хоть старшему по званию.

– Это с превеликим удовольствием, – вставил слово голосом Гоши Переверзева невесть откуда возникший под водой белый медведь.

– Гоша, – удивился Михайло, – Ты же плавать не умеешь?

– Не умею. – подтвердил белый медведь, – Но страшно хочу научиться. Да и закуска тут так и шныряет вокруг.

Он поймал проплывавшую мимо жареную скумбрию и разом отхватил половину. Приняв стакан из белой волосатой лапы, морской котик предложил:

– Пора всплыть, товарищи разведчики. И залпом выпил содержимое.

– Пора, – согласился Михайло, сделав пару загребательных движений.

В то мгновение Вертиполох вдруг узрел себя сидящим на сейфе в помещении штаба части. Чуть ниже, за столом командира части, расположился лейтенант Косухин, который пытался как заправский морской котик подвинуть носом стакан с одного края стола на другой. Вскоре это занятие ему надоело и он стал подбрасывать носом футбольный мяч, ловко жонглируя. «Прямо как в цирке» – подумал Михайло. В этот момент открылась дверь и в проеме показался лось с ветвистыми рогами.

– Здорово Михайло, а мы уж тебя потеряли совсем, – произнес лось голосом Ликсахина. – Пить будешь?

После третьего стакана Вертиполох ушел в небесные сферы и не на шутку разругался с чукотским шаманом Кугуном о природе вещей. Шаман утверждал, что души оленей после смерти или в период экстаза переселяются только в хороших людей. В плохих переселяется душа коварной росомахи и охотника за тюленями Хансы Манты Пельмени. Вертиполох же пытался убедить самого шамана, что его нет на свете вообще, что он простой глюк и скоро сгинет совсем, с первым криком петуха. А у охотника Хасы Манты Фрикадельки души вообще нет – это сплошной собирательный гастрономический образ.

– Сам ты гастрономический образ, – обижался шаман, – Ну скажи мне, где ты на Таймыре петухов видел?

На этот вопрос Вертиполох не знал ответа.

Рация заработала еще при подлете к квадрату шестьдесят пять – четырнадцать. На связь с бомбардировщиком Рассела вышел сам Грэгор Йорк.

– Хело, майор – голос Грэгора звучал бодро, – как добрались?

– Все О’Кей, шеф. Слегка потряхивает на воздушных ямах, но это мелочи.

– Отлично, Рассел, иного ответа я от вас и не ожидал. Ваша задача – разбомбить цель на территории русского полуострова Таймыр. Радиоцентр находится в квадрате в шестьдесят три – десять. Через десять минут она уже будет в зоне досягаемости. После нанесения удара сразу доложить о результатах. Сегодня ваши генераторы самые мощные из всех собранных, поэтому промахи и накладки исключаются. Желаю удачи.

Эфир смолк. Рассел проверил вооружение, все было в норме. Он вызвал экипажи остальных бомбардировщиков и продублировал приказ.

– Ребята, подлетаем к зоне нанесения удара. Цель – русская радиоразведочка. Использовать весь имеющийся запас ракет и бомб. Через пять минут включаем генераторы частоты мыслей, они выведут нас прямо на цель. Ни один русский не должен уйти живым.

Экипажи подтвердили получение приказа и готовность к атаке. Спустя пять минут Рассел первым запустил «Фабрику грез» на своем стратегическом бомбардировщике. На экране монитора к его удивлению не возникло никаких детских или эротических силуэтов. Из конца в конец монитора сновали олени, проплывали тюлени и бегали какие-то чудаки, похожие на обитателей канадского севера. Периодически возникали пейзажи почти голой заснеженной тундры и подводных шельфов. Иногда сигнал поступал прямо из воздушных масс, пересекавших сейчас Северный Ледовитый океан. Рассел, по старой привычке общаться с компьютером, забыв о ценности этой техники, в сердцах даже пару раз долбанул по экрану монитора кулаком. На экране на секунду возник какой-то человек в кителе с погонами, но в одних кальсонах и шерстяных носках, лихо жонглировавший своим носом большим футбольным мячом. Рас-

сел решил, что случайно поймал сигнал спутникового телевидения с комическим шоу Бенни Хила, но по направлению сигнала убедился, что тот идет именно с необходимой ему радиоточки противника.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Рассел, – Кто, интересно, служит в русской армии – тюлени и белые медведи? Это уже слишком. Не могли же они и в самом деле посадить за посты животных? А, судя по мыслеформам, никого кроме дичи там не имеется.

Рассел покосился на цветовую шкалу приборов, индицирующих цвет мыслей и определявших их принадлежность к той или иной группе людей. Прибор весело перемигивался с Расселом яркими вспышками всех возможных оттенков, напоминая ему то ли новогоднюю гирлянду, то ли северное сияние.

– Что за черт. – снова выругался Рассел.

В этот момент на связь вышли командиры ведомых бомбардировщиков.

– Шеф, – в один голос твердили офицеры, – По показаниям приборов мы уже находимся почти прямо над русской территорией. Но генераторы показывают передачу «В мире животных» или «Одиссею команды Кусто». Что нам делать?

Немного подумав, Рассел рассудил так:

– Будем бомбить по приборам. Запись поведения генераторов расшифруют потом аналитики штаба. Мы имеем на борту самонаводящиеся на мыслеформы противника ракеты. Понаадеемся на них. Открыть огонь.

Звено бомбардировщиков почти одновременно выстрелило шестнадцатью баллистическими ракетами класса «воздух-земля». Шестнадцать огненных хвостов сорвались из под крыльев воздушных американских ракетоносцев и устремились к самой северной оконечности полуострова Таймыр. Поначалу их полет продолжался нормально, прямо к цели, но затем наступил хаос. Ракеты, словно по команде «все вдруг», разлетелись в разные стороны. Добрая половина ушла глубоко в пустынные тундры полуострова, превратив достигнутые места в лунную поверхность с зияющими кратерами. Четыре ракеты какое-то время носились одна за другой, а затем взорвались далеко от цели. Еще три моментально устремились в воду, словно атакуя спрятавшиеся подо льдом вражеские подводные лодки. А последняя ракета вместо прямого курса на цель устремилась в верхние слои атмосферы и взорвалась при вылете в открытый космос. Рассел в бешенстве сорвал с себя гермошлем, обливаясь холодным потом – никогда в жизни он еще не чувствовал себя таким полным идиотом. Отдышавшись, словно его преследовал голодный тигр, Рассел включил передатчик и скомандовать экипажам:

– Отбой атаки. Идем домой.

Глава 10. Черный полковник

Генерал Тарасенко повернул голову в сторону сидевшего в самом дальнем углу кабинета невысокого человека в форме полковника. Молчавший до сей поры брюнет, с невыразительными чертами лица и прозрачными глазами, встал и медленно подошел к карте. Звали его Герман Бергмозер. Полковник руководил недавно созданным при штабе округа центром парапсихологических исследований в военных целях. Более конкретно о том, чем занимались его люди, не знал даже генерал Тарасенко. По данным генерала тайные агенты Бергмозера под видом обычных лейтенантов, капитанов, а иногда и рядовых, находились практически на всех точках войск, относившихся к епархии радиоразведки. С ведома правительства они вели негласный надзор за состоянием дел и отбирали кандидатов в новые элитные части, судя по всему, не имеющие к радиоразведке прямого отношения. Когда Бергмозер подошел к карте, в обширном кабинете смолкли все разговоры, казалось, офицеры перестали дышать, и в возникшей тишине стало слышно как растут цветы на подоконнике.

… Когда в далекой уральской деревушке Берестово на свет родился маленький мальчик Герман Бергмозер, радиоразведки не было и в помине, а отечественная и мировая парапсихология находилась еще на уровне средневековых представлений. Только-только начиналась эпоха радио. Новорожденный уже с младенчества проявил странные способности – когда бабка-повитуха попыталась его перекрестить крестным знамением, неведомая сила подхватила ее и вышвырнула во двор. По какой-то роковой случайности бабка угодила прямо головой в колодец и захлебнулась. Соседи сочли это несчастным случаем, поскольку за повитухой Пелагеей значилось неумеренное потребление спиртного по праздникам и даже в будние дни. Посудачив немного решили, что она сама свалилась в колодец. Ее похоронили скромно, по деревенскому обычаю, и забыли о случившемся. Спустя десять лет малолетний Герман, названный так своими учеными родителями в честь уездного врача Германа Петровича Колюева, вылевчившего его мать от лихорадки, расшумелся на игрище со своими дружками и случайно толкнул проходившего мимо старца Викентия из местной церкви. Однако, когда старец Викентий попытался приструнить расшалившегося без меры мальца, тот, вместо извинения, послал старика подальше и еще погрозил кулаком, мол «Ходят тут всякие хрычи, играть мешают». Старец, обомлев от услышанного, чуть было не проклял мальца на веки вечные, да пожалел и не стал. Вернувшись домой, почтенный старец вдруг почувствовал резкую боль в сердце, горле и ногах, заставившую его слечь в постель. К вечеру у него пошла кровь горлом, а сердце остановилось. Поскольку никто кроме дружек Германа не слышал его перепалки со старцем, то и со смертью последнего никто малолетнего мальца связывать не стал. Между тем, с течением времени за отдаленной уральской деревушкой Берестово стала закрепляться дурная слава. Если какой-нибудь купец ехал через деревню на ярмарку, его обязательно грабили. Если в деревню приезжали гости к своим родственникам, после возвращения домой все тяжело заболевали, а иногда даже умирали. Если кто из мужиков в соседней деревне брал себе в жены девку из Берестова, то она рожала ему только мертвых детей. Произраставшие в окрестных лесах грибы и ягоды в пищу были абсолютно не потребны, а сваренный из них самогон использовали для потравы ядовитых змей, в изобилии водившихся в окрестных болотах. Когда Бергмозеру исполнилось пятнадцать лет, отец повел его на крестный ход. Там, увидев животворящую икону, мальцу сделалось худо, но вскоре он пришел в себя, а в небе над церковью началась страшная круговерть. Поднялся ветер. Возникла огромная воздушная воронка, засосавшая в себя всю окрестную живность и посевы. Люди едва успели разбежаться, а церковь рухнула. В конце концов все жители деревни померли от неясных болезней или подались в болота, и никто более о них не слышал с тех пор. Чудом уцелел только сам Герман. Его взяла к себе на воспитание тетка из далекого Борисоглебска. В этом городишке Герман провел три года. К тому

времени большевики уже бродили по стране, создавая в ней брожение умов, и ум Бергмозера, оказавшийся на редкость прозорливым, быстро сообразил где его место. В свои восемнадцать лет он вступил в Красную армию и стал громить белых по всем фронтам. Через полгода он уже командовал эскадроном. Лихим кавалерийским наскоком врубался Бергмозер со своими молодцами в самую гущу схватки, где бы она не проходила. Мотало его по всем фронтам: от западного до уральского. Удалось схлестнуться даже с колчаковскими частями в родной Сибири. Там бравый комиссар Бергмозер сам расстреливал пленных белых офицеров, а иногда и пытал собственоручно особенно молчаливых и неподатливых на раскрытие военных тайн. В душе он люто ненавидел белогвардейцев только за то, что они пели «Боже, царя храни», а не «Интернационал» – великий гимн разрушения мира. При звуках этой песни Бергмозер плакал, сняв свою кожаную кепку. А поплакав, снова пытал и убивал белогвардейцев, ни за что на свете не хотевших принять власть пролетариата как законную. Периодически в нем просыпались детские воспоминания и желания. Однажды он устроил переправлявшимся вброд через мелководную речушку колчаковским конникам настоящую морскую бурю. Вода, доходившая лошадям до колен, за мгновение поднялась так, что им пришлось плыть изо всех сил, а затем закрутилась в водоворотах, поглотивших большую часть всадников. Остальных накрыло гигантской двадцатиметровой волной. Те немногие, кто добрался до берега, сошли с ума от увиденного и разбежались по лесам, пугая зверей своим диким криком. Уцелел лишь один единственный есаул Васько Лавренец, но, добравшись до своих, он был моментально помещен в походную лечебницу для душевнобольных, а затем тайно расстрелян ввиду полного помешательства и быстрого наступления красных. О наступавшем на Колчака корпусе Германа Бергмозера, лихо получавшего воинские звания от вождей пролетариата, прослыпал сам золотопогонный адмирал. Он заслал в место расположения Бергмозера отряд наемных убийц с целью обезглавить бравого комиссара или, в крайнем случае, застрелить. Колчаковцам не удалось ни то, ни другое. Адмирал решил, что его предали. Как только убийцы под видом небольшого отряда партизан-красноармейцев появились в расположении штаба Бергмозера и беспрепятственно приблизились к комиссару на расстояние выстрела в упор, якобы с целью просить о принятии в краснознаменный корпус, откуда ни возьмись у штаба появилась рота казаков и разом всех повязала. Бергмозер, даже не взглянув на пленных, приказал казакам устроить развлечение со скачками и маханием шашкой, а вместо тыкв, которые полагалось рубить, обязал использовать головы пленных. Услыхав о такой жестокости, пленные запросили хотя бы расстрела, но узрев прозрачные глаза Бергмозера, смирились с судьбой и оплакали свою долю. Командиру отряда Бергмозер лично отрезал уши и скормил собакам.

Шло время, наступление продолжалось. Колчак пытался провести через Сибирь поезд с золотым запасом России, с тем, чтобы спрятать его от коммунистов. Японцы и англичане, естественно не из любви к царской России, ему помогали. Но на беду Колчака в этом мире ему повстречался Герман Бергмозер, а это означало только один исход разыгравшейся трагедии. По странному стечению обстоятельств лишь Бергмозер помнил о том, что через Енисей существовал только один единственный железнодорожный мост, соединявший два куска Транссибирской магистрали. Для гигантского количества солдат японской, английской и колчаковской армий, скопившихся на левом берегу Енисея, существовал только один единственный исход – через этот мост. Японцы и англичане конечно гады и проклятые империалисты, но не они в конечном итоге нужны были Бергмозеру. Ему нужен был даже не Колчак, ему нужен был золотой поезд. Одним мощным ударом собранной в кулак конницы, с предварительной артподготовкой, красные части Бергмозера сломили и уничтожили противостоящие им на этом участке фронта хваленые каппелевские батальоны, входившие в армию адмирала, и так лихо изображавшиеся потом в знаменитом фильме «Василий Иванович Чапаев». Каппелевцы умирали не сдаваясь, но толку от этого было мало. Через два дня ожесточенных боев первые красные эскадроны вышли к мосту через Енисей, отрезав воинствующей Антанте путь к отступлению.

Японцы, англичане и Колчаковцы оказались запертыми, словно в мышеловке. Под угрозой взрыва моста Бергмозер провел краткие переговоры с иностранными командующими, и те, естественно, предпочли мирно вернуться домой, сдав большевикам Колчака и поезд с золотым запасом. На том и порешили. Бергмозер пропустил во Владивосток эшелоны с англичанами и японцами, слегка их разоружив, а сам захватил золотой поезд без единого выстрела – интернациональную охрану просто и быстро заменили идеяными красноармейцами. Адмирал Колчак был предан своими офицерами, попал в плен и был тайно удушен лично Бергмозером, когда возникла угроза нового наступления недобитых киппелевских офицерских частей, жаждавших освобождения своего адмирала.

После триумфа на фронтах гражданской войны героический красный маршал кавалерии Герман Бергмозер, никогда в своей наполненной приключениями жизни не болевший никакими хворями, неожиданно умер по пути следования на собственном поезде из Киева в Харьков. Ехавшие с ним в одном командирском вагоне военные врачи констатировали быструю смерть от вируса испанского гриппа. Кончина маршала потрясла всех честных людей. Похороны устроили по всем правилам: в Москве, на Красной площади, с траурным шествием кавалерийских эскадронов и всенародным изъявлением скорби. Урну с прахом безвременно почившего красного маршала замуровали в кремлевской крепостной стене, где она и находится по сей день. Спустя короткое время все забыли о нем, увлеченные строительством новой светлой жизни. Между тем, не прошло двух десятков лет, как грянула новая война. Гитлер вероломно напал на Советский Союз. Уже танки Манштейна и Гудариана кромсали своими гусеницами священную землю великороссов. Корабли и подлодки адмирала Деница вовсю топили мирные транспорты русских, а заодно и всех остальных. Страна горела и умирала. И в это время в руки русских контрразведчиков попали документы офицера СС, коменданта Бухенвальда, полковника фашистских войск Германа Бергмозера. Удивленные военные чекисты, проводившие расследование, сопоставили удостоверение с имевшимися фотокарточками красного маршала и разом поседели. На фотографиях был изображен один и тот же человек, причем, судя по датам, этот человек жил и действовал одновременно в России и Германии. По приказу сверху чекистов расстреляли, а дело закрыли, объявив о непорочности красного маршала, благо фашистский Бергмозер был также мертв.

Третий Бергмозер родился в Москве 1955 году. В честь великого красного маршала и десятилетия победы над немцами родители нарекли его Германом. Мальчик поступил в военное училище и служил верой и правдой своей стране до самой перестройки. А после нее стал служить еще усерднее. Еще с рождения за ним стали замечать странные способности. Малыш мог видеть сквозь стены, передвигать взглядом и поджигать предметы, что он не раз проделывал с пролетавшими мимо голубями, а также читать мысли окружающих. Однажды он взглядом убил собаку. За одаренным мальчиком внимательно и негласно наблюдали умные военные люди и вскоре все это нашло применение в новом центре парапсихологических исследований, созданным при контрразведке. Для прикрытия уже давно получивший генеральские погоны Бергмозер для всех остальных оставался полковником, принадлежащим епархии внешней и радиоразведки, невесть почему не продвигавшимся по служебной лестнице. Об истинных целях и задачах центра знал только серый кардинал Верстышев, да сам Герман. Для отвода глаз, среди военной элиты распустили слухи о присутствии людей Бергмозера на всех точках радиоразведки, так что полковника тайно ненавидели и боялись почти все высшие офицеры, вплоть до отдельных генералов. Люди полковника из центра регулярно проводили специальные парапсихологические тестирования руководителей всех штабов радиоразведки на предмет выявления среди них вражеских шпионов. Подопечных Бергмозера боялись как огня, потому что от них веяло средневековой чертовщиной, чем-то запредельным для понимания недалеких умов нынешних руководителей военных ведомств России, привыкших разделываться с соперниками любыми методами, но методы Бергмозера были им неведомы, а потому в выс-

шей степени подозрительны. Его не раз пытались свалить, но полковник пользовался мощной поддержкой высокопоставленных фигур в правительстве страны, непонятно почему крепко в нем заинтересованных. Кроме того, попытки подставить Бергмозера обходились себе дороже. Среди генералитета ползли самые невероятные слухи о черном полковнике. Якобы он был сатанистом или некрофилом, а может и тем и другим одновременно. Попытавшийся его подсидеть генерал Студеный спустя две недели после очередной провокации сошел с ума и в припадке бешенства покончил жизнь самоубийством, полоснув себя по шее опасной бритвой. Видевшие его в последние дни перед смертью утверждали, что Студеный постоянно рассказывал о черных тенях, ежедневно являвшихся ему во сне и закапывавших его живым в могилу несколько ночей подряд. Как бы там ни было, реальной силы Бергмозера не знал никто, и это делало его еще более могущественным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.